ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ О. Е. КУТАФИНА (МГЮА)»

На правах рукописи

Грушин Юрий Олегович

# ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВЫХ РЫНКОВ И ЦИФРОВЫХ УСЛУГ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Специальность 5.1.5. Международно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор

Кашкин Сергей Юрьевич

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ..... 4

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРАХ ЦИФРОВЫХ РЫНКОВ И ЦИФРОВЫХ УСЛУГ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ ..... 23

1.1. Терминология и дискуссионные вопросы теории регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг ..... 23

1.2. История становления цифровых рынков в ЕС через призму нормативно-правового регулирования ..... 40

1.3. Предпосылки принятия Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах ..... 63

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ РЕГЛАМЕНТА ЕС О ЦИФРОВЫХ РЫНКАХ И РЕГЛАМЕНТА ЕС О ЦИФРОВЫХ УСЛУГАХ ..... 77

2.1. Процесс разработки и принятия Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах ..... 77

2.2. Регламент ЕС о цифровых рынках: содержание, механизмы правового регулирования, дискуссионные аспекты ..... 93

2.3. Регламент ЕС о цифровых услугах: содержание, механизмы правового регулирования, дискуссионные аспекты ..... 106

2.4. Первые результаты принятия Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах в Евросоюзе и вовне ..... 125

ГЛАВА 3. ЗНАЧЕНИЕ РЕГЛАМЕНТА ЕС О ЦИФРОВЫХ РЫНКАХ И РЕГЛАМЕНТА ЕС О ЦИФРОВЫХ УСЛУГАХ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕАЭС ..... 137

3.1. Правовые аспекты развития общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг в Российской Федерации ..... 137

3.2. Цифровая политика ЕАЭС и возможности адаптации и интеграции отдельных положений и идей Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах на евразийском уровне ..... 145

3.3. Возможности адаптации и интеграции положений и идей Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах в российское законодательство ..... 162

3.4. Тенденции правового регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг ..... 176

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ..... 183

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР ..... 195

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ..... 197
ПРИЛОЖЕНИЕ ..... 239

# ВВЕДЕНИЕ

## Актуальность темы исследования

В настоящее время человеку приходится повсеместно сталкиваться с цифровизацией, проникающей во все большее число сфер общественной жизни. Одни называют ее новым локомотивом развития и стараются ускорить, другие по различным причинам опасаются и призывают замедлить. Критерий преуспевания в цифровизации общества (особенно в экономике и взаимодействии с государственными сервисами) становится особенно важным для отнесения государства к категории «высокоразвитого». К преимуществам цифровизации можно отнести расширение товарных рынков посредством распространения электронной коммерции, снижение издержек во всех сферах за счет автоматизации процессов, упрощение бюрократических процедур и повышение прозрачности управления и скорости реагирования на кризисные ситуации, улучшение системы коммуникаций, расширение дистанционного формата работы, облегчение доступа к информации и образовательным технологиям и др.

Однако недостатки цифровизации столь же очевидны, как и преимущества: рост киберпреступности, вторжение третьих лиц (включая государства и операторов цифровых платформ) в частную жизнь граждан с помощью цифровых технологий, неправомерные или просто нерегулируемые сбор и использование персональных данных, использование персонализированных рекламы и пропаганды, распространение фейковых новостей, нарастание масштабов кибервойны между государствами.

Наконец, многие исследователи явно подразумевают, что цифровизация является своего рода «гонкой вооружений» между государствами; мы можем отчетливо наблюдать это, например, в сфере развития искусственного интеллекта и нейросетей. Следовательно, государство, быстрее иных внедрившее цифровые технологии и адаптировавшее к ним общество, получит весомое преимущество, как минимум, экономическое, перед другими государствами.

Представляется, что цифровые рынки, как один из результатов проникновение цифровых технологий в общественную жизнь, зародились на рубеже нового тысячелетия, когда все более широкое распространение Интернета предоставило физическим и юридическим лицам возможность использовать его в целях повседневной купли-продажи товаров и оказания услуг. В этот период были запущены два известных маркетплейса — Amazon и eBay; тогда же, будто предвещая будущие споры вокруг цифровых рынков, интересы государства и цифровой корпорации столкнулись в деле «США v. Microsoft».

Следующие 10 лет ознаменовались зарождением и ростом тех структур, что ныне известны как «цифровые платформы», а по сути, подразумевают под собой целые экосистемы, операторами которых выступают цифровые корпорации: Google, Facebook[1], Uber, Airbnb. Эти корпорации, проникая в возрастающее число сфер общественной жизни, приобретали все большую экономическую власть, аккумулируя как неодушевленные активы — финансы, данные, инновации — так и пользователей, их внимание, интерес, предпочтения. В этот же период государства и интеграционные объединения предпринимают первые попытки поставить деятельность операторов цифровых платформ под контроль права — в Европейском союзе принимаются Директива ЕС об электронной коммерции 2000 г., Директива ЕС о защите конфиденциальности в секторе электронных средств связи 2002 г., в США — Закон о противодействии спаму 2003 г. (CAN-SPAM Act).

Период с 2010 г. стал «золотым веком» для цифровых платформ, этапом их стремительного роста, развития и масштабирования, что было вызвано распространением смартфонов и появлением мобильных версий приложений, формированием цифровых экосистем, многочисленными слияниями и поглощениями, направленными на консолидацию цифровых рынков, распространением и совершенствованием искусственного интеллекта, персонализированных сервисов и т.д. К этому моменту экономическая сила, политическое влияние и монополистические устремления цифровых платформ

[1] Facebook принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ

стали очевидны многим правительствам. Как отмечает Дж. Гриффитс, горстка пионеров индустрии застолбила себе участки неосвоенного пространства молодого Интернета, сопротивляясь централизованному регулированию и игнорируя антимонопольное законодательство[2]. Сколь бы неэтично это ни звучало, пользу цифровыми платформам принесла и пандемия Covid-19, поскольку в условиях строгих ограничительных мер физические и юридические лица были вынуждены прибегать к дистанционным способам взаимодействия.

В течение «золотого века» правовое регулирование в большинстве, если не во всех странах не успевало за развитием цифровых платформ — на тот момент они мыслились как «обычные» инновационные корпорации; только начинало развиваться на теоретическом уровне понимание таких явлений, как цифровая экосистема, бизнес-модель платформ, специфика проявления в цифровой экономике классических эффектов массы, сетевого эффекта и др.

Конечно, нельзя сказать, что проблемы и вызовы оставалась полностью неосознанными — в ЕС, например, был принят фундаментальный Общий регламент по защите данных (далее — GDPR)[3], направленный на регулирование персональных данных, а в США деятельность цифровых платформ привлекла внимание Министерства юстиции и Федеральной торговой комиссии (FTC) с последующей чередой исков в рамках борьбы с монополизацией; однако обстоятельное и последовательное регулирование началось с конца 2010-х – начала 2020-х гг., положив конец десятилетнему «золотому веку».

Приведенные факты подтверждают слова В.В. Блажеева о том, что стремительное развитие цифрового общества опережает развитие права, порождая правовой вакуум[4]. Следовательно, существует потребность в правовом

---

[2] Гриффитс, Дж. Великий Китайский Файрвол [перевод с англ. Н.А. Комар, А.В. Ефимовой] — М.: Эксмо, 2022. — 464 с. С. 22

[3] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng (дата обращения: 14.10.2025)

[4] Цит. по А.В. Алтухов, С.Ю. Кашкин. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 7. — С. 86–94. С. 87

регулировании, которое должно не только качественно отвечать текущим потребностям, но и иметь прогностическую компоненту, что особенно сложно в условиях инновационного характера цифровой экономики. В настоящей работе впервые в российской научной литературе обстоятельно проанализированы два наиболее значимых акта Европейского союза, формирующих основу для актуального правового режима цифровых рынков и цифровых услуг в ЕС — Регламент ЕС о цифровых рынках (Digital Markets Act, далее — DMA) и Регламент ЕС о цифровых услугах (Digital Services Act, далее — DSA) (также по тексту — Регламенты). Первый из них регулирует общественные отношения, возникающие при взаимодействии с наиболее крупными цифровыми платформами, преимущественно с точки зрения поддержания конкуренции; второй — общественные отношения, связанные с оказанием цифровыми платформами определенных услуг (предоставления сервисов) физическим и юридическим лицам.

Опыт Европейского союза в области правового регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг видится нам небесполезным для совершенствования правового регулирования в России и интеграционных объединениях с её участием, в первую очередь, ЕАЭС. Для России изучение европейского опыта может способствовать избеганию ошибок и более быстрой и качественной разработке нормативно-правовых актов; для ЕАЭС — укреплению взаимопонимания и углублению наднациональной интеграции.

Решение сосредоточиться на Регламенте ЕС о цифровых рынках и Регламенте ЕС о цифровых услугах было принято по нескольким причинам.

Во-первых, данные акты на момент начала исследования являлись одними из наиболее актуальных в европейском законодательстве, практически не рассмотренными в отечественной литературе. Являясь частью «инновационного пакета» совместно с Регламентом ЕС об искусственном интеллекте (AI Act)[5], они

[5] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives

представляют собой акты по сути стратегического масштаба для ЕС и обеспечивают правовое регулирование широкого круга общественных отношений. Кроме того, по нашему мнению, эти акты выступают одновременно и признаком, и фундаментом формирования нового правового режима цифровых рынков и цифровых услуг в ЕС.

Во-вторых, рассмотрение всего массива актов (который оценочно состоит из сотни регламентов и директив), регулирующих общественные отношения в сферах цифровых рынков и цифровых услуг в ЕС, повлекло бы за собой отказ от более детального рассмотрения Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах в пользу широкого обзора, едва ли способного качественно уместиться в рамках кандидатской диссертации. Хотя работа такого обзорного характера весьма полезна для юридической мысли, мы приняли решение сосредоточиться на более конкретных примерах регулирования.

В-третьих, иные, в том числе более ранние и менее специализированные акты, регулирующие отдельные аспекты общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг, были кратко нами рассмотрены во втором параграфе первой главы диссертации. В этом же параграфе нами были отмечены отечественные исследователи, предметно изучавшие положения данных актов.

При этом нельзя не отметить, что в процессе исследования Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах мы были вынуждены рассматривать Регламенты в контексте более широких общественных отношений (экономических и политических). Это стало следствием, во-первых, многообразия, сложности и тесного переплетения общественных отношений, которые призваны регулировать Регламенты; во-вторых, необходимостью продемонстрировать Регламенты в определенном цельном контексте — как для их лучшего понимания, так и в целях анализа возможностей адаптации и интеграции идей и положений Регламентов в право Российской Федерации и ЕАЭС.

---

2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (дата обращения: 14.10.2025)

Исследование правового режима цифровых рынков и цифровых услуг в Европейском союзе в рамках специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки» позволяет углубить научное понимание проблем, тенденций, направлений и перспектив правовой интеграции в пределах интеграционных образований, а также выявить аспекты, которые следует учесть в процессе совершенствования интеграции на уровне ЕАЭС — как с опорой на положительный, так и с учетом отрицательного опыта ЕС на уровне теории и практики.

**Научная разработанность темы исследования**

Проблематика правового регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг в Европейском союзе является достаточно новым направлением в исследованиях российских и зарубежных авторов. В научных работах сравнительно подробно раскрыты отдельные аспекты вопроса, однако системно и комплексно данная тема на сегодняшний день исследована мало.

Общие вопросы правового регулирования общественных отношений в сферах электронной коммерции и онлайн-торговли, в т.ч. и в рамках изучения опыта Европейского союза, рассматривали Я.В. Антонов, Ю.С. Безбородов, А.Р. Бруева, А.Н. Вылегжанин, М.Г. Гирич, А.М. Липинская, А.А. Лунёв, В.Е. Понаморенко, Е.В. Постникова, В.М. Федотова, А.А. Шишлов, Д.Д. Штодина, Ч. Ауеамнуай (C. Aueamnuay), К. Бержон (C. Berjón), С. Галер (S. Galehr), Л. Граф (L. Graf), А. Хайнеманн (A. Heinemann).

Сферу защиты прав потребителей и пользователей при взаимодействии с цифровыми платформами изучали Е.А. Арабей, В.В. Богдан, К.А. Мефодьева, М.В. Некотенева, Е.М. Тужилова-Орданская, Я.С. Флитер, И.С. Шляхтин, И.А. Лузак (J.A. Luzak), В. Мак (V. Mak).

Вопросы защиты персональных данных в контексте взаимодействия физических лиц с цифровой инфраструктурой (включая цифровые платформы) рассматривали такие исследователи, как С. Бурдов, Е.Е. Гуляева, И.Г. Дудко, М.Б. Касенова, А.В. Параскевов, Е.М. Подрабинок, И.М. Рассолов, Д.В. Санников, М.Е. Соколова, В.И. Солдатова, Э.В. Талапина, А.Ю. Чурилов, А. Шишлов и др.

Антимонопольную политику и вопросы правового регулирования конкуренции на цифровых рынках исследовали А.А. Арутюнян, А.Д. Бербенева, Е.А. Войниканис, М.Н. Григорьев, Н. Зингалес, А.Ю. Иванов, Г.Н. Коннонов, Д.А. Котова, Я. Лианос, Э. Маклин, И.А. Максимцев, А.О. Маслов, А.Э. Позднякова, Ю.А. Свалова, Е.В. Семенова, С.В. Тимофеев, С.А. Уваров, Л.П. Ханчукаева, А.Ю. Цариковский, И. Шугурова, В.Х. ван Бум (W.H. van Boom), М.Л. Кац (M.L. Katz), М. Мотта (M. Motta), М. Пейтц (M. Peitz), С. Шапиро (C. Shapiro), Х. Швейцер (H. Schweitzer).

Анализ цифровых рынков, цифровых платформ и цифровой экономики, включая ее отдельные явления, с правовой, политической и экономической точек зрения осуществляли П.Н. Бирюков, К.Э. Браун, Н.С. Волкова, И.З. Гелисханов, В.А. Гирис, А.С. Дупан, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов, И.С. Завьялова, О.И. Колмар, А. Кошель, В.Б. Криштаносов, Е. Кручинская, Я. Кузьминов, Б. Лесив, Г. Ловинк, К.А. Лю, М.В. Мажорина, А.Ю. Марченко, Х. Оверби, Я.А. Одестад, К. О'Нил, Ю.М. Осипов, Н.А. Пожилова, Б. Смит, А.В. Шелепов, Т.Н. Юдина, Н. Бартелс (N. Bartels), Р. Базол (R.C. Basole), С.П. Чудари (S.P. Choudary), Д.С. Эванс (D.S. Evans), А. Гавер (A. Gawer), Р. Грегори (R. Gregory), Я. Еферин (Y. Eferin), А. Хей (A. Hein), О. Хенфридссон (O. Henfridsson), Ю. Хохлов (Y. Hohlov), Е. Каганер (E. Kaganer), Х. Кириаку (H. Kyriakou), В.А. Маршалл (W.V.A. Marshall), Г.Г. Паркер (G.G. Parker), Т. Рясанов (T. Riasanow), М. де Рувер (M. de Reuver), К. Россото (C. Rossotto), Р. Шмалензее (R. Schmalensee), А. Шмитт (A. Schmitt), М. Шрик (M. Schreieck), К. Соренсен (C. Sørensen).

Необходимо отметить, что в российской международно-правовой науке на текущий момент отсутствуют комплексные исследования, посвященные Регламенту ЕС о цифровых рынках и Регламенту ЕС о цифровых услугах. Полагаем, что настоящая работа, в которой впервые или в числе первых в российской науке системно рассмотрены указанные Регламенты с опорой на положения и научный аппарат международно-правовых наук и интеграционно-правовых исследований, сможет компенсировать имеющийся пробел и

поспособствует дальнейшим исследованиям, законодательному процессу и юридической практике в этой важной сфере.

**Объектом исследования** выступает комплекс общественных отношений, складывающихся в процессе взаимодействия физических и юридических лиц друг с другом и с операторами цифровых платформ на цифровых рынках Европейского союза, Российской Федерации и ЕАЭС и урегулированных правом указанных интеграционных объединений и Российской Федерации.

**Предметом исследования** являются преимущественно положения актов вторичного права и иных актов ЕС, актов ЕАЭС и национального законодательства Российской Федерации, которые регулируют общественные отношения в сферах цифровых рынков и цифровых услуг.

**Целью исследования** является формирование целостного научного представления о правовом регулировании общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг в Европейском союзе посредством Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах и перспективах использования опыта ЕС для развития российского законодательства и углубления евразийской интеграции.

В рамках достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

- проанализировать историю развития правового регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг в Европейском союзе в рамках соответствующего правового режима;
- исследовать процесс принятия Регламента ЕС о цифровом рынке и Регламента ЕС о цифровых услугах, включая правовую основу Регламентов, причины и следствия ее выбора;
- изучить содержание Регламентов, выделить специфику механизмов регулирования ими общественных отношений, проанализировать достоинства и недостатки избранного метода регулирования;

- оценить последствия принятия Регламентов для регулирования общественных отношений в указанных сферах, в том числе проанализировать возможное влияние Регламентов на правопорядки других государств;
- исследовать перспективы возможной адаптации и интеграции ряда положений и идей Регламентов для целей совершенствования правового режима цифровых рынков и цифровых услуг в Российской Федерации и углубления интеграции в рамках ЕАЭС.

**Теоретическую основу исследования**, помимо указанных выше работ, составляют труды отечественных и зарубежных представителей международно-правовых (включая тех исследователей, которых можно отнести к сфере науки цифрового права) и экономических наук, в которых рассматриваются вопросы цифровой экономики и ее правового регулирования в различных аспектах.

Международно-правовую (включая интеграционные и цифровые аспекты исследуемых вопросов) основу составили труды таких авторов, как А.В. Алтухов, Л.П. Ануфриева, В.В. Блажеев, И.В. Данилин, М.Б. Добробаба, А.А. Емельянов, А.А. Ефремов, В.Г. Истомин, А.Я. Капустин, А.А. Карцхия, С.Ю. Кашкин, О.И. Колмар, Д.В. Красиков, В.Б. Криштаносов, Т.А. Кулакова, И.М. Лифшиц, М.В. Мажорина, А.В. Минбалеев, Н.А. Пожилова, М. Роблес-Каррильо, Т.А. Романова, А.С. Смбатян, О.В. Сушкова, А.О. Четвериков, А.В. Шелепов, Д.В. Шрам, Т.Н. Юдина, В.Н. Южаков, К. Барик (K. Barik), П. Квалвик (P. Kvalvik), М. Эбен (M. Eben), Л. Флориди (L. Floridi), И. Махер (I. Maher), М. Мэркуц (M. Mărcuț), С. Мисра (S. Misra), В. Робертсон (V.H.S.E. Robertson), Н. Рогге (N. Rogge).

Для лучшего понимания развития общественных отношений в сфере цифровой экономики были привлечены исследования таких ученых, как В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, А.А. Азуан, М. ван Альстайн, Р. Бухт, К.О. Вишневский, И.З. Гелисханов, Л.М. Гохберг, Е.А. Жаркова, О.Б. Иваненко, А.И. Ковалев, Дж. Паркер, А.О. Степанова, Р. Хикс, С.П. Чаудари, А. Брэдфорд (A. Bradford), К. Кеннамо (C. Cennamo).

**Методологическую основу исследования** составляет комплекс философских, общенаучных и специальных научных методов исследования. Из общенаучных методов были применены анализ, классификация, синтез, индукция, дедукция, диалектический метод.

В числе специальных научных методов применялись формально-правовой метод — для изложения содержания и раскрытия смысла правовых норм; историко-правовой и исторический методы — для изучения развития права, регулирующего общественные отношения в сферах цифровых рынков и цифровых услуг на протяжении определенного периода времени; сравнительно-правовой метод — для анализа текущего состояния нормативной базы в России, ЕАЭС и ЕС и перспективах адаптации и интеграции положений и идей европейского права. Для выявления современных тенденций развития цифровых рынков использовался статистический метод.

**Нормативную основу исследования** составляют действующие, ранее действовавшие, но утратившие силу, нормативно-правовые акты ЕС, а также акты стратегического планирования; национальные нормативно-правовые акты государств-членов ЕС или третьих стран; нормативно-правовые акты и их проекты, акты стратегического планирования Российской Федерации и ЕАЭС.

**Хронологические рамки** диссертационного исследования определяются периодом с конца 1990-х гг., когда были приняты первые акты, касающиеся вопросов регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг, но с упором на период с 2020 г., в котором начало осуществляться более комплексное регулирование общественных отношений в указанных сферах.

**Теоретическая значимость работы** заключается в том, что она представляет собой одну из первых работ, в которой предпринята попытка комплексно, системно и многодисциплинарно рассмотреть актуальное правовое регулирование общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг в ЕС в рамках соответствующего правового режима, что является значимым для развития научной базы в целях совершенствования правового регулирования общественных

отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг в Российской Федерации и в ЕАЭС.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в научных исследованиях в рамках международно-правовых наук, а также других юридических наук, при осуществлении образовательной деятельности в образовательных организациях высшего образования по таким учебным дисциплинам, как «Международное право», «Интеграционное право», «Право интеграционных объединений», «Цифровое право» и др.

**Практическая значимость** данного исследования для российской юридической науки заключается в возможности использования его результатов при выработке новых правовых подходов (правового режима) регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг в Российской Федерации и интеграционных объединениях с ее участием, например, ЕАЭС, и последующим применением этих подходов на практике. Совершенствование российского и наднационального (евразийского) законодательства с учетом критического анализа европейских идей, как ожидается, окажет позитивное влияние на развитие цифровых рынков в Российской Федерации и в государствах-членах ЕАЭС и на защиту прав и свобод физических и юридических лиц при взаимодействии с операторами цифровых платформ и друг с другом, когда такое взаимодействие осложнено использованием цифровой платформы.

**Научная новизна** определяется, в первую очередь, целями и задачами исследования, его объектом и предметом, а также методологией, которые предполагают изучение всего комплекса вопросов, имеющих существенное значение для осмысления вклада Европейского союза в развитие правового регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг и сопоставления с достижениями других интеграционных объединений и государств в этой области.

Помимо прочего, научная новизна работы определяется следующим:

- отражен понятийно-категориальный аппарат, имеющий отношение к пониманию цифровой экономики, отмечены неразрешенные на текущий момент проблемы с его теоретической разработкой и практическим применением;
- проанализированы история, текущее состояние, тенденции и перспективы развития правового регулирования, в т.ч. в рамках правовых режимов, общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг ЕС, России и ЕАЭС;
- рассмотрена история принятия Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах, отражены обсуждавшиеся в ходе научных и политических дискуссий по этому процессу положительные и отрицательные стороны избранного подхода (правового режима) к регулированию;
- проанализировано содержание Регламентов, заложенные в них правовые механизмы, наиболее значимые положения и идеи, их достоинства и недостатки;
- отражены первые результаты воздействия Регламентов на общественные отношения, в т.ч. первые результаты присвоения статусов гейткипера, VLOPs и VLOSEs, а также первые исследования рынка Еврокомиссией и рассматриваемые в Суде справедливости ЕС дела, связанные с оспариванием присвоения статуса гейткипера;
- отражены наиболее значимые проблемы, связанные с правовым регулированием общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг;
- проанализировано действующее законодательство Российской Федерации, регулирующее общественные отношения в сферах цифровых рынков и цифровых услуг, и перспективные законопроекты этой же направленности, обозначены их слабые места и выявлена схожесть некоторых положений с положениями Регламентов;
- предложены учитывающие опыт Европейского союза направления совершенствования российского и евразийского законодательства.

Научная новизна исследования нашла свое отражения в положениях, которые автор выносит на защиту:

1. К началу 2020-х гг. в Европейском Союзе отсутствовал единый акт, регулирующий общественные отношения в сферах цифровых рынков и цифровых услуг. Формирование правового режима осуществлялось различными, обычно достаточно специализированными, регламентами и директивами, в числе которых, например, Директива ЕС об электронной коммерции 2000 г., Директива ЕС о недобросовестных коммерческих практиках 2005 г., Директива ЕС о правах потребителей 2011 г., Общий регламент ЕС по защите данных 2016 г., Регламент ЕС о поддержании справедливости и прозрачности онлайн-сервисов для бизнес-пользователей 2019 г. и др. В 2022 г. были приняты Регламент ЕС о цифровых рынках и Регламент ЕС о цифровых услугах, за счет своего инновационного комплексного характера претендующие на создание фундамента для формирования нового правового режима указанных сфер.

В то же время Регламент ЕС о цифровых рынках и Регламент ЕС о цифровых услугах продолжили развитие правовых идей, заложенных в более ранние акты вторичного права ЕС, например, об ограничении ответственности операторов цифровых платформ за распространяющиеся на платформе незаконные материалы; о маркировке рекламы, в т.ч. политической; о запрете «агрессивных» коммерческих практик по отношению к потребителям; о предоставлении продавцом определенных сведений оператору цифровой платформы, на которой продавец осуществляет свою деятельность; о гарантиях прав бизнес-пользователей; о внутренней системе обработки жалоб пользователей и др.

Указанные факты свидетельствуют об эволюционном (включая движение от директив к регламентам, т.е. к актам более «жесткого» характера) и «кумулятивном» развитии права ЕС, направленного на регулирование общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг, когда инновационные положения основываются на актуализированном опыте предыдущего регулирования.

2. Выбор Европейской комиссией в качестве правового основания для разработки Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах ст. 114 ДФЕС свидетельствует, с одной стороны, об учете Европейской комиссией своей предыдущей практики по выбору правовой основы для регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг, с другой — о готовности ЕС к принятию обязательных (регламентирующих) актов в тех областях, где государства-члены еще не осуществили собственное регулирование (т.н. «ползучая централизация»), поскольку Европейской комиссией в процессе выбора правового основания для данных регламентов были использованы положения по регулированию Внутреннего рынка (относящиеся к совместному ведению), а не положения по проведению антимонопольной политики (относящиеся к исключительному ведению Союза). Распространение подобной практики на правотворчество в других сферах общественных отношений будет свидетельствовать о перераспределении влияния в ЕС, приводящего к усилению позиций Европейской комиссии не только среди Институтов ЕС, но и в отношениях с государствами-членами.

3. В результате принятия Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах в законодательство ЕС было введено несколько новых правовых статусов, из которых важнейшими являются гейткиперы (gatekeepers), «очень большие онлайн-платформы» (букв. от Very Large Online Platforms, VLOPs) и «очень большие поисковые системы» (букв. от Very Large Online Service Engines, VLOSEs), характеризующих крупные цифровые платформы, имеющие тенденцию к монополизации. Посредством гибкой системы присвоения цифровым платформам одного или нескольких статусов из указанных, производится их разделение на наиболее крупные, к которым применяется специализированный подход в регулировании, и иные, к которым применяется более общий подход.

4. В процессе формирования отвечающего актуальным требованиям правового режима цифровых рынков и цифровых услуг Европейским Союзом были достигнуты определенные успехи. Во-первых, удалось создать систему контроля за деятельностью крупнейших цифровых корпораций, направленную на

поддержание конкуренции, в том числе расширить полномочия Европейской комиссии по исследованиям рынка ex-ante, что нетипично для антимонопольных расследований, но отвечает потребностям в регулировании общественных отношений в сфере цифровых рынков. Во-вторых, удалось повысить эффективность защиты прав и свобод граждан ЕС путем, как минимум, сокращения практики навязывания им продукции цифровых корпораций с использованием не-рыночных механизмов и обеспечения возможности оспаривания неправомерных действий операторов цифровых платформ по ограничению деятельности граждан на платформах. Наконец, ограничение ряда практик цифровых корпораций, например, условий о паритете, призвано поддержать деятельность малых и средних предприятий и обеспечить инновационное развитие экономики и создание более конкурентной рыночной среды.

5. Анализ предпосылок и процесса принятия Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах позволил выявить ряд затруднений в процессе формирования правового режима цифровых рынков и цифровых услуг, к которым можно отнести следующие. Во-первых, это сложность в строгом и четком разграничении таких субъектов как цифровые корпорации, цифровые платформы и цифровые экосистемы, особенно если речь идет о деятельности крупных компаний. Во-вторых, возникают вопросы об ответственности цифровых корпораций за соблюдение законодательства — в их случае это усугубляется децентрализованной системой, множеством связанных юридических лиц, в т.ч., зачастую, зарегистрированных в иностранных юрисдикциях. В-третьих, необходимо отделять действующие на цифровой платформе бизнес-модели друг от друга, поскольку в рамках одной платформы (или экосистемы) могут сосуществовать несколько бизнес-моделей, каждая из которых требует своего подхода к регулированию. В-четвертых, значительные препятствия в регулировании создают стремление цифровых платформ к глобальному влиянию на общество в рамках своей деятельности и связанная с их масштабом экономическая и политическая мощь, с которой нередко вынуждены считаться государства. Цели разрешения этих проблем частично отвечает формирование

правового режима на основе двухуровневого подхода, когда, с одной стороны, используется рамочное регулирование, общее для всех цифровых платформ, а с другой стороны — уже более специализированный подход, общий для групп цифровых платформ, бизнес-моделей или конкретных сервисов.

6. «Брюссельский эффект» Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах с высокой долей вероятности проявится, на нормативно-правовом уровне, в заимствовании третьими государствами положений или ключевых идей указанных регламентов; в добровольном повышении операторами цифровых платформ собственных стандартов деятельности в других регионах мира, а не только на территории ЕС; в становлении совместного регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг как одной из форм международной интеграции в других объединениях государств. На концептуальном уровне следует ожидать заимствования третьими государствами и интеграционными объединениями позиции руководства ЕС о необходимости достижения т.н. «цифрового суверенитета» в качестве политико-правового обоснования регулирования деятельности цифровых платформ.

7. Исследование сходств и различий предпосылок формирования правовых режимов цифровых рынков и цифровых услуг в ЕС и России позволяет сделать вывод о возможности адаптации и интеграции некоторых идей рассмотренных в работе регламентов. К таковым можно отнести положения по установлению качественно-количественных критериев, тесно связанных с предоставляемыми цифровыми платформами услугами, для определения компаний, занимающих значимое положение в секторах цифровой экономики. На определенные таким образом компании далее будут возлагаться различные обязанности, список которых следует со временем изменять, подстраивая под государственную политику; в их числе обязанности по ограничению слияний и поглощений, по публикации отчетов о прозрачности рекламных и рекомендательных механизмов, по укреплению физической и цифровой устойчивости инфраструктуры и обеспечению защиты пользовательских данных и т.д.

8. Заслуживает исследования в целях возможной адаптации и интеграции также спроектированная Европейской комиссией в Регламенте ЕС о цифровых услугах система досудебного урегулирования споров между пользователями и операторами цифровых платформ. Система призвана отвечать потребностям цифрового общества следующим образом. Во-первых, за счет своего простого, добровольного и дистанционного характера, доступного каждому пользователю. Во-вторых, путем привлечения в качестве медиаторов лиц, имеющих соответствующую компетенцию в сфере цифровых технологий. В-третьих, установлением жестких процессуальных сроков, не позволяющих операторам цифровых платформ затягивать рассмотрение спора. И, наконец, посредством сохранения возможности пользователей в любой момент обратиться в органы арбитража или судебные органы для защиты своих прав. В целях обеспечения более широкой защиты прав и свобод пользователей в рамках данной системы, после внесения определенных корректировок, могут рассматриваться и споры между потребителями/покупателями и продавцами, отношения которых осложнены взаимодействием через маркетплейс.

9. Комплексный сравнительный анализ позволил предположить, что ключевой слабостью цифровой политики ЕАЭС является отказ от передачи полномочий по реализации Цифровой повестки на уровень Институтов интеграционного объединения. Тем не менее, даже в условиях не столь глубокой интеграции, как в ситуации Европейского союза, в ЕАЭС возможно заложить основы единого правового режима цифровых рынков и цифровых услуг путем, во-первых, разработки модельного акта по определению доминирующего положения цифровых корпораций в экономике и ограничению антиконкурентной деятельности таковых с учетом специфики цифровой экономики; во-вторых, согласования принципов антимонопольной политики государств-членов в рамках создания равных условий для развития частных цифровых платформ в экономике ЕАЭС; в-третьих, гармонизации стандартов защиты прав потребителей и предпринимателей в цифровой экономике, защищающих их от злоупотреблений со стороны операторов цифровых платформ.

**Степень достоверности и апробация результатов научного исследования**.

Диссертационная работа обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании Кафедры интеграционного и европейского права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Основные выводы нашли отражение в статьях автора, опубликованных в научных изданиях, в том числе в журналах, включенных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий.

Научные статьи, опубликованные в изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии:

1) Грушин, Ю. О. Анализ новейшего немецкого антимонопольного законодательства / Ю. О. Грушин // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2024. – № 4(36). – С. 33-39. (0,91 п.л.)

2) Грушин, Ю. О. Предварительный анализ механизма Европейских цифровых инфраструктурных консорциумов (EDIC) / Ю. О. Грушин // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 10(197). – С. 27-28. (0,36 п.л.)

3) Грушин, Ю.О. Комментарий к содержанию пятого антимонопольного пакета // Право и цифровая экономика. 2024. № 3 (25). С. 40—51. (1,04 п.л.)

4) Грушин, Ю. О. Концепция «Доброго самаритянина» и регулирование обязанностей цифровых платформ: опыт США и ЕС / Ю. О. Грушин // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 3(202). – С. 48-51. (0,625 п.л.)

5) Грушин, Ю. О. Статья 40 Digital services act и обязательства по обеспечению прозрачности деятельности цифровых платформ / Ю. О. Грушин // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 5(204). – С. 46-48. (0,42 п.л.)

Научные публикации в иных изданиях:

1) Грушин, Ю. О. Особенности монополистической деятельности в цифровой экономике / Ю. О. Грушин // Цивилизация знаний: российские реалии: Материалы XXIV Международной научной конференции, Москва, 12–21 апреля

2023 года. Том I. – Москва: Российский новый университет, 2023. – С. 559-564. (0,34 п.л.)

Основные результаты диссертационного исследования были представлены автором в публичных докладах на общероссийских и международных научно-практических конференциях: XXIV Международная научная конференция «Цивилизация знаний: российские реалии» (г. Москва, 12 – 21 апреля 2023 г.), XXVI Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» (г. Москва, 26 – 29 ноября 2024 г.), XXVI Международная научная конференция «Цивилизация знаний: российские реалии» (г. Москва, 1 – 26 апреля 2025 г.), XII Студенческий юридический форум (г. Москва, 13 – 15 ноября 2025 г.), XXVII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» (г. Москва, 25 – 28 ноября 2025 г.).

**Структура диссертации** обусловлена целью и задачами исследования и включает в себя введение, три главы (11 параграфов), заключение, перечень используемых сокращений и аббревиатур, список используемых источников и литературы, приложение.

# ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРАХ ЦИФРОВЫХ РЫНКОВ И ЦИФРОВЫХ УСЛУГ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

## 1.1. Терминология и дискуссионные вопросы теории регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг

Как отмечал Б. Смит, глава юридического отдела Microsoft и нынешний президент (president) компании, вспоминая об обсуждении искусственного интеллекта (далее — ИИ) на Всемирном экономическом форуме 2017 г., ИИ были посвящены многочисленные дискуссии, но «никто не пытался объяснить», что ИИ из себя представляет и как он работает, поскольку считалось, что всем присутствующим это было уже известно — что, конечно, было далеко от истины[6].

Подобная ситуация не является редкостью при обсуждении цифровых технологий: они, как правило, на слуху, регулярно упоминаются в средствах массовой информации, о них говорят на форумах и с политической трибуны, однако это, конечно, не свидетельствует о понимании сущности явлений. Сами по себе термины, относящиеся к сфере цифровых технологий — блокчейн, цифровая платформа, облачные технологии, мессенджер, маркетплейс и т.д. — обозначают весьма сложные предметы общественных отношений, при рассмотрении которых исследователями и законодателями могут использоваться разные подходы, акцентироваться внимание на разных аспектах.

При этом продвижение цифровой повестки в СМИ подталкивает как обывателей, так и законодателей к использованию «знакомых» терминов со «вполне очевидным» смыслом, в то время как этот «смысл», будучи заложен в нормативное регулирование и становясь частью уже юридического мира, не всегда четко способен отражать реальность. Иногда даже может сложиться впечатление,

[6] Смит, Б., Браун, К.Э. IT как оружие: какие опасности таит в себе развитие высоких технологий — М.: Альпина Паблишер, 2021. — 352 с. С. 199 – 200.

что законодатель нарочно уклоняется от четкого определения термина, отдавая его прояснение на откуп судебной практике, что нельзя считать удачным решением в случае континентальной системы права. При этом нельзя не согласиться с мнением Л.П. Ануфриевой о том, что не всегда возможно обеспечить фундаментальную теоретическую проработку безупречной системы понятий в новейших сферах правового регулирования[7], коей и является цифровая сфера.

Достаточно очевидно, что в нормативном акте невозможно охватить все имеющиеся подходы к определению термина, но это и не требуется; законодатель в такой ситуации принимает ту точку зрения, которая кажется ему наиболее удовлетворяющей требованиям нормативного акта (или формулирует собственную). Мы же, поскольку не связаны жесткими требованиями законотворчества, попробуем обозначить различные подходы и спорные моменты в формулировании определений, а также отметим термины, связанные непосредственно с рассматриваемым нами европейским законодательством, что желательно как для понимания содержания настоящей работы, так и проблематики регулирования цифровой сферы общественных отношений в целом.

*Цифровая экономика*

В первую очередь следует остановиться на термине «цифровая экономика», поскольку именно оно, по нашему мнению, лежит в основе многих других используемых терминах.

В российском федеральном законодательстве термин «цифровая экономика» не закреплен, однако мы можем найти его в отдельных подзаконных актах, например, Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы»[8] дает следующее определение цифровой экономике — это «хозяйственная деятельность,

---

[7] Ануфриева, Л.П. Цифровизация: юридические концепции и конструкции, нарративы и термины и их особенности (отдельные заметки в общетеоретическом и международно-правовом аспектах) / Л. П. Ануфриева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 12(112). – С. 153-164. С. 155

[8] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СЗ РФ от 15 мая 2017 г. N 20 ст. 2901

в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых <…> позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» (пп. р) п. 1). Т.е. это любая хозяйственная деятельность, эффективность которой существенно повышена за счет цифровых технологий. Можно заметить, что данное определение фактически не предполагает существование хозяйственной деятельности, которая бы строилась исключительно на обработке данных. Впрочем, такой подход имеет свои основания, например, платформы социальных сетей, с одной стороны, «существенно повышают» эффективность услуг обмена сообщениями и рекламных услуг — с другой.

Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года»[9] (далее — Цифровая повестка ЕАЭС) содержит следующее определение: цифровая экономика — это «часть экономики, в которой процессы производства, распределения, обмена и потребления прошли цифровые преобразования с использованием информационно-коммуникационных технологий» (абз. 7). То есть мы снова имеем подход через преобразование традиционных экономических отношений посредством цифровых технологий.

В документах Европейского союза термин «digital economy» используется достаточно активно[10], однако нам не удалось найти его легального определения.

---

[9] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // СПС «Консультант Плюс». Текст решения опубликован на Правовом портале Евразийского экономического союза (https://docs.eaeunion.org) 10 ноября 2017 г.

[10] См., например, Regulation (EU) 2021/694 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 establishing the Digital Europe Programme and repealing Decision (EU) 2015/2240 URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2021/694/oj (дата обращения: 14.09.2025); Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828, URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)

В Digital Markets Act[11], одном из двух основных актов, исследующихся в настоящей работе, содержится понятие «цифровой сектор» («digital sector», ст. 2), который включает в себя «продукты и услуги, предоставляемые посредством или через сервисы информационного общества». Данное определение, с одной стороны, можно квалифицировать в качестве весьма широкого, с точки зрения содержания, определения цифровой экономики. С другой стороны, «сектор» представляет собой лишь часть «экономики», и такой подход к вопросу цифровой экономики нам кажется редукционизмом, поскольку цифровая экономика фактически сводится к присутствующему в ней, но все же скромному по широте экономического наполнения «цифровому сектору».

В США определение цифровой экономике попыталось дать в 2018 г. Бюро экономического анализа (BEA), которое подготовило аналитический документ по цифровой экономике в интересах Национального управления телекоммуникаций и информации Министерства торговли[12]. В документе в понятие цифровой экономики были включены 1) обеспечивающая цифровые возможности инфраструктура («the digital-enabling infrastructure»), необходимая для существования и функционирования компьютерной сети 2) цифровые транзакции, которые осуществляются с использованием этой системы (e-commerce) и 3) контент, который пользователи цифровой экономики создают и к которому получают доступ («цифровые медиа»). Главный минус данного определения — ограниченность финансово-медийным аспектом цифровой экономики.

Р. Хикс и Р. Бухт в своей статье 2018 г. для Глобального института развития (Global Development Institute)[13] проанализировали двадцать два определения цифровой экономики, данные в разное время как исследователями, так и

---

[11] Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828, https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)

[12] Barefoot, K., Curtis, D. Jolliff, W., Nicholson, J.R., Omohundro, R. Defining and Measuring the Digital Economy. URL: https://www.bea.gov/sites/default/files/papers/defining-and-measuring-the-digital-economy.pdf (дата обращения: 14.09.2025). P. 7

[13] Бухт, Р., Хикс, Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. — 2018 — Т. 13. № 2. — С. 143–172 (на русском и английском языках). С. 146 и далее

государственными органами и международными организациями. Выработав собственную концепцию, авторы определили цифровую экономику как «совокупность всех примеров экстенсивного применения ИКТ и создание данных технологий» или, более широко, как «часть общего объема производства, которая целиком или в основном произведена на базе цифровых технологий фирмами, бизнес-модель которых основывается на цифровых продуктах или услугах». Т.е. авторы определяют в качестве цифровой экономики ту часть производства, что создана в результате деятельности цифровых компаний (правда, возникает вопрос, в какой степени бизнес-модель таковых должна основываться на цифровых технологиях — полностью или частично; и что делать, когда у компании много разнообразных платформ[14]). Такой подход исключает из рассмотрения компании, внедрившие цифровые технологии в целях повышения эффективности собственной деятельности, когда последняя напрямую не связана с предоставлением цифровых продуктов или услуг.

Прежде, чем подвести итог по этому вопросу, отметим следующее. При исследовании терминологической составляющей «цифровой экономики» возникает мысль, что ее (цифровой экономики), как отдельного явления не существует, в доказательство чего можно привести следующие аргументы:

1) цифровые технологии пронизывают все сектора экономики, начиная от управления заводским оборудованием и заканчивая «умными помощниками» в доме;

2) из предыдущего аргумента вытекает тот факт, что цифровая экономика как нечто самостоятельное может восприниматься только в качестве цифрового сектора (как мы обсуждали выше применительно к DMA), т.е. сектора, в рамках которого осуществляется производство цифровой продукции: техники, сетевой инфраструктуры, программного обеспечения и др., то есть, с позиций современного дня, «цифра» в узком смысле, сфера ИКТ;

[14] Ср. с рассуждениями исследователей по вопросу об определении цифровых платформ через конкретные бизнес-модели

3) опять же, в продолжение первого аргумента можно говорить об идущем процессе все более полного «слияния» цифровой экономики с не-цифровой, а, по сути, процессе повсеместного внедрения цифровых решений в существующие сферы экономики. С правовой точки зрения, как замечает М.В. Мажорина, под влиянием технологий формируется не самостоятельный круг общественных отношений, а новая методика регулирования изменившихся общественных отношений[15]; эту точку зрения можно дополнить и мнением В.Н. Синюкова[16], что развитие новых технологий «выдавливает» традиционное, регуляторно-охранительское правовое мышление и регулирование[17].

По нашему мнению, «цифровая экономика» — это лишь качественно новый уровень «экономики вообще». Возможно, именно на это противоречие обращал внимание А.А. Азуан, когда писал, что «большинство дискуссий <…> по цифровой экономике на самом деле идут от цифровых технологий, а не от цифровой экономики», добавляя далее, что цифровая экономика представляет собой экономику, основанную на технологиях искусственного интеллекта, дающих разнообразные экономические эффекты[18].

Наконец, поскольку, в соответствии с изложенным, цифровая экономика выступает обобщающим понятием по отношению к цифровым рынкам и цифровым услугам, мы в дальнейшем исследовании будем преимущественно использовать этот термин, особенно в тех случаях, когда речь идет о предметах, выходящих за узкие рамки сфер цифровых рынков и цифровых услуг.

*Цифровой рынок*

Следующим термином, непосредственно связанным с темой настоящей работы, является цифровой рынок.

---

[15] Мажорина, М.В. Киберпространство и методология международного частного права // Право Журнал Высшей школы экономики — 2020 — № 2 — С. 230–253. С. 235

[16] Хотя взгляд В.Н. Синюкова на существование цифрового права как самостоятельного явления не совпадает, по-видимому, со взглядом М.В. Мажориной

[17] Синюков, В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы / В. Н. Синюков // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 9(154). – С. 9-18. С. 10

[18] Аузан, А.А. Цифровая экономика как экономика: институциональные тренды // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2019. — № 6. — С. 12–19. С. 13

В российском и европейском законодательстве четкого определения термина не содержится, причем его нет и в Digital Markets Act; отечественный сборник понятий в сфере цифрового права тоже пасует перед ним[19]. На основании использования терминов и устойчивых конструкций в DMA можно предположить, что цифровые рынки — это рынки в цифровом секторе («The purpose of this Regulation is to contribute to the proper functioning of the internal market by laying down harmonised rules ensuring for all businesses, **contestable and fair markets in the digital sector**…» ст. 1 DMA, см. определение цифровой экономики выше).

Помимо очевидного логического круга в определении, оно, по существу, не объясняет ничего. Например, не ясно, представляют собой цифровые рынки физические или виртуальные рынки. Кроме того, в DMA используются как формулировка «digital markets», так и «markets in digital sector»; при этом ни одна из них не встречается в статье с определениями (ст. 2 DMA). Можно осуществить сравнение п. 7 и 8 Преамбулы DMA:

- «Therefore, the purpose of this Regulation is to contribute to the proper functioning of the internal market by laying down rules to ensure **contestability and fairness for the markets in the digital sector** in general, and for business users and end users of core platform services provided by gatekeepers in particular»;
- «<…> A targeted set of harmonised legal obligations should therefore be established at Union level to ensure **contestable and fair digital markets** featuring the presence of gatekeepers within the internal market to the benefit of the Union's economy as a whole and ultimately of the Union's consumers».

Нельзя не обратить внимание на использование конструкции «contestable and fair» (и ее вариации) как по отношению к «цифровым рынкам», так и по отношению к «рынкам в цифровом секторе», — не является ли это свидетельством, что европейским законодателем обе формулировки воспринимаются как синонимичные? В п. 73, 105 Преамбулы и ст. 19 DMA цифровой сектор и цифровые

[19] Цифровое право: глоссарий понятий /под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – Москва: Проспект, 2023 — 64 с.

рынки также упомянуты рядом то ли как синонимы, то ли как явления вообще разного порядка (различия между которыми не проводятся).

Извлечь определение из Стратегии Единого цифрового рынка ЕС вряд ли возможно, поскольку оно, по сути, подразумевает цифровизацию Единого рынка, и цифровой аспект в нем определяется только «доступом [физических и юридических лиц — авт.] к онлайн-активностям»[20]. По нашему мнению, заслуживает внимания точка зрения К. Кеннамо (C. Cennamo), в соответствии с которой цифровые рынки существуют вокруг цифровой платформы, «которая действует как центр обработки данных, передающий и интегрирующий информацию от пользователей и от множества подключенных продуктов и услуг, а также как рыночная инфраструктура, соединяющая пользователей и поставщиков товаров»[21], т.е. цифровой рынок является частью платформенной экосистемы. Учитывая комплексный характер деятельности цифровых платформ, можно предполагать, что цифровые рынки имеют подвижный, а не статичный характер, и их границы следует определять в каждом конкретном случае.

*Цифровые платформы*

В научной литературе имеется значительное число подходов к определению данного термина. Небольшой обзор точек зрения дан в одной из наших статей[22]; где мы отметили, что почти в каждом из определений, кроме наиболее комплексных, подчеркивается та функциональная сторона цифровой платформы, которая кажется автору ключевой, которая позволяет сформировать впечатление о сущности цифровой платформы. Вероятно, центральным элементом определения цифровой платформы, зачастую подразумеваемым, является ее сетевой статус: платформа

---

[20]Communication from the Commission to the European parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions. A Digital Single Market Strategy for Europe URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/attachment/8210/DSM_communication.pdf (дата обращения: 14.09.2025). P. 3

[21] Cennamo, C. Competing in Digital Markets: A Platform-Based Perspective // Forthcoming in Academy of Management Perspectives — 2019. URL: https://ssrn.com/abstract=3410982 (дата обращения: 14.09.2025). P. 6

[22] Грушин, Ю.О. Комментарий к содержанию пятого антимонопольного пакета // Право и цифровая экономика. — 2024. — № 3 (25). — С. 40—51

снижает барьеры для входа на рынок[23], упрощает коммуникации и предлагает новые возможности создания стоимости[24] — не случайно в самом широком смысле в качестве примера платформ приводятся физические рынки на улице, торговые центры и даже газеты[25].

В отечественном законодательстве напрямую термин не используется, но определение можно вывести из п. 4.1) ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[26]: цифровая платформа — это «программа (совокупность программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», обеспечивающая совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров». Недостатки данного определения также были рассмотрены в нашей статье.

В законодательстве ЕС в аналогичном смысле используется термин «онлайн-платформа» («online platform»). В ст. 3 DSA[27] указывается, что онлайн-платформа представляет собой сервис хостинга[28], «который по запросу пользователя хранит и распространяет информацию среди общественности<…>», когда она является основной функцией деятельности данного сервиса (следует помнить, что «совершение сделок» из предыдущего определения может подразумевать разную деятельность, но, на базовом уровне, роль платформы *может* сводиться только к обмену информацией).

---

[23] Однако, это верно только в первом приближении, пока платформа не стала еще монополистом

[24] Кашкин, С.Ю. Платформенное право как инструмент инновационных инвестиционных платформ (краудфандинг) / С. Ю. Кашкин, А. В. Алтухов, Н. А. Пожилова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 1(77). – С. 155-164. С. 159

[25] Альстайн, ван М., Паркер, Дж., Чаудари, С.П. Воронки продаж, платформы и новые стратегические правила. // Платформы и экосистемы / Пер. с англ. — М. : Альпина Паблишер, 2023. — 194 с. (Серия «Harvard Business Review: 10 лучших статей). С. 8 – 9

[26] Федеральный закон от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ №31 (часть I) ст. 3434

[27] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC. URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj (дата обращения: 14.09.2025)

[28] Исходя из содержания DSA, хостинг — это минимальное функциональное наполнение платформы

Следует добавить, что с цифровыми платформами неразрывно связано явление бизнес-моделей, которое будет рассмотрено ниже.

*Правовой режим*

В российской юридической науке категория «правовой режим» весьма подробно исследована в рамках теории государства и права, поэтому мы не будем глубокого погружаться в данный вопрос с точки зрения теории. Кроме того, многие работы посвящены специфическим административно-правовым режимам, например, режиму чрезвычайного положения; в настоящей же работе мы будем вести речь о более широком и менее специфичном, но не менее важном правовом режиме цифровых рынков и цифровых услуг.

Под правовым режимом мы предлагаем понимать «определяемую законодательством совокупность приемов и методов, используемых органами государственной власти в процессе регулирования общественных отношений» в целях достижения стабильного правопорядка[29]. Особенностями правового режима как способа регулирования общественных отношений являются, во-первых, значимость общественных отношений, выступающих предметом регулирования, во-вторых, создание специфичной системы прав и обязанностей субъектов регулирования[30].

Г.С. Беляева выделяет следующие признаки правового режима:

- факт нормативно-правового закрепления[31];
- наличие специфической цели регулирования — достижения идеальной модели социального явления;
- создание особого порядка регулирования, представляющего из себя систему целостных «дозволений и запретов, позитивных обязываний и рекомендаций, стимулов и ограничений и т.д.»[32];

---

[29] Мелехин, А.В. Теория государства и права: Учебник с учебно-методическими материалами. — 2-е изд., доп. и перераб. — М., 2009. — 545 с. — С. 263

[30] Мелехин, А.В. Указ. соч. С. 265

[31] Беляева, Г.С. Правовой режим: общетеоретические аспекты / Г. С. Беляева ; Юго-Западный государственный университет. – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2013. – 123 с. С. 23

[32] Беляева, Г.С. Указ. соч. С. 25 – 26, 28, 30

- создание благоприятных и/или неблагоприятных условий для удовлетворения интересов субъектов права[33];
- факт комплексного характера правового регулирования[34].

Думаем, что приведенного описания правового режима как явления будет достаточно для целей настоящей работы. Более подробно правовой режим применительно к регулированию общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг в ЕС мы рассмотрим в следующих параграфах.

*Гейткипер (Gatekeeper)*

Наряду со следующим термином, *гейтвэй* (*gateway*), гейткипер является ключевым термином DMA. Под гейткипером понимается предприятие (undertaking), предоставляющее основные сервисы платформы (см. ниже) и назначенное в соответствии со ст. 3 DMA. Термин раскрывается через перечисление признаков и фактически представляет собой отдельную категорию юридических лиц, в отношении которой действует специальный правовой режим[35]. Заметим, что нам известно об использовании отечественными авторами варианта перевода как «цифровой привратник»[36], однако мы считаем его неблагозвучным.

Фактически гейткипер, по нашему мнению, представляет собой не столько конкретного субъекта (юридическое лицо), сколько определенный правовой статус, который можно считать разновидностью хозяйствующих субъектов с доминирующим положением на рынке. Спецификой гейткипера как статуса является тот факт, что указанный статус присваивается юридическому лицу не в целом, а в отношении определенного основного сервиса, который в своей экономической нише занимает доминирующее положение. Далее мы рассмотрим этот вопрос на конкретных примерах.

---

[33] Ibid. С. 29
[34] Ibid. С. 30
[35] Более подробно см. в разборе DMA во второй главе
[36] См., например, Шрам, Д.В. Антимонопольное регулирование деятельности IT-гигантов: основные тенденции зарубежного и российского законодательства / Д. В. Шрам // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 1(29). – С. 54-65., Истомин, В. Г. Антимонопольное регулирование в странах Европейского Союза / В. Г. Истомин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 108-120.

*Гейтвэй (Gateway)*

Данный термин в DMA не раскрывается. Обычно он используется с прилагательным «важный», т.е. «важный путь», и в связке с основными сервисами платформы (ч 1 и 9 ст. 3, ч. 2 ст. 4 DMA). В соответствии с ч. 1 ст. 3 DMA, контроль над гейтвэй выступает одним из определяющих признаков гейткипера; также, толкуя эту норму, можно указать, что в качестве гейтвэя выступают основные сервисы платформы (core platform service).

Фактически, гейтвэй представляет собой некий основной сервис платформы, имеющий особое значение для соединения бизнес-пользователей с конечными пользователями (потребителями).

*Основные сервисы платформы (Core platform services[37])*

Данный термин раскрывается путем перечисления конкретных сервисов в п. 2 ст. 2 DMA:

(a)сервисы посреднических услуг (очевидно, это отсылка к Regulation (EU) 2019/1150[38], где данный термин раскрывается через перечисление трех признаков; говоря проще, это платформы, на которых бизнес-пользователи предлагают товары и/или услуги потребителям);

(b)поисковые системы;

(c)социальные сети;

(d)сервисы платформы для обмена видео;

(e)сервисы межличностной коммуникации, не зависящие от номера телефона (мессенджеры);

(f)операционные системы;

---

[37] «Services» могут переводиться на русский язык и как «услуги», и дословно как «сервисы». «Услуга» при этом воспринимается как нечто нематериального характера, в то время как «сервис» может быть как нематериальным (например, «в этом месте хороший сервис»), так и материальным. Учитывая сферу регулирования DSA, особенно перечисление основных сервисов платформы (core platform services), вероятно, логичнее было бы именовать регламент именно «Регламентом ЕС о цифровых сервисах», подразумевая конкретные материальные-виртуальные элементы цифровых платформ

[38] Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/1150/oj (дата обращения: 14.09.2025)

(g)веб-браузеры;

(h)виртуальные помощники;

(i)сервисы облачных вычислений;

(j)сервисы онлайн-рекламы, включая любые рекламные сети, рекламные биржи и любые другие услуги рекламного посредничества, предоставляемые компанией, которая осуществляет любые из основных услуг платформы, перечисленных в пунктах (a)-(i).

*Бизнес-пользователь*

Представляет собой физическое или юридическое лицо, «действующее в коммерческом или профессиональном качестве, использующее основные сервисы платформы с целью или в ходе предоставления товаров или услуг конечным пользователям». Термин используется в целях исключения использования дихотомии «физические-юридические лица», поскольку в коммерческом качестве сервисами платформы может пользоваться и физическое лицо; например, в ситуации с образовательной платформой, услуги посредством которой оказывали бы частные лица.

*Конечный пользователь*

Фактически является производным от «бизнес-пользователя», поскольку означает любое физическое и юридическое лицо, которое использует основные сервисы платформы не так, как бизнес-пользователи, т.е. не в коммерческом или профессиональном качестве, а в потребительском[39]. Иногда по тексту мы будем использовать слова «потребитель» и «пользователь» в качестве аналога.

*VLOP и VLOSE*

VLOP и VLOSE представляют собой английские аббревиатуры от словосочетаний «very large online platforms» и «very large online search engines», т.е. «очень крупные цифровые платформы» и «очень крупные поисковые системы».

Поисковая система понимается в тексте DSA как «посреднический сервис, который позволяет пользователям вводить запросы для выполнения поиска <…> на

[39] Ср. с п. 23) ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции»

всех веб-сайтах или на всех веб-сайтах на определенном языке <…> по любой теме в форме ключевого слова, голосового запроса, фразы или другого ввода, и возвращает результаты в любом формате, в котором может быть найдена информация, относящаяся к запрашиваемому контенту» (ст. 3 DSA).

Определение онлайн-платформы мы давали выше, когда говорили о цифровых платформах.

Чтобы описать цифровые платформы и поисковые системы в качестве «очень крупных», европейские законодатели включили количественные характеристики в ст. 33 DSA, в соответствии с которой VLOP и VLOSE для получения такого статуса должны иметь среднемесячное количество активных получателей услуг в Союзе равное или превышающее 45 миллионов или 10% всего населения Союза.

*Бизнес-модели платформы*

В настоящем исследовании мы будем несколько раз касаться вопроса бизнес-моделей платформ, хотя, конечно, и в малой степени, причина чего кроется в большей степени экономическом характере данного явления. Тем не менее, не упомянуть его мы не можем, поскольку бизнес-модели не только тесно связаны с деятельностью платформ, но и, теоретически, могут выступать предметом нормативно-правового регулирования.

В научной литературе нет единого подхода к определению бизнес-моделей. В целом, бизнес-модель можно определить как стратегию (метод) организации по извлечению ценности[40].

В докладе «An overview of European Platforms: Scope and Business Models» аналитического центра Еврокомиссии были выделены следующие виды бизнес-моделей цифровых платформ[41, 42]:

---

[40] См., например, Костин, К.Б., Субоч, А.Н. Современные бизнес-модели электронной коммерции // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Том 10. – № 3. – С. 1623-1642. С. 1630; Алтухов А.В., Гостилович, А.О., Иванов, К.А. Инновационные бизнес-модели в авиационной промышленности // Экономика и управление. — 2021. — Т. 27. — № 3. — С. 190–200. С. 192

[41] Fabo, B., Beblavý, M., Kilhoffer, Z., Lenaerts, K. An overview of European Platforms: Scope and Business Models // JRC Research Reports — 2017 — Pp. 1 – 38. P. 14

[42] Некоторые группы цифровых платформ в зависимости от их направления деятельности были исключены авторами доклада из исследования, например, Amazon, eBay, Airbnb и, видимо, все соцсети, мессенджеры и поисковые системы

- комиссионное вознаграждение (т.е. взятие процента за куплю-продажи товаров или оказание услуг);
- фиксированная (плоская) ставка за обслуживание;
- некоммерческая модель;
- ежемесячные и иные регулярные платежи (за сам факт деятельности на платформе);
- плата за дополнительные услуги;
- иные модели.

Вполне можно согласиться также с разделением всех бизнес-моделей в зависимости от способа формирования ценности на основанные на транзакциях и основанные на знаниях[43] (т.е. данных). Именно ко второму виду относится знаменитая дихотомия «платное-бесплатное», т.е. бизнес-модель платформы, основанная на «бесплатном» предоставлении услуг пользователям (например, возможность иметь профиль и общаться в соцсети) и платном предоставлении услуг третьим лицам (например, рекламодателям, которые размещают свою рекламу в соцсети). Ключевым элементом модели является «плата» пользователя своими данными, которые используются в дальнейшем для целей деятельности платформы — например, той же персонализированной рекламы.

Отметим также важное обстоятельство: в рамках одной платформы могут вполне гармонично сосуществовать различные бизнес-модели, что серьезно затрудняет нормативно-правовое регулирование деятельности цифровых платформ.

*Цифровые рынки или цифровой рынок?*

Вопрос о правильной формулировке термина не так прост, как может показаться на первый взгляд, особенно, когда мы используем его применительно к ЕС. В самом деле, представляет собой единый рынок некое единое правовое и экономическое пространство или совокупность/систему самостоятельных

[43] Кулапов, М.Н., Переверзева, Е.И., Кириллова, О.Ю. Бизнес-экосистемы: определения, типологии, практики развития // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Том 12. – № 3. – С. 1597–1612. С. 1606 – 1607

пространств? В стратегических и нормативных актах ЕС отсутствует ясность по этому вопросу. Достаточно отметить, например, само название Digital Markets Act и, одновременно, существование стратегии по построению Единого цифрового рынка (Digital Single Market, далее — DSM), который представляет собой цифровизированный Единый рынок ЕС. Формируется ли таким образом DSM из цифровых рынков или является единым пространством, не подлежащим делению по какому-либо основанию? Существует ли какая-то иерархия цифровых рынков?

Если мы признаем существование множества цифровых рынков, то встает вопрос о проведении границ этих рынков, ответ на который может предполагать несколько вариантов:

1) границы совпадают с границами государств-членов ЕС;

2) границы цифровых рынков должны определяться как товарные границы в каждом конкретном случае. Минусы такого подхода достаточно очевидны, поскольку, если говорить о товарных границах, определяемых при рассмотрении антимонопольных дел, то они существуют исключительно для целей и в рамках таких дел, представляя за их пределами теоретический, но не практический интерес. В самом деле, информация о границах товарного рынка условного Amazon дает сведения о широте его распространения в Европе, но, без привлечения дополнительных статистических данных (например, о количестве пользователей (покупателей), количестве сделок и т.д.) ничего нам не говорит о его свойствах. Определив дополнительно границы распространения других маркетплейсов мы уже сможем говорить о доминировании одного или другого из них. Также возникает вопрос о разграничении товарного и цифрового рынка;

3) если мы остановимся на понимании цифровых рынков как явления, завязанного на цифровых платформах, то границы рынков должны как-то соотноситься с функционированием этих самых платформ. Здесь возникает еще больше вопросов; например, доминирование Facebook[44] и Twitter в секторе

[44] Facebook принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ

социальных сетей в Европе очевидно, но, в таком случае, необходимо определить границы их цифровых рынков (например, рынка рекламы).

Как можно видеть, к определению границ цифровых рынков можно подойти с разных сторон, в результате чего получить множество теоретических концепций, которые будут накладываться одна на другую. Вероятно, первичной проблемой в данном случае является правильное определение значения термина «цифровой рынок», после разрешения которой уже можно говорить о структуре и соотношении этих рынков, либо же следует удовлетвориться определением границ товарного рынка в каждом конкретном случае.

Здесь же можно вновь обратиться к одной из позиций, отмеченных нами выше — что, если цифровые рынки являются частью платформенной экосистемы? Из этого бы вытекал ряд следствий:

1) цифровой рынок не существует без конкретной платформы;

2) у одной платформы имеется от одного до нескольких (десятков) цифровых рынков;

3) границы цифрового рынка определяются в зависимости от того функционального аспекта (бизнес-модели, сервиса) цифровой платформы, на котором он основывается;

4) разные цифровые рынки, базирующиеся на одинаковых функциональных аспектах разных платформ, образуют единый цифровой рынок;

5) соответственно, законодательное регулирование цифрового рынка возможно как минимум в двух вариантах: в пределах сформированного единого цифрового рынка; путем регулирования бизнес-модели или сервиса цифровой платформы.

Возможно, этот вопрос будет рассматриваться законодателем в ходе дальнейших попыток регулирования цифровых платформ и цифровых рынков.

В целом, надеемся, нам удалось в настоящем параграфе, с одной стороны, прояснить используемую в работе терминологию, а с другой — отобразить трудности, вопросы, дискуссионные моменты определения, казалось бы, основных терминов, употребляемых при описании цифровой экономики. Эта

«расплывчатость», по нашему мнению, является свойством попыток описать цифровую экономику в точных терминах, годных для юридического использования и лишенных аспекта интуитивности, который сопровождает их в актах стратегического планирования и речах политиков.

Также необходимо отметить, что мы используем термины «европейский» (в тех случаях, когда не указано, что подразумевается Европа как географический регион), «общеевропейский» и «союзный» для описания явлений, связанных с ЕС.

## 1.2. История становления цифровых рынков в ЕС через призму нормативно-правового регулирования

Если исходить из аналитических документов Еврокомиссии, то цифрового рынка в ЕС как некоего формализированного явления не существует, речь идет только о его становлении путем трансформации Единого рынка в Единый цифровой рынок. В качестве направления трансформации указывается создание европейского цифрового континуума (избавление от дефрагментации цифрового пространства) путем снижения административной нагрузки, упрощения законодательства, создания гибких стандартов при жестком регулировании посредством регламентов, создания единых цифровых баз данных в сфере образования, правоохранительной деятельности и др.

Единый цифровой рынок в целом опирается на «четыре свободы» рынка ЕС и является результатом действия глобальных процессов, связанных со взаимной интеграцией экономик и использованием информационно-коммуникационных технологий[45]. Если предполагать существование множества цифровых рынков (связанных с национальными границами или же нет — не принципиально), то,

[45] Mărcuț, M., Crystalizing the EU Digital Policy: An Exploration into the Digital Single Market // Springer — 2017 — 217 pp. Pp. 77 – 78

следовательно, создание Единого цифрового рынка должно идти по пути устранения границ между различными цифровыми рынками[46].

Анализ нормативно-правовых актов и актов стратегического планирования ЕС в сфере цифровой экономики, формировавших стратегические видение и основы регулирования до принятия DMA и DSA, весьма затруднен в силу значительного объема материала и отсутствии общепризнанной его систематизации. Исследование отдельных попыток систематизации (например, предпринятой В.Б. Криштаносовым[47]), а также наши собственные изыскания привели нас к решению отказаться от опоры на метод группировки актов по какому-либо основанию. Основная трудность заключается в том, что развитие правового регулирования цифрового рынка ЕС происходило и происходит эволюционным путем, без резких рывков. В качестве значимых периодов возможно выделить т.н. период «Регулирования в целях инноваций[48]» (с 2020 г.; этот период отличается в т.ч. переходом в отрасли конкурентного права от регулирования ex post к регулированию ex ante для крупных корпораций) и период первой комиссии Урсулы фор дер Ляйен (2014 – 2019 гг.), в который были предприняты первые меры по регулированию цифровой экономики ЕС. Период до 2014 г. тяжело разделить на отдельные части; по крайней мере, в качестве значимых вех можно отметить принятие Директивы по электронной коммерции в 2000 г. и Цифровой повестки дня для Европы в 2010 г.

Дополнительную сложность, как уже упоминалось, привносит значительное число (более сотни[49]) только нормативно-правовых актов, затрагивающих вопросы регулирования цифровой экономики в ЕС.

---

[46] Развитие этой мысли затруднено, если принять концепцию образования цифровых рынков вокруг соответствующих сервисов платформ (см. параграф выше)

[47] Криштаносов, В.Б. Формирование институциональной экосистемы цифровой экономики в ЕС и ЕАЭС: сравнительный анализ // Социальные новации и социальные науки: [электронный журнал]. – 2022. – № 2. – С. 140–154. С. 147

[48] Возможно, точнее было бы назвать его периодом «Регулирования инноваций»

[49] Atthoff, K. The EU Single Market in the Digital Era. From legislative complexity to clarity. Kommerskollegium report, 2024. 62 pp. P. 22

Тем не менее, в соответствии с изначальным замыслом, мы все же переработали систематизацию В.Б. Криштаносова в *Таблицу 1* (хотя и относимся к ней скептически, в силу ее ограниченного характера), наполнив ее некоторым количеством нормативно-правовых актов и актов стратегического планирования ЕС (весьма информативная для исследователя систематизация регламентов и директив по направлениям правовой политики представлена также в The EU Single Market in the Digital Era. From legislative complexity to clarity[50]). Далее мы остановимся на наиболее значимых актах в этой сфере, чтобы в общих чертах обозначить история правового регулирования цифровой экономики в ЕС, а также отметим работы отечественных исследователей в этой области.

**Директива о защите данных (Directive 95/46/EC — Data Protection Directive)[51]** была принята Европарламентом и Советом ЕС в 1995 г., став предтечей комплексного регулирования защиты персональных данных в ЕС. Директива требовала от государств-членов защиты права на неприкосновенность частной жизни граждан посредством регулирования обработки персональных данных, а также обеспечивала условия для свободного обмена персональными данными между государствами-членами. Директива регулировала обработку персональных данных, полностью или частично осуществляемой автоматическими и другими специализированными средствами. Отмечается, что в директиве впервые в мировом сообществе было закреплено право на забвение[52, 53]. М.Б. Касенова характеризовала директиву как «стандарт защиты данных», основанный на

[50] Ibid. Pp. 19 – 20

[51] Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1995/46/oj/eng (дата обращения: 01.09.2025)

[52] Подрабинок, Е. М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества / Е. М. Подрабинок // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 290-300. С. 292

[53] Подробнее о праве на забвение, см., например, Дудко, И. Г. Право на забвение: особенности правового регулирования и практика в Российской Федерации / И. Г. Дудко, Т. В. Славкина // Проблемы права. – 2017. – № 5(64). – С. 38-42.

институциональной системе ЕС[54]. В 2018 г. DPD была заменена Общим регламентом по защите данных (GDPR)[55].

Директива о защите данных частично рассматривалась А. Шишловым[56], Е.М. Подрабинок[57], М.Б. Касеновой[58], более подробно — С. Бурдовым[59]. DPD, как правило, изучалась в контексте более широкого круга вопросов, как, например у А.В. Туликова[60], Е.А. Войниканис[61], А.В. Параскевова, А.В. Левченко и Ю.А. Кухоль[62].

**Директива о дистанционной торговле (Directive 97/7/EC — Distance Selling Directive, далее — DSD)[63]** была принята Европарламентом и Советом ЕС в 1997 г. Хотя с высоты 2020-х гг. «дистанционная торговля» вызывает ассоциации в первую очередь с маркетплейсами и курьерской доставкой, в конце 1990-х гг. это касалось главным образом покупок в телемагазинах и через распространяемые по почте журналы. Директива определяла «дистанционный» характер не через технические характеристики, а через принцип заключения контракта без одновременного физического присутствия сторон, под которыми понимались

---

[54] Касенова, М. Б. Некоторые замечания относительно диверсификации правового регулирования защиты персональных данных: подход Европейского союза / М. Б. Касенова // Юридическая наука. – 2018. – № 2. – С. 17-26. С. 24

[55] Data Protection Directive (EU). Glossary URL: https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/6-501-7455 (дата обращения: 01.09.2025)

[56] Шишлов, А. Правовое регулирование защиты персональных данных в рамках Европейского союза / А. Шишлов // Закон и право. – 2010. – № 1. – С. 32-33.

[57] Подрабинок, Е. М. Указ. соч.

[58] Касенова, М. Б. Указ. соч.

[59] Бурдов, С. Тенденции правового регулирования режимов конфиденциальной информации в праве Европейского Союза / С. Бурдов // Хозяйство и право. – 2013. – № 12(443). – С. 88-93.

[60] Туликов, А. В. Обеспечение информационной безопасности как гарантия прав человека / А. В. Туликов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 2. – С. 50-60.

[61] Войниканис, Е. А. Право быть забытым: правовое регулирование и его теоретическое осмысление / Е. А. Войниканис // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2016. – № 3(326). – С. 70-89.

[62] Параскевов, А. В. Сравнительный анализ правового регулирования защиты персональных данных в России и за рубежом / А. В. Параскевов, А. В. Левченко, Ю. А. Кухоль // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 110. – С. 866-894.

[63] Directive 97/7/EC of the European Parliament and of the Council of 20 May 1997 on the protection of consumers in respect of distance contracts - Statement by the Council and the Parliament re Article 6 (1) - Statement by the Commission re Article 3 (1), first indent URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1997/7/oj/eng (дата обращения: 01.09.2025)

только потребитель и профессиональный продавец (т.е. B2C); вкупе с отказом законодателей от составления полного списка технических устройств, обеспечивающих дистанционное заключение договора, это позволило DSD оставаться эффективной достаточно долго — пока электронная коммерция не вышла на первый план и не привела к принятию Директивы о правах потребителях (Directive 2011/83/EU — Consumer Rights Directive)[64].

В российской научной литературе директива рассматривалась в первую очередь в общем контексте защиты прав потребителей в ЕС в работах М.В. Некотеневой[65], Е.В. Постниковой[66], Е.А. Арабей[67].

**Европейский путь к информационному обществу** (Europe's way to the information society) — план действий, адресованный Еврокомиссией Совету ЕС, Европарламенту, Экономическому и социальному комитету и Комитету регионов в 1994 г.[68] Представляет собой один из первых планов, оценивающих влияние цифровых технологий на общество Союза. План содержит предложения по совершенствованию нормативной и материальной базы в сфере информационно-коммуникационных технологий и продвижению идей информационного общества[69]. Как отмечает М. Мэркуц (M. Mărcuţ), потенциал цифровых технологий

---

[64]Poulter, A., Henderson, K., Mcmenemy, D. The distance selling directive: consumer champion or complete irrelevance? — 2003 — URL: https://www.researchgate.net/publication/277105706_The_distance_selling_directive_consumer_champion_or_complete_irrelevance (дата обращения: 01.09.2025)

[65] Некотенева, М.В. Электронная коммерция и некоторые особенности защиты прав потребителей в соответствии с правом ЕС // Lex Russica. — 2019. — №11 (156). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-kommertsiya-i-nekotorye-osobennosti-zaschity-prav-potrebiteley-v-sootvetstvii-s-pravom-es (дата обращения: 01.09.2025)

[66] Постникова, Е. В. Обеспечение онлайн-доступа к товарам и услугам в рамках внутреннего рынка Европейского союза // Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2021. — №2 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-onlayn-dostupa-k-tovaram-i-uslugam-v-ramkah-vnutrennego-rynka-evropeyskogo-soyuza (дата обращения: 01.09.2025)

[67] Арабей, Е.А. Правовые аспекты деятельности Европейского Союза в области защиты прав потребителей: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10: защищена 27.11.14 - М., 2014. - 256 с.

[68] Europe' S Way To The Information Society. An Action Plan - Communication From The Commission To The Council And The European Parliament And To The Economic And Social Commitee And The Committee Of Regions. URL: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/deed9eb9-0b6e-11e4-a7d0-01aa75ed71a1/ (дата обращения: 14.09.2025)

[69] Europe's Way to the Information Society - An Action. URL: https://dspace.uevora.pt/rdpc/bitstream/10174/12999/2/02ueeuropeswaytotheinformationsocietyanactionp.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

«рассматривался почти как универсальное средство для преодоления трудностей с конкурентоспособностью в Европе»[70].

**Цифровая Европа — информационное общество для всех** (eEurope - An information society for all) — стратегия Еврокомиссии, подготовленная для специального заседания Европейского совета в 1999 г.[71] Стратегия предусматривала повышение компьютерной грамотности среди молодежи, адаптацию образования (в т.ч. на инфраструктурном уровне) к цифровому обществу, обеспечение более доступного интернета для потребителей. В целях развития цифрового рынка должна была быть создана четкая правовая база, для высокотехнологичных малых и средних предприятий за счет цифровых технологий должен был быть обеспечен доступ к венчурному капиталу и др.

**Директива об электронной коммерции (Directive 2000/31/EC — e-Commerce Directive, далее — ECD)**[72] была принята Европарламентом и Советом ЕС в 2000 г. Директива является фундаментальным актом для регулирования электронной (цифровой) торговли и в настоящий момент, хотя ее позиции уже частично и поколеблены другими актами, включая DSA.

Директива была принята с целью обеспечения нормального функционирования Внутреннего рынка с точки зрения свободного перемещения услуг информационного общества (Information Society Services, ISS) между государствами-членами[73]. Напрямую вопросы защиты прав человека ECD не

---

[70] Mărcuț, M. Указ. соч. P. 83

[71] Communication of 8 December 1999 on a Commission initiative for the special European Council of Lisbon, 23 and 24 March 2000 - eEurope - An information society for all. URL: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/eeurope-an-information-society-for-all.html (дата обращения: 14.09.2025)

[72] Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ('Directive on electronic commerce') URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2000/31/oj/eng

[73] Lodder, A.R. Directive 2000/31/EC on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market. In Lodder, A.R., Murray, A.D. (Eds.), EU regulation of e-commerce: A Commentary — 2017 — Pp. 15-58. URL: https://research.vu.nl/ws/portalfiles/portal/279836991/Directive_2000_31_EC_on_certain_legal_aspects_of_information_society_services_in_particular_electronic_commerce_in_the_Internal_Market.pdf. Pp. 19 – 20

затрагивает, однако она «напоминает» о важности свободы выражения мнения и неприкосновенности частной жизни[74].

Удачный подход ECD к регулированию «услуг информационного общества» и сама специфика источника вторичного права ЕС в виде директивы обеспечили ей долгую жизнь — без значимых изменений она продолжает действовать и на 2025 г., причем отдельные идеи директивы унаследовал, например, DSA.

В российской научной литературе директива рассматривалась в отдельных аспектах Я.В. Антоновым, В.М. Федотовой[75], А.Н. Вылегжаниным, Д.Д. Штодиной[76], М.В. Некотеневой[77], П. Катковым[78]; более широко — Д.В. Разуваевым[79], А.Р. Бруевой[80], А.А. Шишловым[81], Н.В. Козинцом[82], А.В. Зажигалкиным[83].

---

[74] de Streel, A. Husovec, M. The e-commerce Directive as the cornerstone of the Internal Market. Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, Directorate-General for Internal Policies. — 2020 — URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/648797/IPOL_STU(2020)648797_EN.pdf P. 14

[75] Антонов, Я.В., Федотова, В.М. К вопросу о необходимости правового регулирования электронной коммерции в России и за рубежом // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2017 — №2 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neobhodimosti-pravovogo-regulirovaniya-elektronnoy-kommertsii-v-rossii-i-za-rubezhom (дата обращения: 01.09.2025)

[76] Вылегжанин, А.Н., Штодина, Д.Д. Международно-правовая характеристика регулирования онлайн-торговли в США и ЕС // Вестник Томского государственного университета — 2022 — № 483. — С. 227–239

[77] Некотенева, М. В. Указ. соч.

[78] Катков, П. Проблемы правового регулирования вопроса осведомленности информационного посредника в российском и иностранном праве / П. Катков // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2014. – № 11. – С. 47-53.

[79] Разуваев, Д.В. Международная электронная торговля, проблемы и перспективы развития: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14: защищена 17.11.2004 - М., 2004. - 175 с.

[80] Бруева, А.Р. Анализ регулирования деятельности участников электронной коммерции Директивой 2000/ЕС / А. Р. Бруева // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 92-7. – С. 49-54

[81] Шишлов, А.А. Правовое регулирование электронной коммерции в рамках Европейского союза / А. А. Шишлов // Закон и право. – 2010. – № 3. – С. 50-51.

[82] Козинец, Н.В. Особенности правового регулирования трансграничной электронной торговли: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03: защищена 18.04.2017 - М., 2017. - 209 с.

[83] Зажигалкин, А.В. Международно-правовое регулирование электронной коммерции: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10: защищена 23.06.2005 - М., 2005. - 189 с.

**Директива о недобросовестных коммерческих практиках (Directive 2005/29/EC — Unfair Commercial Practices, далее — UCP)**[84] была принята Европарламентом и Советом ЕС в 2005 г. Хотя из-за названия может сложиться впечатление о ее направленности на поддержание конкуренции на рынке, на самом деле целью Директивы является защита потребителей от воздействия практик продавцов, влияющих на свободу их выбора[85]: ст. 5 запрещает практику, которая противоречит требованиям профессиональной осмотрительности («professional diligence») и искажает или может исказить экономическое поведение среднестатистического потребителя. К таковой практике относятся прямо вводящая в заблуждения информация (или образ действий), несоблюдение кодексов поведения (ст. 6), введение в заблуждение за счет сокрытия части информации, необходимой для совершения сделки (ст. 7) и агрессивная коммерческая практика, в т.ч. принуждение, преследование, применение физической силы и т.д. (ст. 8 – 9). Предполагаем, что эти нормы могли вдохновить положения DSA в части защиты прав конечных пользователей.

[84] Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council and Regulation (EC) No 2006/2004 of the European Parliament and of the Council (‘Unfair Commercial Practices Directive’) URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2005/29/oj/eng (дата обращения: 01.09.2025)

[85] Boom, W. H. van. Unfair Commercial Practices. In Twigg-Flesner, C. (Ed.). Research Handbooks in European Law. — 2016 — Pp. 388-405. P. 390

В российской научной литературе директива рассматривалась в работах И.С. Шляхтина[86], М.Г. Гирич, О.С. Магомедовой, А.Д. Левашенко[87], И.В. Шугуровой[88], Д.О. Тепловой[89].

В 2000 г. Европейским советом в Лиссабоне была представлена **Лиссабонская стратегия** (Lisbon Strategy)[90], направленная на повышение уровня занятости, проведение экономических реформ и усиление социальной сплоченности. Для реализации этих целей предполагалось обеспечить высокую конкурентоспособность экономики государств-членов ЕС через разработку общеевропейских и национальных задач с последующей их реализацией и экспертной оценкой. Конкретно в цифровой сфере были предусмотрены меры по подключению школ к интернету и обучению учителей использованию цифровых технологий, созданию условий для развития электронной коммерции, внедрению институтов цифрового правительства, внедрению 3G мобильной связи, высокоскоростного интернета и др.

---

[86] Шляхтин, И. С. Защита экономических интересов потребителей от недобросовестных коммерческих практик: опыт Европейского союза / И. С. Шляхтин // Экономика. Право. Общество. – 2016. – № 2(6). – С. 49-57.

[87] Гирич, М. Г. Сравнительный анализ правового регулирования рекламных услуг в интернете, оказываемых цифровыми платформами в России и зарубежных странах / М. Г. Гирич, О. С. Магомедова, А. Д. Левашенко // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 163-185.

[88] Шугурова, И. Обеспечение сбалансированной конкуренции по законодательству Европейского союза о товарных знаках / И. Шугурова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2017. – № 12. – С. 66-73.

[89] Теплова, Д. О. Особенности ответственности за мошенничество в международном праве / Д. О. Теплова // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2015. – № 4(39). – С. 146-150

[90] Communication from The Commission Europe 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:en:PDF (дата обращения: 14.09.2025). Обобщенную информацию см.: Briefing note for the meeting of the EMPL Committee 5 October 2009 regarding the exchange of views on the Lisbon Strategy and the EU cooperation in the field of social inclusion. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/empl/dv/lisbonstrategybn_/lisbonstrategybn_en.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

Лиссабонская стратегия достаточно подробно описана в работах европейских исследователей середины 2000-х гг., причем, судя по всему, запомнилась она больше всего своим провалом[91, 92, 93].

**Директива о правах потребителях (Directive 2011/83/EU — Consumer Rights Directive, далее — CRD)[94]** была принята Европарламентом и Советом ЕС в 2000 г. с целью унификации порядка защиты прав потребителей на территории ЕС.

CRD определяет обязанности продавцов по предоставлению информации, включая время доставки товаров или оказания услуг, порядка рассмотрения жалоб и факт наличия юридической гарантии (ст. 5 – 8); определяет порядок возврата товаров и распределения издержек при возврате (ст. 13 – 14) и др.

В контексте настоящего исследования CRD представляет интерес не только в рамках защиты прав потребителей, но и в связи с упоминанием цифрового контента (digital content). Хотя директива содержит лишь небольшое количество специализированных положений по отношению к цифровому контенту — например, о предоставлении некоторой специфической информации о цифровом контенте (п. (r) и (s) ч. 1 ст. 6), об особенностях отказа от товара в виде цифрового контента (п. (b) ч. 4 ст. 14, п. (m) ст. 16) — его упоминание в одном ряду с другими товарами и услугами закрепляет восприятие покупки цифрового контента как подлежащей правовой защите наравне с покупками других товаров. При этом специализированные положения других директив в отношении электронной коммерции имеют приоритет[95].

---

[91] Ivan-Ungureanu, C., Mărcuț, M. The Lisbon Strategy. Romanian Journal of Economic Forecasting – 1/2006 URL: https://core.ac.uk/download/pdf/7195625.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

[92] Treidler, O. Evaluating the Lisbon strategy // Wirtschaftswissenschaftliche Beiträge — 2011 — No. 115 URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/54991/1/684357070.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

[93] Briefing note for the meeting of the EMPL Committee...

[94] Directive 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2011 on consumer rights, amending Council Directive 93/13/EEC and Directive 1999/44/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directive 85/577/EEC and Directive 97/7/EC of the European Parliament and of the Council URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2011/83/oj/eng (дата обращения: 01.09.2025)

[95] Luzak, J.A., Mak, V. The Consumer Rights Directive // Amsterdam Law School Research — 2012 — Paper No. 2013-05 — URL: https://ssrn.com/abstract=2192603 (дата обращения: 01.09.2025) P.6

В российской научной литературе директива рассматривалась в контексте вопросов защиты прав потребителей М.Г. Гирич, О.С. Магомедовой, А.Д. Левашенко[96], А.С. Кошелем, Я. Кузьминовым, Е. Кручинской, Б.В. Лесивом[97]; более конкретно — в работах В.В. Богдан, Е.В. Черных, Р.В. Халина[98], Е.М. Тужиловой-Орданской[99], К.А. Мефодьевой[100].

**Цифровая повестка дня для Европы** (Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions A Digital Agenda for Europe), она же «Стратегия "Европа-2010"», разработанная Еврокомиссией в 2010 г.[101]

Цифровая повестка дня для Европы обозначала проблемы, мешающие построению Единого цифрового рынка: фрагментацию цифровых рынков, отсутствие функциональной совместимости, киберпреступность, недостаток цифровой грамотности, инвестиций и технологических инноваций и др.[102]

Для решения этих проблем Еврокомиссией предлагался широкий спектр совместных с государствами-членами действий в области кибербезопасности, нормативного регулирования Единого цифрового рынка, построении инфраструктуры широкополосной связи, поддержки исследовательской

---

[96] Гирич, М.Г. От денежных транзакций к неденежным: персональные данные потребителя в электронной коммерции / М. Г. Гирич, А. Д. Левашенко, А. А. Коваль // Финансовый журнал. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 117-130.

[97] Поиск регуляторного оптимума деятельности цифровых платформ (сравнительный анализ) / А. Кошель, Я. Кузьминов, Е. Кручинская, Б. Лесив // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – № 2. – С. 4-58

[98] Богдан, В. В. Последствия Брексита для потребителей и законодательства о защите прав потребителей Великобритании / В. В. Богдан, Е. В. Черных, Р. В. Халин // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2018. – № 1(76). – С. 204-210

[99] Тужилова-Орданская, Е. М. Защита прав потребителя: проблемы и тенденции развития / Е. М. Тужилова-Орданская // Власть Закона. – 2012. – № 4(12). – С. 69-75.

[100] Мефодьева, К. А. Эволюция законодательства ЕС о защите прав потребителей цифрового контента / К. А. Мефодьева // Международный правовой курьер. – 2018. – № 1(25). – С. 48-53

[101] Communication From The Commission To The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions: A Digital Agenda for Europe. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52010DC0245R(01) (дата обращения: 14.09.2025)

[102] Mansell, R. Here Comes the Revolution — the European Digital Agenda — 2014 — URL: https://www.dhi.ac.uk/san/waysofbeing/data/governance-crone-mansell-2014.pdf (дата обращения: 14.09.2025). Pp. 202 – 217. P. 204

инфраструктуры в сфере цифровых технологий, электронного правительства, «зеленой экономики», развитию международных отношений по вопросам цифрового контента и др.

В 2010 г. на заседании Европейского совета в качестве преемницы Лиссабонской стратегии была представлена стратегия **«Европа 2020»** (Europe 2020 strategy). Новый план был направлен на выход из финансового кризиса 2008 г., но в целом преследовал те же цели, что и предшествующий, т.е. стимулирование устойчивого и инклюзивного экономического роста, и отличался главным образом усилением экономического управления и надзора в рамках уже предложенных Лиссабонской стратегией инструментов, а также усилением давления на государства, не достигающих согласованных показателей. При этом показатели, зафиксированные в стратегии, напрямую цифровые аспекты не отражали[103].

**Общий регламент по защите данных (Regulation (EU) 2016/679 — General Data Protection Regulation, GDPR)** — ключевой регламент ЕС, регулирующий обращение персональных данных граждан ЕС как на территории Союза, так и за его пределами. GDPR наследует ряд положений и идей из DPD и Хартии ЕС по защите персональных данных[104]. GDPR является одним из самых значимых и известных в мире нормативных актов Европейского союза в сфере защиты персональных данных. Для российской юридической науки это также один из весьма тщательно исследованных актов — его рассматривали А.Ю. Чурилов[105],

[103] Rogge, N. EU countries' progress towards 'Europe 2020 strategy targets'. // Journal of Policy Modeling — 2019 — Pp. 255-272. URL: https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2019.03.003 Pp. 258 – 259

[104] Jones, M.L., Kaminski, M.E. An American's Guide to the GDPR // Denver Law Review — 2020 — 98(1) — Pp. 93 – 128. URL: https://digitalcommons.du.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=7364&context=dlr (дата обращения: 01.09.2025) Pp. 115 – 116

[105] Чурилов, А.Ю. Принципы общего Регламента Европейского союза о защите персональных данных (GDPR): проблемы и перспективы имплементации // Сибирское юридическое обозрение. — 2019. — №1. — С. 29-35.

В.И. Солдатова[106], Э.В. Талапина[107], М.Е. Соколова[108], И.М. Рассолов, С.Г. Чубукова, И.В. Микурова[109], С.А. Шадрин[110], Д.В. Санников[111] и др.

**Регламент Платформы-для-бизнеса (Regulation (EU) 2019/1150 — Platform-to-Business Regulation 2019, далее — P2B)**[112] — регламент ЕС, принятый Европейским парламентом и Советом ЕС в 2019 г.; направлен на обеспечение справедливой, прозрачной и предсказуемой бизнес-среды для предприятий, которые используют онлайн-платформы для предложения своих товаров или услуг потребителям[113]. Это первый нормативно-правовой акт ЕС в нашем беглом обзоре, целенаправленно регулирующий общественные отношения в сфере, которую мы можем отнести к цифровому рынку.

P2B, став «первым шагом» в регулировании цифровой экономики, фактически является предтечей DSA и DMA. Как отмечает К. Буш (C. Busch), регламент сфокусирован на регулировании деятельности платформ с процедурной точки зрения, а не на принятии «сущностных» мер по обеспечению справедливости/честности (fairness) на рынках, в т.ч. и по той причине, что сами цифровые корпорации уже приняли на себя самые широкие полномочия по

---

[106] Солдатова, В.И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий / В. И. Солдатова // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – Т. 73, № 2(159). – С. 33-43

[107] Талапина, Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в Европейском контексте / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13, № 5. – С. 117-150

[108] Соколова, М.Е. Первые успехи нового европейского общего Регламента по защите персональных данных / М. Е. Соколова // Современная Европа. – 2020. – № 2(95). – С. 56-66

[109] Рассолов, И. М. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы / И. М. Рассолов, С. Г. Чубукова, И. В. Микурова // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 1(146). – С. 108-118

[110] Шадрин, С.А. Правовое регулирование защиты персональных данных в Европейском союзе: генезис и перспективы развития: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10: защищена 29.08.19 - Казань., 2019. - 309 с.

[111] Санников, Д.В. Гражданско-правовая охрана частной жизни в условиях цифровизации общества: дис. ... канд. юр. наук: 00.00.00: защищена 17.02.24 – Пермь., 2023. - 194 с.

[112] Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/1150/oj/eng (дата обращения: 01.09.2025)

[113] Platform to Business (P2B) Regulation URL: https://www.ccpc.ie/business/help-for-business/guidelines-for-business/platform-to-business-regulations/ (дата обращения: 01.09.2025)

регулированию поведения пользователей своих платформ (например, удалении контента пользователей или снятие товара с продажи)[114].

Отдельно следует обратить внимание на обязанности провайдеров по разрешению споров с бизнес-пользователями (ст. 11 и 12) — европейский законодатель искал пути снижения нагрузки на судебную систему.

В российской правовой науке регламент был исследован такими учеными, как А.А. Арутюнян, А.Д. Бербенева[115], А.С. Дупан, Ю.С. Бикбулатова[116], А.М. Липинская, А.Ж. Киселева[117], Я. Лианос, Н. Зингалес, Э. Маклин, А. Раслан, М. Страдер[118] и др.

Наконец, достигнув 2020-х гг., мы переходим к периоду, который действительно имеются основания выделять в истории регулирования общественных отношений в сфере цифрового рынка в ЕС; иногда он именуется «периодом стимулирования инноваций», хотя, возможно, следовало бы называть его с определенной долей двусмысленности «периодом регулирования инноваций».

С 2020 г. в ЕС были приняты такие акты, как Директива об устойчивости критически важных организаций (Critical Entities Resilience Directive 2022/2257), Регламент о прозрачности и адресности политической рекламы (Regulation on the transparency and targeting of political advertising 2024/900), и «инновационный пакет», в который включают, как правило, DSA, DMA и Регламент об искусственном интеллекте (AI Act), а также принятые позже Регламент об

---

[114] Busch, C. The P2B Regulation (EU) 2019/1150: Towards a “procedural turn” in EU platform regulation? // Journal of European Consumer and Market Law — 2020 — 9 — Pp. 133 – 178. URL: https://kluwerlawonline.com/api/Product/CitationPDFURL?file=Journals\EuCML\EuCML2020055.pdf (дата обращения: 01.09.2025) Pp. 133 – 134

[115] Арутюнян, А. А., Бербенева, А. Д. Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ // Цифровое право — 2022 — 3(3) — С. 79–96.

[116] Дупан, А. С. Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ: от мягкого права и саморегулирования к императивам / А. С. Дупан, Ю. С. Бикбулатова // Закон и право. – 2022. – № 2. – С. 211-218

[117] Липинская, А.М. Алгоритмы ранжирования товаров на агрегаторах: пределы юридического контроля / А. М. Липинская, А. Ж. Киселева // Интернаука. – 2025. – № 20-7(384). – С. 48-50

[118] Сфера применения конкурентного права в цифровой экономике / Я. Лианос, Н. Зингалес, Э. Маклин [и др.] // Правоведение. – 2019. – Т. 63, № 4. – С. 522-572

управлении данными (Data Governance Act)[119] и Регламент о данных (Data Act)[120]. На уровне стратегического планирования важнейшим, без сомнений, актом стала стратегия European Digital Decade/2030 Digital Compass.

Не погружаясь излишне глубоко, кратко охарактеризуем некоторые из отмеченных актов.

Data Act — принят Европарламентом и Советом ЕС в 2024 г. Data Act направлен на формирование единого пространства данных в ЕС, причем речь не о системах обмена информацией между государствами-членами, но о доступе к данным частных компаний со стороны пользователей и третьих лиц (как физических, так и юридических) — естественно, при соблюдении требований GDPR. Очевидным поводом для принятия Data Act стал факт практически монопольного контроля ряда крупных цифровых платформ над данными обычных и бизнес-пользователей, причем попытки обеспечить последним возможность взаимодействия с данными платформ мы уже наблюдали ранее, например, в P2B Directive.

Data Governance Act — регламент, принятый Европарламентом и Советом ЕС в 2022 г. DGA является обратной стороной Data Act: если второй закладывает правовую основу для обмена данными, то первый призван создать структуру для обеспечения такого обмена. В DGA можно выделить три крупных концепции.

Во-первых, на основании DGA государства-члены должны создать единый информационный центр (single information point), который будет обеспечивать желающим упорядоченный доступ к аккумулируемым данным для повторного использования.

Во-вторых, DGA устанавливает порядок работы сервисов по обмену данных (Data intermediation services) — организаций, целью деятельности которых является

---

[119] Regulation (EU) 2022/868 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 on European data governance and amending Regulation (EU) 2018/1724 (Data Governance Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/868/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)

[120] Regulation (EU) 2023/2854 of the European Parliament and of the Council of 13 December 2023 on harmonised rules on fair access to and use of data and amending Regulation (EU) 2017/2394 and Directive (EU) 2020/1828 (Data Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/2854/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)

обеспечение обмена данных между субъектами персональных данных и держателями данных с одной стороны и лицами, желающими использовать данные с другой.

В-третьих, DGA предусматривает такую концепцию, как «альтруизм данных». Она была введена в целях поощрения субъектов делиться неперсональными данными для различных общественно значимых проектов.

Наконец, **AI Act** — регламент, принятый Европарламентом и Советом ЕС в 2024 г., в котором была сделана попытка найти баланс между содействием развитию ИИ в ЕС и защитой европейских ценностей путем стимулирования инноваций и принятия четких правил в отношении конкретных видов использования ИИ[121]. Отмечается, что Регламент о регулировании ИИ направлен не на регулирование ИИ как технологии, но на регулирование отдельных аспектов, что приближает его к сфере обеспечения безопасности товаров и услуг[122].

Как можно было сделать вывод из Введения, в настоящей работе мы сосредоточимся на анализе DMA и DSA. Тому есть ряд причин.

Во-первых, как уже упоминалось выше, общий объем законодательства, касающегося тех или иных вопросов цифрового рынка, составляет около сотни актов — и речь только о регламентах и директивах. Еще значительный пласт актов, пусть и не нормативно-правовых, но тем не менее значимых, составляют акты стратегического планирования. Наконец, анализ директив, учитывая их специфику в качестве источника права ЕС, был бы сомнителен без учета национальных мер по имплементации.

---

[121] Некоторые аспекты регулирования в ретроспективе см., например: Бирюков, П.Н. Ответственность за вред, причиненный технологиями с искусственным интеллектом: подход Европейского союза / П. Н. Бирюков // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 39-49.; о потенциале адаптации и интеграции данного регламента см., например, Суворов, И. С. Анализ возможности применения законов Европейского союза об искусственном интеллекте в Российской Федерации / И. С. Суворов, Ю. Г. Кочарян // Актуальные вопросы современной экономики. – 2024. – № 12. – С. 938-944.

[122] Aueamnuay, C., Berjón, C., Galehr, S., Graf, L., Heinemann, A. Digital Regulation in the European Union. // Zeitschrift für Europarecht — Ausgabe 03 / 2024. URL: https://eizpublishing.ch/artikel/euz/03-2024/digital-regulation-in-the-european-union/ (дата обращения: 01.09.2025)

Во-вторых, многие акты отстоят от настоящего момента достаточно далеко, иные — на 10 лет. Их исследование было бы невозможно вне контекста сравнения с более поздними актами, учитывая предполагаемое наличие коллизий, и, кроме того, повлекло бы за собой с необходимостью анализ последствий принятия этих актов и адекватность заложенных в них положений современным реалиям.

В-третьих, DMA и DSA с точки зрения регулирования цифрового рынка, представляют собой в большей или меньшей степени общий подход в регулировании; причем, если в случае DSA регулирование действительно затрагивает значимую часть цифровых платформ, а не сосредотачивается на крупных, то в случае DMA именно упор на наиболее крупные платформы подразумевает фактическое регулирование значительной доли цифрового рынка — просто по причине олигопольного положения этих платформ.

В-четвертых, выше мы неоднократно приводили примеры трудов отечественных исследователей, изучавших отобранные нами акты ЕС. Заметим, однако, что исследователями данные акты зачастую рассматривались не в целом, а в той части (например, в сфере защиты персональных данных), которая была более значимой для их научной деятельности.

Наконец, говоря об «инновационном пакете», непосредственно вопросов цифрового рынка касаются DMA и DSA, AI Act направлен скорее на обеспечение безопасности при разработке и эксплуатации ИИ, а Data Governance Act и Data Act затрагивают вопросы обмена данными, который к цифровому рынку имеет косвенное отношение, хотя и выступает одним из способов обеспечения конкуренции.

**Вопросы правового режима**

Переходя непосредственно к вопросам правового режима цифровых рынков и цифровых услуг в ЕС необходимо ответить на три вопроса. Во-первых, представляет ли из себя правовой режим в ЕС нечто цельное; во-вторых, каков актуальный правовой режим; и, в-третьих, если есть «актуальный» правовой режим, то каков был предыдущий и существовал ли он?

Основные сомнения в существовании правового режима цифровых рынков и цифровых услуг в ЕС вызваны двумя причинами: относительной новизной самих общественных отношений, требующих регулирования, и самой сущностью наднационального права. Если первая причина достаточно очевидна, о второй следует сказать несколько подробнее.

В первом параграфе первой главы мы указывали на системность (т.е. внутреннюю стройность, внутреннее единство) как на один из признаков правового режима. Следовательно, таковой признак мы должны искать и в подходе ЕС к регулированию общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг. Действительно, наднациональное законодательство призвано упорядочить подход государств-членов к нормативно-правовому регулированию; акты ЕС зачастую требуют от государств-членов создавать правовые механизмы для реализации их положений, реформировать национальное законодательство. Однако, например, директивы лишь устанавливают желаемые цели, оставляя за государствами-членами право выбора путей их достижения; регламенты также оставляют в ряде вопросов свободу выбора для государств-членов. Кроме того, каждое из 27 государств-членов обладает собственными правовыми традициями и политическим видением вопроса; да и само нормативно-правовое регулирование общественных отношений в ряде сфер отличается фрагментацией. Достаточно явное движение от директив к регламентам[123], которое можно наблюдать и в обзоре в настоящем параграфе, свидетельствует о попытке ЕС унифицировать подход к регулированию общественных отношений и создать фундамент для дальнейшего развития формирующегося правового режима.

Тем не менее, поскольку ранее мы условились широко понимать правовой режим, мы можем констатировать его существование в отношении цифровых рынков и цифровых услуг, тем более что зарубежные исследователи, к трудам которых мы обращаемся ниже в этом и других параграфах, в существовании

[123] Papakonstantinou, V., De Hert, P. The Regulation of Digital Technologies in the EU: The law-making phenomena of “act-ification”, “GDPR mimesis” and “EU law brutality” // Technology and Regulation — 2022 — Pp. 48-60. P. 51

правового режима (который зачастую именуется «подходом», «этапом»), по крайней мере, в настоящий момент, не сомневаются. Наконец, отсутствие правового режима — тоже своего рода правовой режим — условно можем считать либертарианским.

А. Брэдфорд (A. Bradford), анализируя подходы к регулированию цифровой экономики в США, ЕС и КНР, определяет подход ЕС как «правоцентричный»[124] («Rights-Driven Regulatory Model»), подразумевая постановку в центр внимания вопросов защиты фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. Такой подход имеет сходства и различия как с «рыночным» американским, так и с «государственно-ориентированным» китайским режимами.

Как в США, так и в ЕС регулирование, в целом, ориентировано на защиту прав и свобод, однако руководство ЕС в большей степени склонно рассматривать возможность ограничения особо значимой для пользователей Интернета свободы слова, когда злоупотребление ею нарушает права других лиц. Кроме того, ЕС привержен социально ориентированной экономике, в то время как США считаются оплотом неолиберальной экономической политики. Институты ЕС берут на себя «все более активную роль в управлении цифровой экономикой с целью утверждения «цифрового суверенитета» ЕС, что можно рассматривать как переход к модели государственного регулирования»[125], да и исторически ЕС придерживается достаточно жесткого подхода к регулированию деятельности цифровых корпораций, используя широкий подход к определению фактов злоупотребления влиянием на рынках[126]. Правовой режим цифровых рынков и цифровых услуг в ЕС, строящийся на принципе защиты прав человека, пользуется легитимирующей поддержкой населения[127], при этом традиционная двойная цель актов вторичного права ЕС — регулирование непосредственного предмета и

---

[124] Вариант перевода — «правоориентированный»
[125] Bradford, A. Digital Empires: The Global Battle to Regulate Technology — Oxford Academic: 2023 — 653 pp. P. 154
[126] Jacobides, M.G. Regulating Big Tech in Europe: Why, so What, and How Understanding Their Business Models and Ecosystems Can Make a Difference — 2020 — 42 Pp. URL: https://ssrn.com/abstract=3765324 (дата обращения: 05.10.2025). P. 11 – 12
[127] Bradford, A. Указ. соч. P. 124

одновременно консолидация Единого рынка — позволяет заручиться поддержкой сторонников как дирижизма, так и свободного рынка (в пределах ЕС)[128].

В случае китайского подхода, европейский взгляд сходен с ним с точки зрения допустимости дирижизма, однако КНР рассматривает вмешательство в цифровую экономику не только как путь обеспечения экономического роста и достижения цифрового суверенитета, но и как способ сохранения общественной стабильности путем авторитарного контроля[129], что (пока, по крайней мере) не свойственно ЕС.

Эту точку зрению можно дополнить и расширить за счет разработок других исследователей. Например, Дж. Де Грегорио (G. De Gregorio) выделяет три этапа (три правовых режима) в правовом регулировании цифровой экономики в ЕС: неолиберальный, правового активизма и цифрового конституционализма.

Неолиберальный подход был свойственен ЕС в 1990-х – 2010-х гг., столпами его были либертарианское восприятие Интернета как среды, свободной от вмешательства государства; концепция свободного рынка; четыре свободы Единого рынка ЕС; направленность деятельности Еврокомиссии на завершение экономической интеграции Союза. Кроме того, цифровые корпорации тогда, с одной стороны, считались лучшими (само)регуляторами цифрового пространства, а с другой – не воспринимались как посягающие на полномочия государственных институтов[130].

Правовой активизм характерен для Союза образца 2010-х – 2020-х гг. Дж. Де Грегорио объясняет переход к нему параллельным ростом мощи цифровых корпораций и ростом влияния Хартии ЕС об основных правах, которой стал активно руководствоваться Суд ЕС при рассмотрении дел, связанных с осуществлением прав в цифровой среде[131], тем не менее, активности Суда было недостаточно для устранения имеющихся проблем, что и привело к третьему этапу.

---

[128] Ibid. P. 151
[129] Ibid. P. 126
[130] De Gregorio, G. The Rise of Digital Constitutionalism in the European Union // International Journal of Constitutional Law — 2020 — 19(1) — Pp. 41-70. Pp. 43 – 45
[131] Ibid. P. 50

Цифровой конституционализм, начавший свой подъем примерно в 2020-х гг. предполагает отход от мнения, что сфера цифровой экономики может быть урегулирована усилиями самих цифровых корпораций[132]. Две основных черты цифрового конституционализма: кодификация идей Суда ЕС (фактическая институализация «сверху вниз») и внедрение механизмов прозрачности и подотчетности для цифровых платформ (институализация «снизу вверх»[133])[134].

Предполагается, что следующий этап (четвертый) будет подразумевать экспорт идей цифрового конституционализма за пределы Европы для (или под предлогом) защиты фундаментальных прав[135].

На этом мы пока остановимся — обсуждение актуального правового режима логично будет завершить после рассмотрения двух центральных актов настоящего исследования, Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах. Подводя же итог изложенному выше, думаем, справедливо отметить, что не остается сомнений ни об общем характере — правоцентричном —правового режима цифровых рынков и цифровых услуг в ЕС, ни о самом факте его существования. Рискнем высказать гипотезу: актуальный (формирующийся) правовой режим цифровых рынков и цифровых услуг следует воспринимать либо как единый с самого начала (т.е. не имеющий предшествующего), просто претерпевающий эволюцию в настоящий момент, либо как имевший в качестве предшественника либертарианский (в том числе по объективным причинам — в силу фрагментированности правового поля) правовой режим.

**Экономические показатели развития цифрового рынка в ЕС**

Статистика свидетельствует, что все больше домохозяйств в ЕС получают доступ к интернету, во многих странах этот показатель превысил 90%; с 2019 по 2022 гг. также наблюдался устойчивый рост количества физических лиц, приобретающих товары или услуги через интернет (а в ряде стран он сохранился и в 2023 г.). Падение показателей в 2022 г., вероятно, можно объяснить

---

[132] Ibid. P. 54
[133] Подразумевается, что она осуществляется «по запросу» общества
[134] Ibid. Pp. 55, 57
[135] Ibid. P. 67

экономическим кризисом в ЕС, связанном с «отдачей» от введения антироссийских санкций и выходом общества из ковидных ограничений.

Исследование структуры электронных покупок свидетельствует о достаточно стабильном цифровом рынке ЕС. Наибольший рост в 2020 – 2023 гг. испытали категории одежды, обуви и аксессуаров (с 33 до 40%), цифровых версий фильмов и сериалов (с 17 до 20%), билетов на культурные мероприятия (с 12 до 21%), транспортных услуг у соответствующих предприятий (с 10 до 17%), отелей или временного проживания как в специализированных организациях, так и у частных лиц (с 9 до 15% и с 3 до 7% соответственно). Другие категории или оставались более-менее стабильными, или претерпели незначительный рост/снижение.

Анализ доминирующих в ЕС маркетплейсов затруднен неполнотой информации в источниках, однако некоторые данные все же можно привести.

На 2018 г. в Европе доминировали Amazon (Западная Европа) и eBay (в основном Северная Европа), AliExpress распространялся по Восточной Европе. На 2017 г. на Amazon приходилось 25% межграничной торговли, на AliExpress — 14%, на eBay — 8%[136]. В 2019 г. Amazon и AliExpress упрочили свои позиции[137].

В 2023 г. в Европе продолжали удерживать позиции Amazon (1,3 млрд посещений) и eBay (0,5 млрд посещений), на третьем месте с большим отрывом шла Allegro (0,2 млрд посещений), польский маркетплейс[138]. В 2024 г. распределение мест не поменялось, но изменился порядок чисел, в частности, выросло посещение Allegro (до 0,3 млрд посещений)[139]. Странно, что в данных списках не упоминается AliExpress, хотя на 2020 г. он занимал достаточно значимое

---

[136] European Ecommerce Report 2018 Edition. URL: https://www.eurocommerce.eu/app/uploads/2023/09/european-ecommerce-report-2018.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

[137] European Ecommerce Report 2019 edition. URL: https://www.eurocommerce.eu/app/uploads/2023/09/european-ecommerce-report-2019-freeversion-reduced.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

[138] Barilyuk, E. Most popular marketplaces in Europe for 2024. URL: https://mulwi.com/blog/european-marketplaces/ (дата обращения: 14.09.2025)

[139] Agustsson, P. Top 10 E-commerce Online Marketplaces in Europe 2024. URL: https://gominga.com/top-marketplaces-in-europe/ (дата обращения: 14.09.2025)

место в структуре онлайн-покупок в странах ЕС, в частности, первое место в Северной Македонии, Словакии, Чехии, Литве, Латвии[140].

Можно утверждать, что Amazon как маркетплейс уже много лет удерживает лидерство, причем со значительным отрывом от конкурентов. С другой стороны, на локальных рынках (внутри отдельных государств) присутствуют конкуренты в лице национальных или региональных цифровых платформ: Allegro в Восточной Европе, Bol.com в Бельгии, Verkkokauppa.com в Финляндии и т.д.

К сожалению, у Eurostat отсутствует статистика за периоды, раньше середины 2010-х гг. Данные Statista также не застали момента «взрывного роста» (если он вообще был) подключения домохозяйств к интернету, а свидетельствуют о постепенном росте[141, 142].

В целом, приведенные данные свидетельствуют о постепенном, стабильном росте цифрового рынка в ЕС. Увеличивается как число домохозяйств, подключенных к интернету (что в наше время уже считается обычным явлением), так и количество покупок, совершаемых с его помощью. Как и почти десять лет назад на цифровом рынке в сфере коммерции господствует Amazon. Структура же цифровой коммерции изменилась не слишком значительно, хотя был зафиксирован рост ряда секторов.

С точки зрения нормативно-правового регулирования и актов стратегического планирования, мы можем наблюдать постепенный рост как числа актов, так и их широты и глубины регулирования. Очевидно, приход к мыслям о самостоятельном характере такого явления, как цифровая экономика, в 2010-х гг. стало одной из предпосылок активных попыток урегулировать общественные отношения в этой сфере. При анализе подобранных нами актов мы можем наблюдать две достаточно четких тенденции: во-первых, помимо уже указанного

---

[140] Europe 2020. Ecommerce Region Report. URL: https://ecommercegermany.com/blog/key-takeaways-from-e-commerce-region-report-europe-2020 (дата обращения: 14.09.2025)

[141] Share of households with internet access in the European Union (EU) from 2010 to 2023. URL: https://www.statista.com/statistics/377585/household-internet-access-in-eu28/ (дата обращения: 14.09.2025)

[142] Number of internet users in Europe from 2014 to 2029. URL: https://www.statista.com/forecasts/1145081/internet-users-in-europe (дата обращения: 14.09.2025)

выше расширения и углубления регулирования, достаточно очевиден переход к более жесткому регулированию — посредством регламентов, а не директив; во-вторых, несколько забегая вперед отметим, что новейшее законодательство ЕС в рассматриваемой сфере призвано как отвечать на актуальные (а значит, кризисные) вопросы, так и аккумулировать в себе опыт, идеи более ранних актов, что свидетельствует об эволюционном развитии законодательства.

## 1.3. Предпосылки принятия Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах

Под «предпосылками» в настоящем параграфе мы предлагаем понимать комплекс вызовов, направлений развития, проблем, которые цифровизация и сопутствующие ей явления ставят перед Европейским союзом. Вполне логично, что эти предпосылки не исчерпываются вопросами права, а носят структурный характер, затрагивая едва ли не все сферы жизни общества.

Источниками для выявления предпосылок, помимо актов стратегического планирования и отчетов институтов ЕС, послужили документы институтов Евросоюза и аналитические материалы по данной тематике: Digital Decade Policy Programme[143], Digital Transformation in the EU 2035: A Glimpse into the Future[144], Digitalisation in Europe 2022 – 2023[145].

---

[143] Decision (EU) 2022/2481 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 establishing the Digital Decade Policy Programme 2030. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2022/2481/oj (дата обращения: 14.09.2025)

[144] Rohmann, K., Klein, F., Lux, A. Digital Transformation in the EU 2035. A Glimpse into the Future. // Monitor Deloitte — Issue 07/2019 — Pp. 20. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/de/Documents/strategy/deloitte-future-of-digital-transformation-eu-2035.pdf

[145] Digitalisation in Europe 2022–2023. Evidence from the EIB Investment Survey. // European Investment Bank — 06/2023 — 71. Pp. URL: https://www.eib.org/attachments/lucalli/20230112_digitalisation_in_europe_2022_2023_en.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

Кроме того, был использован ряд докладов экспертов EUrofi[146, 147, 148, 149] и McKinsey[150].

Наиболее очевидной является предпосылка, проистекающая из все большего охвата цифровизацией различных сфер жизни общества. Процесс был значительно ускорен пандемией Covid-19, в ходе которой перед предприятиями в некоторых секторах экономики был поставлен вопрос о переводе работы в удаленный формат и повышении ее эффективности путем цифровизации или прекращении хозяйственной деятельности вовсе. Здесь же можно отметить «зеленую повестку», как составную часть попытки перехода к устойчивому развитию, поскольку внедрение новых технологий во все отрасли производства считается путем уменьшения углеродного следа.

Следующая предпосылка, «разноскоростная цифровизация», заключается в различающихся темпах цифровизации, причем это касается не только государств-членов ЕС, но и отдельных регионов, отраслей экономики и даже местностей[151]. В случае разноскоростной цифровизации государств-членов и регионов могут возникнуть избыточные политические и экономические риски. Даже не касаясь обсуждения специфических вопросов (например, кибербезопасности), отметим,

---

[146] Французская торговая ассоциация, выступающая платформой для переговоров между руководителями ЕС и представителями финансовых кругов

[147] Digitalisation trends in financial services. Ophèle, R., Dejmek-Hack, P. и др. // The EUROFI Magazine — Stockholm 2023 — 95 – 101 Pp. URL: https://www.eurofi.net/wp-content/uploads/2023/06/eurofi_digitalisation-trends-in-financial-services_stockholm_april-2023.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

[148] EUrofi. Financial Forum Santiago De Compostela. Organised in association with the Spanish EU Council Presidency. Andrès, J-M., Truchet, M. и др. — 2023 — 221 pp. URL: https://www.eurofi.net/wp-content/uploads/2023/11/summary_the-eurofi-high-level-seminar_santiago_september-2023.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

[149] Digitalisation trends and policy approach // EUROFI Seminar — 2023 — Pp. 51 – 54. URL: https://www.eurofi.net/wp-content/uploads/2023/07/the-eurofi-high-level-seminar_stockholm_digitalisation-trends-and-policy-approach_summary_april-2023.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

[150] Hajro, N., Hjartar, K., Jenkins, P., Vieira, B. Opportunity knocks for Europe's digital consumer: Digital trends show big gains and new opportunities. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/opportunity-knocks-for-europes-digital-consumer-digital-trends-show-big-gains-and-new-opportunities (дата обращения: 14.09.2025)

[151] Например, в актах стратегического характера ЕС регулярно встречается вопрос об обеспечении жителей сельской местности интернетом и доступом к государственным услугам

что такая ситуация ведет к появлению трещин в концепции единого рынка, единого пространства свободы, безопасности и правосудия, поскольку в некоторых государствах из-за медленной цифровизации граждане ЕС могут столкнуться с проблемами при пользовании своими правами, их защите в судах и иных органах[152].

Нельзя не отметить, что нормативное регулирование в сфере цифровизации имеет запаздывающий характер, поскольку общественные отношения изменяются гораздо быстрее, чем удается провести законопроект через парламентский орган (а в случае с ЕС, еще и имплементировать законодательство Союза в законодательства государств-членов, если речь не идет о регламентах). Следовательно, все б*о*льшую роль в регулировании играет практика различных уполномоченных органов, например, судебных и антимонопольных, что отчасти отражает прогнозируемый некоторыми исследователями переход к массовому прикладному праву[153]. В то же время популярность, вероятно, будут набирать специфические механизмы продвижения цифровых технологий, правовые модели, например, «технология децентрализованного реестра» (DLT) и Европейский цифровой инфраструктурный консорциум (European Digital Infrastructure Consortium, EDIC); здесь же можно предполагать использование и механизма продвинутого сотрудничества ЕС.

Кибербезопасность является одной из главных тем, связанных с цифровизацией. Во-первых, очевиден рост числа преступлений в цифровой среде, причем, помимо собственно «новых» преступлений, цифровая составляющая входит и в «обычные» преступления путем предоставления новых средств и способов для их совершения. Например, это касается «наркошопов», распространения детской порнографии, мошенничества и т.д. Во-вторых, на состоянии кибербезопасности негативным образом сказывается ведущаяся между странами блока НАТО и противостоящими им державами гибридная война, частью которой являются кибератаки на цифровую инфраструктуру.

---

[152] Ср. с целями EDIC в Грушин, Ю. О. Предварительный анализ механизма Европейских цифровых инфраструктурных консорциумов (EDIC) / Ю. О. Грушин // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 10(197). – С. 27-28.

[153] Синюков, В.Н. Указ. соч. С. 14

На принятие DMA и DSA оказала влияние также антимонопольная практика ЕС, особенно тянущийся с 2010 г. спор Еврокомиссии с Google. Кроме того, в предшествующие годы меры за антиконкурентные действия были применены по отношению к Qualcomm, Broadcom, Comcast Corporation, Valve, расследования велись в отношении Amazon, Facebook (Meta)[154] и Apple.

В Ежегодных отчетах Еврокомиссии о состоянии конкуренции на европейском рынке (Report on Competition Policy)[155] перечислены следующие тенденции:

- «рынки в секторе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)» идут по пути цифровизации[156], технологических изменений и появления новых устройств и нематериальных ценностей (услуги, приложения, экосистемы);
- бизнес-модели и источники дохода компаний в цифровой экономике очень изменчивы;
- происходит технологическая конвергенция (соединение) платформ (как в техническом, так и в программном аспектах) для производства и потребления медиаконтента, а участники рынка часто играют двойную роль, управляя платформой или рынком для третьих лиц и в то же время предлагая свои собственные продукты или услуги на этой платформе или рынке в рамках конкуренции с этими третьими лицами. На эту же тенденцию указывают С.Ю. Кашкин и А.В. Алтухов, отмечая, что совмещение корпорациями различных производственных процессов ведет к захвату рынков и формированию олигополий и монополий[157];
- появляются новые трансграничные возможности и связанные с ними угрозы для устоявшейся деловой практики;

---

[154] Facebook принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ

[155] Reports on competition policy. URL: https://competition-policy.ec.europa.eu/publications/annual-reports_en

[156] Следует обратить внимание, что рынки ИКТ в отчете указаны как нечто отличное от цифровых рынков

[157] Кашкин, С.Ю., Алтухов, А.В. Роль искусственного интеллекта в становлении платформенного права и его эволюции в направлении концепции права экосистем // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 1. — С. 94–108. С. 98

- *доступ к данным*, контроль над ними являются *ключевым фактором успеха* на цифровом рынке.

Анализируя тенденции развития цифровой экономики, невозможно обойти стороной проблему цифрового суверенитета. Цифровой суверенитет представляет собой несколько расплывчатую категорию, однако в большинстве работ он сводится, как правило, к праву/возможности/свойству государства, позволяющему ему регламентировать «собственное» цифровое пространство и распоряжаться инфраструктурой, на основе которого это цифровое пространство функционирует[158, 159]. А. Чандар (A. Chander) и Х. Сан (H. Sun) добавляют к этим элементам еще желание государства контролировать своих граждан путем ограничения перечнях тех вещей, которые они могут делать в интернете или тех материалов, что они могут там читать[160]. По мнению С. Мисры (S. Misra), К. Барика (K. Barik), П. Квалвика (P. Kvalvik), ключевые аспекты цифрового суверенитета включают в себя: независимость данных, технологическую автономию, кибербезопасность и нормативный контроль за деятельностью лиц в цифровом пространстве[161].

А.О. Четвериков подчеркивает, что «цифровой суверенитет» следует рассматривать в разрезе технологического суверенитета, который входит в категорию «секторальных суверенитетов», являющихся базой для реальной независимости и суверенитета государства[162], в то время как А.Я. Капустин полагает понятия «цифровой суверенитет» и «технологический суверенитет» взаимозаменяемыми и используемыми наравне с целым рядом других понятий,

---

[158] Емельянов, А.А. К вопросу о цифровом суверенитете России / А. А. Емельянов, И. Л. Коршунов, С. Ю. Микадзе // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 6(138). – С. 84-90. С. 84

[159] Романова, Т.А. Эволюция концепции "цифровой суверенитет" в Евросоюзе: константы и дихотомии / Т. А. Романова // Современная Европа. – 2023. – № 4(118). – С. 62-76. С. 63

[160] Цит. по Роблес-Каррильо, М. Суверенитет и цифровой суверенитет / М. Роблес-Каррильо // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 3. – С. 673-690. С.677

[161] Misra, S., Barik, K., Kvalvik, P. Digital Sovereignty in the Era of Industry 5.0: Challenges and Opportunities // Procedia Computer Science — 2025 — 254 — Pp. 108-117. P. 109

[162] Четвериков, А.О. Право на цифровую неприкосновенность — новое основное право человека? Pro et contra // Юридические исследования. — 2024 — № 5 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70798 С. 13

описывающих аналогичные явления, которые, по существу, являются в большей степени риторическим оборотом, призванным привлечь внимание к конкретной стороне неделимого суверенитета государства[163]. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [164] также оперирует понятием «технологический суверенитет»: в пп. г) п. 19 он обозначен как принцип, который определяет обеспечение необходимого уровня самостоятельности в области искусственного интеллекта (расширяя понятие — любой цифровой технологии) посредством преимущественного использования российской технико-технологической базы. В то же время в Указе Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» (далее — Доктрина информационной безопасности) (хронологически более раннем) используется формулировка «защита суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве» (пп. а) п. 29)[165].

Существует также версия о возможности использования более корректной формулировки «стратегическая [цифровая] автономия»[166].

По нашему мнению, цифровой суверенитет представляет собой контроль в первую очередь над инфраструктурой — как материальной, так и виртуальной — из чего уже следует контроль и за оборотом данных, и за поведением лиц в цифровом пространстве. Д.В. Красиков по этому поводу отмечает, что в европейской политико-правовой дискуссии цифровой суверенитет включает в себя способность регулировать технологический сектор и поведение в

---

[163] Капустин, А.Я. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения — 2022 — Т. 18. № 6. — С. 99—108. С. 106, 108

[164] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ от 14 октября 2019 г. № 41 ст. 5700

[165] Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»// СЗ РФ от 12 декабря 2016 г. № 50 ст. 7074

[166] Международная интеграция и технологический суверенитет: правовые решения (зарубежный опыт) : монография / А. Г. Барабашев, П. А. Калиниченко, С. Ю. Кашкин [и др.] ; под ред. С. Ю. Кашкина. — Москва : Русайнс, 2023. — 207 с. С. 34 – 35

киберпространстве и наличие стратегической автономии и конкурентоспособности в цифровой сфере[167].

Само цифровое пространство (киберпространство) изначально мыслилось как глобальное, не имеющее границ и лидеров; попытки государств ввести управление им на глобальном уровне встретили и продолжают встречать серьезное сопротивление. Тем не менее, даже такие последовательные сторонники свободного Интернета, как Дж. Гриффитс, вынуждены признавать, что принцип «информация хочет быть свободной» сыграл на руку небольшому числу цифровых корпораций, которые быстро «застолбили» за собой отдельные участки Интернета[168]. Для иллюстрации этого факта достаточно взглянуть на статистику, иллюстрирующую распределение долей различных рынков в цифровой сфере: на рынке поисковых систем многие годы первое место с 89% занимает Google, второе с 4% — Bing, третье, с 2,5% — Яндекс[169]; а статистика количества ежемесячных пользователей социальными сетями демонстрирует доминирование Facebook[170] (3070 млн), YouTube (2530 млн), Instagram[171] (2000 млн), WhatsApp (2000 млн[172]) и TikTok (1590 млн)[173]. Все указанные компании не только оперируют огромным массивом самых разнообразных данных, извлекая из него прибыль, но и вполне могут использовать его как рычаг влияния на общественное мнение.

Конечно, необходимо сделать оговорку, что контроль корпораций не равняется контролю правительства, под юрисдикцией которого они находятся, но,

---

[167] Красиков, Д.В. Развитие концепции цифрового суверенитета в правовой политике Европейского союза // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 4 (57). С. 255—259. С. 257

[168] Гриффитс, Дж. Указ. соч. С. 22

[169] Market share of leading search engines worldwide from January 2015 to March 2025. URL: https://www.statista.com/statistics/1381664/worldwide-all-devices-market-share-of-search-engines/ (дата обращения: 14.09.2025). К данным, полагаем, следует относиться с осторожностью — Baidu не может занимать меньше процента рынка, учитывая численность китайского населения более чем в 1 млрд. Вероятно, статистика по китайскому рынку просто не собирается

[170] Facebook и Instagram принадлежат компании Meta, которая признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ

[171] Facebook и Instagram принадлежат компании Meta, которая признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ

[172] Оценочное значение на 2025 г.

[173] Most popular social networks worldwide as of February 2025, by number of monthly active users. URL: https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users/ (дата обращения: 14.09.2025)

во-первых, не факт, что контроль корпораций менее опасен для государственного суверенитета: как подчеркивает Н. Фергюсон (N. Ferguson), «глобальные корпорации вроде Google систематически добиваются “структурного господства”, используя свои сети для размывания национального суверенитета и коллективистской политики, которую осуществляют отдельные государства»[174]. Еще конкретнее это выразил Д. Чичиллине (David N. Cicilline)[175] во время слушаний в Палате Представителей в 2020 г. юристов Apple, Google, Facebook[176] и Amazon: «концентрация экономической власти ведет к концентрации политической власти»[177].

Во-вторых, сколь бы ни были весомыми аргументы руководства цифровых корпораций о проведении ими независимой политики, имеются факты, необратимо свидетельствующие об обратном. В частности, американские корпорации не раз отчитывались перед Конгрессом США о своей деловой практике в Китае, в рамках которой они были вынуждены цензурировать выдачу информации по запросам пользователей в соответствии с местным законодательством, а также отвечать на другие претензии законодателей США[178, 179].

Примечательно, что, хотя в зоне риска подобного рода кибервойны находятся в первую очередь Россия[180] и Китай, как основные политические соперники США, лидерам ЕС тоже не чужды идеи об обеспечении цифрового суверенитета, чему

---

[174] Кулакова, Т.А. Цифровой суверенитет и политико-административные режимы / Т. А. Кулакова, А. В. Волкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2023. – Т. 39, № 1. – С. 92-105. С. 97.

[175] На тот момент — Председатель подкомитета Палаты Представителей Конгресса по административным вопросам, реформе регулирования и антимонопольному законодательству

[176] Facebook принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ

[177] Цит. по Floridi, L. The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU. // Philos. Technol. — 2020 — 33 — Pp. 369–378. P.373

[178] Sydell, L. U.S. Internet Execs Testify to Congress on China Dealings. URL: https://www.npr.org/2006/02/16/5219005/u-s-internet-execs-testify-to-congress-on-china-dealings (дата обращения: 14.09.2025)

[179] Lapowsky, I. The Sundar Pichai Hearing Was a Major Missed Opportunity. URL: https://www.wired.com/story/congress-sundar-pichai-google-ceo-hearing/ (дата обращения: 14.09.2025)

[180] Вопросы цифрового суверенитета России будут рассмотрены в третьей главе настоящей работы

способствует парадоксальная ситуация: при наличии мощной экономики, значительного потребительского рынка и развитого цифрового сектора Евросоюз не имеет собственных[181] глобальных цифровых платформ[182].

Категория «цифровой суверенитет Евросоюза» появляется в документах ЕС в 2015 г., хотя дискуссии о роли суверенитета в киберпространстве велись в западной международно-правовой доктрине еще в 1990-е гг.[183] В 2017 г. президент Франции Э. Макрон инициировал дебаты о стратегическом суверенитете, а в 2019 г. дискурс о цифровом суверенитете интенсифицировался с приходом нового руководства Европейской комиссии, когда глава Еврокомиссии У. фон дер Ляйен определила достижение цифрового (технологического) суверенитета в ключевых областях общественной жизни ЕС в качестве одного из своих ключевых политических приоритетов.

В 2021 г. лидеры Германии, Дании, Эстонии и Финляндии призвали У. фон дер Ляйен к движению к цифровому суверенитету Евросоюза[184], а в 2022 г. Европейский экономический и социальный комитет (EESC) в своем инициативном заключении подчеркнул фундаментальный характер фактора европейского технологического суверенитета, который «должен приниматься во внимание в дальнейшем во всех процессах разработки политики». EESC далее дополнил, что «Союзу будет трудно достичь цифрового суверенитета, если он не будет располагать своими собственными гигантами в сфере цифровых технологий, не будет хранить европейские данные на своей собственной земле и не защитит эти данные от любого доступа со стороны субъектов из-за пределов своей территории»[185].

С точки зрения текстуального анализа, в документах ЕС с 2015 г. фиксируется ежегодный прирост частоты использования терминов «цифровой суверенитет» и

---

[181] Понятно, что под «собственными» подразумеваются в первую очередь платформы, которые изначально зародились бы на уровне одного или нескольких государств-членов и в дальнейшем вышли бы на региональный уровень
[182] Красиков, Д.В. Указ.соч. С. 256
[183] Капустин, А.Я. Указ.соч. С. 103
[184] Романова, Т.А. Указ. соч. С. 65
[185] Цит. по Международная интеграция и технологический суверенитет… С. 26

«технологический суверенитет»[186]. А.О. Четвериков справедливо замечает, что использование термина «технологический суверенитет» в актах Европейского совета свидетельствует о существовании на уровне глав ЕС консенсуса на использование этого термина[187], а, значит, и официальное признание стоящего за ним содержания.

При этом складывается парадоксальная ситуация, поскольку понятие «суверенитет» противоречит установкам, на которых исторически основывалось развитие ЕС: пост-суверенность, надгосударственный характер отношений, поощрение взаимозависимости, универсалистское продвижение ценностей и норм и др.[188] Т.А. Романова описывает складывающуюся ситуацию как стратегический поворот ЕС от открытости к протекционизму, от наивности к геополитике, от рассмотрения взаимозависимости как блага к рассмотрению ее как опасного фактора. Для оправдания такого диаметрального поворота политики используются идеологическая опора Евросоюза на либерально-демократические ценности и стремление к лидерству для их продвижения (мессианство). Это преподносится как преодоление наивности (которой пользовались политические противники ЕС) предыдущего периода под влиянием восприятия внешней среды как враждебной, т.е. однонаправленное и окончательное изменение[189].

В аналитической записке Исследовательской службы Европейского парламента (European Parliamentary Research Service)[190] от 2020 г.[191], посвященной вопросам цифрового суверенитета, в качестве основных проблем, угрожающих ЕС, названы использование данных европейских граждан американскими цифровыми корпорациями, чья деятельность слабо урегулирована европейским законодательством, и зависимость ЕС от китайского оборудования, формирующего

---

[186] Романова, Т.А. Указ. соч. С. 65
[187] Международная интеграция и технологический суверенитет… С. 27
[188] Романова, Т.А. Указ. соч. С. 63
[189] Ibid. С. 72-74
[190] Внутренний мозговой центр (think tank) Европарламента
[191] Madiega, T.A. Digital sovereignty for Europe // European Parliamentary Research Service — 2020 —12 pp. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI(2020)651992_EN.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

цифровую инфраструктуру государственных и надгосударственных структур ЕС, а также частных корпораций. Зависимость от американских цифровых корпораций также проявляется в пользовании облачной инфраструктурой для хранения и обработки данных.

В качестве мер, направленных на обеспечение цифрового суверенитета, в записке рассматриваются сертификация цифровых технологий на соответствии требованиям законодательства ЕС, построение механизма контроля за инвестициями и поглощениями европейских компаний (что и было в дальнейшем сделано с введением в силу DMA) и осуществление долгосрочных инвестиций в создание собственной цифровой инфраструктуры (на основе европейских разработок). Такой подход представляет собой слияние выделяемых исследователями «французской» и «немецкой» моделей технологического суверенитета: контроль над технологиями плюс контроль над данными[192]. Защита прав личности, как предполагает третья модель, «гражданская», в такой ситуации, очевидно, презюмируется.

По состоянию на 2025 г., руководством ЕС был принят ряд актов, содержание которых более или менее открыто подчинено логике обеспечения цифрового суверенитета: DMA и DSA, которые мы разберем во 2 главе настоящей работы, Регламент ЕС о данных (Data Act), Регламент ЕС об управлении данным (Data Governance Act), Регламент ЕС об искусственном интеллекте (AI Act), Общий регламент по защите данных (GDPR) и Регламент ЕС по укреплению экосистемы полупроводников в Европе (European Chips Act)[193,194]; также Еврокомиссией были разработаны и подписаны с рядом стран типовые соглашения об обмене

[192] Международная интеграция и технологический суверенитет… С. 45

[193] Regulation (EU) 2023/1781 of the European Parliament and of the Council of 13 September 2023 establishing a framework of measures for strengthening Europe's semiconductor ecosystem and amending Regulation (EU) 2021/694. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1781/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)

[194] Критический взгляд на содержание данного акта с точки зрения долгосрочного планирования развития полупроводниковой отрасли см. Kleinhans, J.-P. The Missing Strategy in Europe's Chip Ambitions. Member States Must Drive the Next Steps // Interface — 2024. URL: https://www.interface-eu.org/publications/europe-semiconductor-strategy (дата обращения: 14.09.2025)

данными[195], а большинство государств-членов присоединились к Декларации о Европейской инициативе по процессорам и полупроводникам (European Initiative on Processors and Semiconductor Technologies Declaration)[196]. Н.А. Пожилова дополнительно относит к актам подобного рода Директиву о мерах по обеспечению высокого общего уровня кибербезопасности на территории ЕС (NIS 2 Directive)[197] и Регламент о кибербезопасности (EU Cybersecurity Act)[198, 199].

Также в 2025 г. ряд государств-членов ЕС[200] создали Коалицию по полупроводникам, решив объединить усилия по достижению стратегической автономии Евросоюза в этом вопросе[201], что свидетельствует о возможности образования и других внутрисоюзных коалиций.

Подводя итог теме цифрового суверенитета, отметим, что его достижение предполагает наличие соответствующей научной (теоретической) школы; определенного количества специалистов, получивших качественную подготовку в сфере технических наук (STEM); ресурсной базы и развитой промышленности, которая сможет производить полупроводники хотя бы приемлемого качества и в дальнейшем реализовывать их в другой продукции; технологий для изготовления цифровой техники и проч. В конце концов остается потребность в запуске

---

[195] Fahey, E. Does the EU's Digital Sovereignty Promote Localisation in Its Model Digital Trade Clauses? URL: https://www.europeanpapers.eu/europeanforum/does-eu-digital-sovereignty-promote-localisation (дата обращения: 14.09.2025)

[196] European initiative on processors and semiconductor technologies. URL: https://web.archive.org/web/20250710103625/https://www.cde.ual.es/web/20250710103625/https://www.cde.ual.es/en/european-initiative-on-processors-and-semiconductor-technologies/ (дата обращения: 14.09.2025)

[197] Directive (EU) 2022/2555 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on measures for a high common level of cybersecurity across the Union, amending Regulation (EU) No 910/2014 and Directive (EU) 2018/1972, and repealing Directive (EU) 2016/1148 (NIS 2 Directive). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2555/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)

[198] Regulation (EU) 2019/881 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on ENISA (the European Union Agency for Cybersecurity) and on information and communications technology cybersecurity certification and repealing Regulation (EU) No 526/2013 (Cybersecurity Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/881/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)

[199] Международная интеграция и технологический суверенитет… С. 51

[200] Австрия, Бельгия, Финляндия, Франция, Германия, Италия, Польша, Испания и Нидерланды

[201] Strengthening Europe's Semiconductor Future. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/strengthening-europes-semiconductor-future (дата обращения: 14.09.2025)

цифровых платформ, что требует участие специалистов соответствующего уровня и привлечения частного капитала или организации частно-государственного партнерства. Я.-П. Кляйнханс (J.-P. Kleinhans) определил техническую сторону этого процесса в четырех шагах (по крайней мере, для ЕС): 1) оценка имеющейся экосистемы производства полупроводников; 2) постановка долгосрочных целей и определение секторов, в которые будут направлены инвестиции; 3) привлечение специалистов в сфере цифровых технологий для занятия административных должностей в целях более компетентного управления; 4) проведение консультаций с государствами-членами, настроенными на достижение цифрового суверенитета[202].

Все это, без сомнения, должно подкрепляться нормативно-правовыми актами, актами стратегического планирования, статьями бюджетных расходов, продуманной государственной (союзной) политикой. Таким образом, путь к цифровому суверенитету ничуть не уступает по сложности пути некоторых бывших колоний к суверенитету политическому, а возможно, и превосходит его в силу большей зависимости от крупных цифровых корпораций.

Подводя итог настоящему параграфу, будет справедливым сказать, что Европейский союз оказался перед множеством вызовов экономической, политической, социальной направленности в сфере цифровизации, среди которых: отсутствие надлежащей нормативно-правовой базы; разноскоростная цифровизация (интеграция) и отставание отдельных государств-членов; отсутствие общеевропейских цифровых платформ, имеющих возможность конкурировать с лидерами отрасли; рост киберпреступности и гибридной войны в цифровом пространстве; зависимость от третьих стран в вопросах цифровых технологий и др.

Успех разрешения этих вызовов повлияет на будущее Евросоюза не только в сфере цифровой экономики, но и будущее в целом — если верить ряду политических аналитиков, исследователей и политиков, успех цифровизации окажет самое непосредственное влияние на единство ЕС.

---

[202] Kleinhans, J.-P. Указ.соч.

Осознавая проблемы и перспективы, руководство ЕС уже давно начало предпринимать действия в этом направлении. Одним из таких действий стало принятие DMA и DSA, о чем пойдет речь в следующей главе.

# ГЛАВА 2. АНАЛИЗ РЕГЛАМЕНТА ЕС О ЦИФРОВЫХ РЫНКАХ И РЕГЛАМЕНТА ЕС О ЦИФРОВЫХ УСЛУГАХ

## 2.1. Процесс разработки и принятия Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах

### Дискуссии в Европейском парламенте

Проекты регламентов DMA и DSA были внесены в Европарламент Еврокомиссией практически одновременно в декабре 2020 г., и рассматривались параллельно, второй этап дебатов и голосование в Европарламенте у законопроектов были совместными. DMA был принят Советом ЕС в июле 2022 г., DSA — в октябре того же года.

Проект DMA был внесен в Европарламент Еврокомиссией в декабре 2020 г. В ноябре 2021 г. законопроект был вынесен на первое пленарное заседание с некоторыми поправками профильного комитета Европарламента (касательно штрафов, финансовых порогов определения гейткиперов и др.)[203]. Лозунгом законопроектов фактически стали слова: «То, что было запрещено делать оффлайн, будет запрещено делать и онлайн».

В начале декабря 2021 г. по проекту DMA прошли дебаты в Европарламенте, в ходе которых тот был оценен положительно. Евродепутаты подчеркнули инновационный характер предлагаемого законопроекта, его направленность на поддержку европейского бизнеса в цифровой сфере и потребителей, защиту прав детей в интернете. Отмечалось, что свободный интернет связан с демократическими ценностями ЕС и ценностями свободного рынка; подчеркивалась необходимость снижения зависимости ЕС от американских цифровых корпораций, но без ухудшения политических отношений с США.

---

[203] Digital Markets Act. 2020/0374(COD) 30/11/2021 URL: https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/en/document-summary?id=1684303 (дата обращения: 14.09.2025)

В то же время в ходе обсуждения был отмечен ряд критических моментов. Предлагалось обязать цифровые корпорации обрабатывать данные пользователей на территории самой Европы (в т.ч. для того, чтобы создать дополнительные рабочие места); ужесточить борьбу с дезинформацией; расширить сферу регулирования DMA так, чтобы в нее попадали не только члены GAFAM[204], но и другие крупные цифровые корпорации (TikTok, Alibaba); запретить корпорациям объединять базы данных пользователей различных программ (сервисов); обеспечить совместимость приложений на разных платформах и т.д.

Дебаты по проекту DSA прошли ближе к концу января 2022 г. По своему содержанию они не слишком значительно отличались от дебатов по DMA; бо́льший упор был сделан на борьбу с «хейт спич» (оскорблениями, разжиганием ненависти) в интернете, незаконной торговлей, утечками данных, мошенничеством; говорилось о необходимости предоставлять пользователям должный уровень анонимности при использовании цифровых технологий, повысить прозрачность деятельности платформ, в т.ч. исключив возможность немотивированных и окончательных блокировок аккаунтов пользователей. Критики указывали на расплывчатость категорий «фейки» и «публикации, разжигающие ненависть», что может стать посягательством на свободу слова[205].

Тем не менее, общий консенсус относительно законопроектов был положительным, и подавляющим большинством голосов были приняты предложенные ответственным комитетом и другими лицами поправки в DMA и DSA.

В начале июля 2022 г. в Европарламенте снова прошли дебаты, на этот раз совместные, о DMA и DSA. Депутаты положительно оценили DMA и DSA, отметив, что они носят прорывной характер как внутри ЕС, так и на

---

[204] Google (Alphabet), Amazon, Meta (Meta признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ), Apple и Microsoft. В данном случае это больше обозначение всех крупных цифровых платформ, чем конкретно самих компаний

[205] Verbatim report of proceedings. Wednesday, 19 January 2022 – Strasbourg. Procedure: 2020/0361(COD). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-9-2022-01-19-ITM-014_EN.html (дата обращения: 14.09.2025)

международном уровне; положительно были оценены те изменения, которые законопроекты вносят в защиту персональных данных, обеспечение конкурентной экономики, защиту прав несовершеннолетних в интернете; говорилось, что DMA и DSA стали прологом к формированию единого цифрового рынка в ЕС. Тем не менее, прозвучало небольшое число и критических голосов, причем, в отличие от первых дебатов, в критике было больше политической составляющей, касающейся подавления свободы слова в ЕС.

Вне политической критики депутатами было отмечено несовершенство законов, в частности, отсутствие полноценной защиты прав медиа-журналистов на свою продукцию; уменьшение максимально возможного размера штрафов (осуществленное под давлением Правительства Франции); были раскритикованы попытки Еврокомиссии провести нормы, дающие ей значительные полномочия в обход признанных демократических процедур (в контексте ограничения права на свободу выражения мнений в цифровом пространстве); также посредством норм не удалось полноценно ограничить таргетированную рекламу и др. Выяснилось, что в процессе подготовки актов имело место лоббирование интересов цифровых гигантов со стороны (под прикрытием) якобы независимых предприятий среднего и малого бизнеса.

Несмотря на критику, в июле 2022 г. законопроекты были приняты в первом чтении большинством голосов и направлены в Совет ЕС.

В целом, хотя регламенты и были приняты почти единогласно, они получили значительную долю критических замечаний, так что DMA в различных материалах зачастую называется, как минимум, «противоречивым» («controversial»)[206]. Среди недостатков итоговых версий законопроектов, не относящихся к политической составляющей, отмечали их жесткий универсалистский подход к ограничению деятельности цифровых платформ, направленность только на защиту граждан ЕС; сложность исполнения DMA, требующая серьезных усилий со стороны цифровых

[206] Boscheck, R. The EU's Digital Markets Act: Regulatory Reform, Relapse or Reversal? URL: https://www.intereconomics.eu/contents/year/2024/number/3/article/the-eu-s-digital-markets-act-regulatory-reform-relapse-or-reversal.html (дата обращения: 14.09.2025)

платформ; в частности, его сравнивали с GDPR, после принятия которого возросла нагрузка на юридические отделы малых и средних предприятий[207].

Опора авторов DMA на конкретные кейсы привела к обвинениям в экстраполяции отдельных случаев на весь рынок (другие полагают, что в этом нет ничего необычного, а лишь классический пример правовой практики[208]). Критике подвергся также единый подход к цифровому рынку, который исключает необходимость определения конкретных рынков и расследования действий каждой отдельной платформы (здесь мы возвращаемся к вопросу о возможностях регулирования бизнес-моделей). Прогнозируемые финансовые потери, по мнению специалистов, очевидны[209].

**Правовая база Регламентов**

Рассматривая процесс принятия DMA и DSA, невозможно обойти стороной вопрос выбора Еврокомиссией правовой базы, на основе которой и были приняты Регламенты.

Проблема выбора надлежащей статьи ДФЕС и ДЕС имеет критическую значимость: одним из принципов создания и функционирования Европейского союза является принцип наделения компетенцией (ст. 5 ДЕС), в соответствии с которым Союз получает часть вопросов в свою исключительную компетенцию (ст. 3 ДФЕС) и часть — в совместную с государствами-членами (ст. 4 ДФЕС). В исторической ретроспективе наделение ЕС компетенцией шло по нарастающей, и, очевидно, процесс передачи полномочий на союзный уровень не был для государств-членов столь уж безболезненным; логично, что последние, в лице своих государственных органов, внимательно наблюдают за соблюдением Еврокомиссией и другими институтами ЕС положений о наделении компетенцией. Выбор для акта

---

[207] dos Santos, M.M. The Digital Markets Act: criticism and its potential negative impact on Small and Medium Enterprises (SMEs) URL: https://web.archive.org/web/20241207232451/https://www.servulo.com/en/knowledge/The-Digital-Markets-Act-criticism-and-its-potential-negative-impact-on-Small-and-Medium-Enterprises/8157/ (дата обращения: 14.09.2025)

[208] Maher, I. Regulatory design in the EU Digital Markets Act: no solo run for the European Commission // Journal of Antitrust Enforcement — 2024 — Volume 12, Issue 2 — Pp. 273–279. URL: https://doi.org/10.1093/jaenfo/jnae029 (дата обращения: 14.09.2025)

[209] Boscheck, R. Указ. соч.

вторичного права ненадлежащей правовой основы дает возможность оспорить его принятие в Суде ЕС.

В качестве правовой основы принятия DMA и DSA Еврокомиссией была выбрана ст. 114 ДФЕС, которая позволяет ЕС принимать меры по сближению законодательства государств-членов в целях создания или обеспечения функционирования Внутреннего рынка (ч. 1 ст. 114 и ч. 1 ст. 26 соответственно). На основе этой статьи был принят ряд директив и регламентов ЕС, в частности, касающихся цифрового рынка: А. Энгел (A. Engel) подсчитал, что из 37 актов, принятых в течение последних десяти лет для регулирования это сферы, 16 были приняты на основе ст. 114 ДФЕС[210]. К этому списку можно добавить еще четыре акта в сфере кибербезопасности, указанные Дж. Делинавелли (G. Delinavelli): Регламент о сетевой и информационной безопасности (Network and Information Security Act (NIS2)), Регламент о цифровой операционной устойчивости (Digital Operational Resilience Act (DORA))[211], Директива об устойчивости критически важных организаций (Critical Entities Resilience Directive (RCE))[212], Регламент о требованиях к горизонтальной кибербезопасности для продуктов с цифровыми элементами (Cyber Resilience Act (CRA))[213,214]. Также верным оказалось предположение А. Энгела (A. Engel), что на основании ст. 114 ДФЕС будет принят и Регламент об искусственном интеллекте (AI Act).

---

[210] Groussot, X., Engel, A., Petursson, G. New Directions in Digitalisation: Perspectives from EU Competition Law and the Charter of Fundamental Rights. — 2024 URL: https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/96096/1/9783031653810.pdf (дата обращения: 14.09.2025) P. 16

[211] Regulation (EU) 2022/2554 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on digital operational resilience for the financial sector and amending Regulations (EC) No 1060/2009, (EU) No 648/2012, (EU) No 600/2014, (EU) No 909/2014 and (EU) 2016/1011. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2554/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)

[212] Directive (EU) 2022/2557 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on the resilience of critical entities and repealing Council Directive 2008/114/EC. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2557/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)

[213] Regulation (EU) 2024/2847 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on horizontal cybersecurity requirements for products with digital elements and amending Regulations (EU) No 168/2013 and (EU) 2019/1020 and Directive (EU) 2020/1828. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/2847/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)

[214] Delinavelli, G. Cybersecurity for Europe without a legal basis? URL: https://www.europeanlawblog.eu/pub/cybersecurity-for-europe-without-a-legal-basis/release/1 (дата обращения: 14.09.2025)

Тем не менее, выбор конкретно этой статьи не бесспорен. Исследователями называются еще как минимум две альтернативы: ст. 103 ДФЕС, которая позволяет принимать регламенты и директивы в исполнение антимонопольных положений ст. 101 и 102 ДФЕС, и ст. 352 ДФЕС — т.н. «гибкая оговорка», позволяющая Совету ЕС по предложению Еврокомиссии, которое одобрено Европарламентом, принять нормативно-правовой акт даже в отсутствие полномочий, если это необходимо для достижения целей, предусмотренных Договорами ЕС.

Легальный аргумент в пользу выбора ст. 114 ДФЕС содержится в Пояснительной записке Еврокомиссии к проекту DMA[215]: фрагментация регулирования на уровне государств-членов приводит к ситуации, когда компании вынуждены обеспечивать соблюдение своей деятельности отличающимся требованиям нормативных актов государств-членов, а общее положение на Внутреннем рынке усугубляется еще и тем фактом, что в одних государствах-членах антимонопольное регулирование цифровых платформ осуществляется, а в других — нет. Таким образом, по мнению авторов проекта регламента, основное значение DMA заключается именно в сближении законодательства государств-членов по вопросу регулирования деятельности цифровых платформ, конкретнее — гейткиперов.

С фактической стороны данный аргумент раскрыт в Оценке воздействия DMA Еврокомиссии (Impact assessment of the Digital Markets Act), в которой утверждается, что основными кризисными явлениями на рынке являются высокие барьеры для входа новых игроков и экономическая зависимость бизнес-пользователей от гейткиперов. Кроме того, в условиях цифровых рынков Еврокомиссия не может полноценно применять антимонопольное законодательство из-за невозможности определения положения компании (собственника цифровой платформы) как доминирующего и в отсутствие антиконкурентного соглашения, а сами юридические процедуры носят слишком

[215] Proposal for a Regulation of The European Parliament and of The Council on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020PC0842 (дата обращения: 14.09.2025)

длительный характер, что не позволяет оперативно воздействовать на поведение монополистов[216]. Ограниченность полномочий Еврокомиссии отчасти признается и исследователями[217, 218].

Исследователи также фиксируют общий процесс упадка специального законодательства со времен Лиссабонского договора[219], связанный с более широким использованием Еврокомиссией норм общего характера. Конкретно в случае ст. 114 ДФЕС можно предполагать и наличие желания Еврокомиссии привлечь к законодательному процессу (в рамках ординарной законодательной процедуры) Европарламент, чтобы обеспечить таким образом б*о*льшую «народную» легитимацию процесса: в случае ст. 103 и 352 ДФЕС акт принимается Советом ЕС, а по ст. 114 ДФЕС — Европарламентом и Советом ЕС. Кроме того, проблема ст. 352 ДФЕС заключается в порядке процедуры ее применения, которая требует единогласного решения Совета ЕС. В ситуации с цифровой экономикой это может привести к столкновению, с одной стороны, того, что преподносится как общие интересы всего Союза, с интересами отдельных государств-членов, каждое из которых обладает абсолютным правом вето[220].

Возможно, на практику использования ст. 114 ДФЕС в ущерб специализированным статьям повлиял правовой конфликт между Федеральным судом Германии и Судом ЕС по вопросу выбора надлежащей правой базы при регулировании денежно-кредитной политики. По итогам спора ст. 114 ДФЕС стала рассматриваться как третий вариант между двумя конкурирующими статьями ДФЕС, использование которого не вызовет критики — но подорвет потенциал более специализированных статей[221].

---

[216] de Streel, A., Larouche, P. The European Digital Markets Act: A Revolution Grounded on Traditions // Journal of European Competition Law & Practice — 2021 — Pp. 542 – 560. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3911361. P. 545

[217] Groussot, X., Engel, A., Petursson, G. Указ. соч. P. 25.

[218] de Streel, A., Larouche, P. Указ. соч. P. 545

[219] Groussot, X., Engel, A., Petursson, G. Указ. соч. P. 25.

[220] Engel, A., Zemskova, A. The Good, the Bad, or the Ugly? The Choice of Legal Basis in EU Digital Finance. URL: https://www.europeanpapers.eu/e-journal/good-bad-ugly-choice-legal-basis-eu-digital-finance (дата обращения: 14.09.2025)

[221] Ibid.

Нельзя не отметить и отсутствие компетенции по регулированию цифрового рынка в ДФЕС и ДЕС, что, к слову, возвращает нас к вопросу о сущности цифрового рынка и его отграничения от оффлайн-рынка, «обычного». Следуя за логикой Совета ЕС в деле «Великобритания против Европарламента и Совета ЕС»[222], ст. 114 ДФЕС «предоставляет свободу действий в отношении наиболее подходящего метода гармонизации для достижения желаемого результата, особенно в областях *со сложными техническими характеристиками*»[223]. Суд Европейского союза (Court of Justice of the European Union, CJEU) в этом деле также указал, что, поскольку технологическая сфера быстро расширяется в силу своей инновационности, следует ожидать расхождения в порядке ее регулирования усилиями государств-членов, что создает препятствования для функционирования Внутреннего рынка и оправдывает использование ст. 114 ДФЕС[224].

Если аргументы относительно ограничения конкуренции на цифровом рынке в результате деятельности гейткиперов и относительном бессилии Еврокомиссии как-то эффективно разрешить эту проблему в большей или меньшей степени весомы, то с легальным обоснованием выбора именно ст. 114 ДФЕС дело обстоит сложнее. А. Энгел (A. Engel) выделяет как минимум следующие факторы, которые должны были бы побудить Еврокомиссию к выбору другой статьи в качестве правовой основы DMA.

Во-первых, нет никаких сомнений, что DMA, сколь бы Еврокомиссия не упирала на его функцию унификации подходов к регулированию гейткиперов в государствах-членах, в первую очередь касается именно вопросов конкурентного права, что требует ссылки на ст. 103 ДФЕС[225].

Во-вторых, Еврокомиссия фактически отказывается от руководства принципом lex specialis derogat legi generali[226] («специальный закон отменяет общий

---

[222] Case C-270/12 United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v European Parliament and Council of the European Union, EU:C:2014:18., цит. по Engel, A., Zemskova, A. Указ. соч.
[223] Курсив наш
[224] Delinavelli, G. Указ. соч.
[225] Groussot, X., Engel, A., Petursson, G. Указ. соч. Pp. 18 – 19
[226] Ibid. Pp. 20 – 21

закон»), соблюдение которого как раз и выразилось бы в использовании ст. 103 ДФЕС, как более узкой в случае регулирования конкуренции на рынках, по сравнению со ст. 114 ДФЕС. Можно отметить, что и сама ст. 114 ДФЕС начинается со слов «если иное не предусмотрено Договорами…», что должно играть определяющую роль в вопросе выбора правовой базы для нового нормативного акта[227].

В-третьих, Еврокомиссии, в случае затруднений, следовало руководствоваться «тестом центра тяжести» («centre of gravity» theory) — если предлагаемый к принятию акт преследует ряд целей и если одну из них можно идентифицировать как преобладающую, то правовое основание должно отсылать к той статье, которая позволяет принимать акты для достижения преобладающей цели[228]. Впервые[229] эта концепция была сформулирована в Деле C-70/88 «Европарламент против Еврокомиссии», в котором Европарламент пытался оспорить выбор Еврокомиссией в качестве правового основания для регламента, устанавливающего максимально допустимые уровни радиоактивного загрязнения продуктов питания и медикаментов после ядерной аварии или другого случая радиационной аварийной ситуации, ст. 31 Договора о Евратоме.

По мнению Европарламента, следовало в качестве правовой основы либо использовать исключительно ст. 100a ДФЕС (ныне это не что иное, как ст. 114 ДФЕС), либо совместно ст. 31 Договора о Евратоме и ст. 100a ДФЕС, поскольку ст. 31 Договора о Евратоме не касается вопросов, связанных со вторичной радиацией (т.е. зараженных продуктов), зато затрагивает порядок функционирования внутреннего рынка (в том смысле, что устанавливает правила обращения с зараженными радиацией продуктами).

---

[227] Engel, A., Zemskova, A. Указ. соч.

[228] Ankersmit, L. The Boundaries of the Development Cooperation Legal Basis: What to Make of the Court's 'centre of Gravity' Test? European Law Blog, June. https://doi.org/10.21428/9885764c.9354a58d. URL: https://www.europeanlawblog.eu/pub/the-boundaries-of-the-development-cooperation-legal-basis-what-to-make-of-the-courts-centre-of-gravity-test/release/1 (дата обращения: 14.09.2025)

[229] Groussot, X., Engel, A., Petursson, G. Указ. соч. P. 21

Суд ЕС данные аргументы отверг, указав, что меры, приводящие к гармонизации Внутреннего рынка, являются лишь побочным эффектом единообразных защитных мер в сфере радиационной безопасности[230]. При этом, в более позднем Деле C-377/12 «Еврокомиссия против Совета ЕС», Суд ЕС добавляет, что как только не-преобладающие цели начинают иметь самостоятельный характер, они начинают требовать дополнительного правового основания. Такой подход как минимум вносит поправки в «тест центра тяжести», а как максимум — противоречит ему[231].

Теперь, разъяснив в общих чертах смысл «теста центра тяжести», нам следует попытаться применить его к DMA. Исследователи имеют мало сомнений относительно тесной связи DMA с законодательством о конкуренции, П. Ларуш (P. Larouche) и А. де Стрель (A. de Streel) даже назвали регламент «потерянным дитем конкурентного законодательства»[232]. Анализируя Преамбулу DMA, можно отметить значительное число пунктов, где поднимаются вопросы, относящиеся именно к подотрасли конкурентного права: это прямо говорится, как минимум, в п. 2 – 4, 6, 7, 13, 25, 31, 34, 46. В п. 7 авторы регламента прямо заявляют, что «целью данного регламента является содействие надлежащему функционированию внутреннего рынка путем установления правил, *обеспечивающих конкуренцию и справедливость на рынках* цифрового сектора в целом». На фоне этого достаточно наигранно выглядят их же уверения в п. 10, что регламент лишь дополняет собой законодательство о конкуренции, а основная его цель — обеспечение функционирования внутреннего рынка.

Такая же ситуация наблюдается и при анализе основного текста DMA: несколько забегая вперед, мы можем утверждать, что статьи регламента в целом касаются именно вопросов присвоения статуса гейткипера, наложения на них

---

[230] Judgment of the Court of 4 October 1991. European Parliament v Council of the European Communities. Radioactive contamination of foodstuffs. Case C-70/88. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:61988CJ0070%2801%29 (дата обращения: 14.09.2025)

[231] Ankersmit, L. Указ. соч.

[232] de Streel, A., Larouche, P. Указ.соч. P. 545

обязательств, контроля за исполнением этих обязательств и смежных вопросов. Следует отметить, что в п. 1 ст. 1 заявляется, что «целью регламента является содействие надлежащему функционированию внутреннего рынка путем» обеспечения для всех предприятий возможности действовать на «конкурентных и справедливых рынках в цифровом секторе»; в п. 5 этой же статьи делается реверанс в сторону Внутреннего рынка — «во избежание фрагментации Внутреннего рынка государства-члены не должны налагать дополнительные обязательства на гейткиперов…», однако далее, опять же, происходит возвращение к вопросам конкуренции: «…<…> в целях обеспечения конкурентных и справедливых рынков».

То есть, нам кажется справедливым констатировать, что «центр тяжести» DMA лежит все же в сфере конкурентного права, а не права Внутреннего рынка.

Следует еще раз обратиться к практике Суда ЕС. Как отмечают А.Л. де Пабло (A.L. de Pablo) и Н.Б. Фернандес (N.B. Fernández), судебная практика установила определенные ограничения ст. 114 ДФЕС, в частности, она не наделяет Институты ЕС полномочиями по общему регулированию внутреннего рынка[233]. Кроме того, Судом ЕС выработан ряд критериев, которые определяют обоснованность выбора ст. 114 ДФЕС.

Во-первых, целью принимаемых мер должно быть улучшение условий для создания и функционирования внутреннего рынка (Дело C-491/01 «Корона против Министерства здравоохранения, British American Tobacco (Investments) Ltd и Imperial Tobacco Ltd» ECR I-11453, параграф 60, и Дело C-217/04 «Великобритания против Европарламента и Совета ЕС» ECR I-3771, параграф 42). Как отмечают А.Л. де Пабло (A.L. de Pablo) и Н.Б. Фернандес (N.B. Fernández), принятие DMA не ограничит существенно возможности государств-членов по принятию новых актов по регулированию деятельности цифровых платформ[234], что ставит под вопрос его нацеленность на улучшение условий функционирования Внутреннего рынка.

---

[233] de Pablo, A.L., Fernández, N.B. Why The Proposed DMA Might be Illegal Under Article 114 TFEU, And How To Fix It. // Journal of European Competition Law & Practice — 2021 — Volume 12, Issue 7 — Pp. 576–589. P. 579

[234] Ibid. Pp. 582 – 583

Во-вторых, простого несоответствия между национальными правилами и абстрактного риска нарушения права ЕС недостаточно для принятия акта на основе ст. 114 ДФЕС. Различия между нормами национальных актов должны нести реальную угрозу нарушения основных свобод, обеспечивающих функционирование Внутреннего рынка (Дело C-380/03 «Германия против Европарламента и Совета ЕС» ECR I-11573, параграф 37), или создавать риск нарушения конкуренции на рынке (Дело C-376/98 «Германия против Европарламента и Совета ЕС» ECR I-8419, параграфы 84 и 106)[235].

В-третьих, принимаемые на основе ст. 114 ДФЕС меры должны быть пропорциональны своим целям как частное применение более общего принципа сообщества. Конкретно в случае ст. 114 это означает, что применяемые меры должны соответствовать заваленным целям по регулированию Внутреннего рынка.

С точки зрения легального обоснования эти вопросы формально закрыты Еврокомиссией, пусть и не все исследователи согласны с правильностью избранного ею подхода. Мы же, для оценки соответствия регламента указанным критериям попробуем обратиться к практической стороне вопроса. В таком случае нас интересуют, во-первых, уровень консолидации национального законодательства после принятия регламента, во-вторых, проявление каких-либо явных позитивных последствий для внутреннего рынка[236].

Установить, насколько удалось консолидировать Внутренний рынок невозможно — регламенты не предполагают принятия государствами-членами каких-либо актов, поскольку действуют напрямую. Никакой соответствующей информации в ежегодных отчетах Еврокомиссии не приводится. Известно, что параллельно с принятием DMA в Германии был принят свой акт схожей тематики. Кроме того, ч. 5 ст. 1 DMA позволяет государствам-членам налагать обязанности на предприятия, оказывающие услуги основной платформы (core platform services), в

---

[235] Case C-58/08 The Queen, on the application of: Vodafone Ltd and Others v. Secretary of State for Business, Enterprise and Regulatory Reform. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62008CJ0058 (дата обращения: 14.09.2025), п. 32

[236] Более подробно результаты действия регламентов будут нами рассмотрены в завершающем параграфе данной главы

случае если вопросы не урегулированы DMA, не противоречат ему и не вытекают из статуса гейткипера по смыслу DMA.

Говорить о позитивном эффекте для Внутреннего рынка также пока затруднительно. На текущий момент можно обратиться к Ежегодным отчетам Еврокомиссии по реализации DMA[237], особенно ко второму из этих отчетов (за 2024 г.)[238], где указаны практические последствия присвоения статусов гейткиперов:

- после расследования Еврокомиссии Meta[239] была вынуждена обновить свою модель рекламы, основанную на принципе «плати или соглашайся» («pay or consent», т.е. «соглашайся на предоставление данных или неси определенные значимые потери»), на более приемлемую для пользователей и соответствующую положениям DMA;
- гейткиперы начали совершенствовать свои решения в сфере переносимости данных между различными платформами, чтобы конечные пользователи могли легко их переносить, а бизнес-пользователи — получать доступ к своим данным в целях предоставления конкурирующих или инновационных услуг;
- Apple упростила выбор веб-браузера в своей операционной системе и увеличила количество программных приложений, настройки которых могут быть изменены или сами приложения могут быть удалены; также были внесены другие изменение подобного рода;
- Alphabet (Google) усовершенствовала экран выбора для поисковых систем и веб-браузеров в Chrome и Pixel, предоставляя теперь пользователям полностью случайный список доступных альтернативных сервисов;

---

[237] DMA Annual Reports. URL: https://digital-markets-act.ec.europa.eu/about-dma/dma-annual-reports_en (дата обращения: 14.09.2025)

[238] Report from The Commission to The Council and The European Parliament. Annual report on Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act). URL: https://digital-markets-act.ec.europa.eu/document/download/8ed232e8-a674-4434-a13e-8712ea42b0f5_en?filename=DMA_annual_report_2024.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

[239] Meta признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ

- Microsoft отключила возможность установки («un-installable») своего веб-браузера и приложений для онлайн-поиска в своей операционной системе Windows. Также были убраны рекомендации по установке Edge (собственный браузер Microsoft) в качестве веб-браузера по умолчанию для пользователей в странах Европейской экономической зоны (European Economic Area);
- возложенные на Apple в соответствии с DMA обязательства не препятствовать установке приложений из других магазинов помимо AppStore, привели к появлению сторонних магазинов AltStore, Aptoide и Epic;
- Booking исключил условие о паритете[240] для лиц из Европейской экономической зоны, а также прекратил использовать внешние цены в качестве исходных данных для своих премиальных программ.

Как можно видеть, результаты воздействия DMA на цифровую экономику носят двойственный характер: хотя они явно направлены на поддержание конкуренции, они также рассматриваются как оказывающие положительное влияние на Внутренний рынок. В целом, рассматривая только результаты действия DMA, наблюдатель, не погруженный в контекст, скорее сделает вывод о их направленности (в узком смысле) на Внутренний рынок — в контексте защиты прав потребителя и пользователя — чем на поддержание конкуренции, хотя мы понимаем, что это далеко не так.

Эта ситуация заставляет нас вернуться к вопросу, который мы вполне могли поставить еще в начале данного подпараграфа: разве конкурентная политика не является частью политики Внутреннего рынка? Разве нельзя все достижения в сфере конкуренции приписать достижениям Внутреннего рынка? Подчеркнем, что речь здесь идет о фактической, а не правовой стороне вопроса, поскольку именно фактическое улучшение положения на Внутреннем рынке, по нашему мнению, будет обосновывать выбор в качестве правовой базы ст. 114 ДФЕС. Тем не менее, очевидно, что сделать конкретные выводы о влиянии DMA на Внутренний рынок можно будет только через 3 - 5 лет.

[240] Имеется в виду требование платформы к лицам, размещающим на ней объявления, о паритете цен на платформе и в сторонних сервисах

Как можно было заметить, выше мы рассуждали в первую очередь о DMA, а не DSA. Действительно, исследователями не высказывается сильной критики о выборе для DSA в качестве правовой базы ст. 114 ДФЕС. Предполагаем, что причинами игнорирования DSA исследователями в контексте данного вопроса являются следующие.

Во-первых, хотя в п. 79 Преамбулы указано на факт сильного влияния цифровых платформ на безопасность в Интернете, общественное мнение и цифровую торговлю, связь регулирования деятельности цифровых платформ с обеспечением конкуренции на цифровом рынке не подчеркивается. Авторы регламента делают упор на обеспечение прав потребителей и бизнес-пользователей, безопасности государств-членов и ЕС, в то время как поддержка конкуренции только подразумевается в качестве косвенного последствия действия регламента.

Во-вторых, содержание самого регламента касается вопросов именно общего регулирования оказания цифровых услуг на Внутреннем рынке. Разделение платформ на категории, одна из которых явно отсылает к гейткиперам (VLOPs и VLOSEs), является, на наш взгляд лишь примером гибкого регулирования. В целом, DSA выглядит более комплексным регламентом, чем DMA, направленность которого на поддержание конкуренции очевидна. Учитывая отсутствие в перечне сфер компетенций ЕС упоминаний цифровой экономики/цифрового пространства, использование ст. 114 ДФЕС выглядит логичным — хотя, конечно, можно было бы обратиться и к ст. 352 ДФЕС.

В-третьих, полагаем, что со стороны Еврокомиссии и национальных правительств имело место серьезное лоббирование данного регламента, поскольку его положения позволяют активно бороться с т.н. «дезинформацией» и «хейтспич», к которым в ЕС зачастую относят российскую пропаганду и критику правительств. Конечно, это не исключает возможность исследователей критиковать регламент, однако ставит их перед фактом широкого политического консенсуса по вопросу необходимости и приемлемости регламента.

Подводя итог рассмотрению правовой основы DMA и DSA, кратко повторим аргументы в пользу и против использования ст. 114 ДФЕС.

Аргументы в пользу:

1) опора на ранее имеющуюся практику выбора ст. 114 ДФЕС;

2) необходимость унификации правового регулирования цифровых платформ на уровне ЕС;

3) упадок специального законодательства (как причина, так и следствие);

4) желание добавить больше легитимности Регламентам путем привлечения Европарламента к законодательному процессу;

5) нежелание выбирать между двумя конкурирующими статьями в качестве правовой базы;

6) отсутствие компетенции в области регулирования цифровых рынков в Договорах;

7) предположительное наличие политического консенсуса между руководством ЕС и главами государств-членов.

Аргументы против:

1) DMA в значительной степени касается именно вопросов конкурентного права (в т.ч. по итогам «теста центра тяжести»);

2) существуют варианты более специализированной правовой базы, которые можно было бы избрать;

3) существуют проблемы с соответствием DMA критериями Суда ЕС по выбору ст. 114 ДФЕС.

В ходе рассмотрения вопроса стало ясно, что DSA в большей степени удовлетворяет критериям, которые определяют выбор ст. 114 ДФЕС в качестве правовой базы, в то время как DMA, по мнению исследователей, в целом, этим требованиям не удовлетворяет. Однако существуют и серьезные аргументы в пользу выбора именно ст. 114 ДФЕС в качестве основы для DMA, но они имеют одну особенность, которую необходимо осознавать — эти аргументы в значительной степени конъюнктурные. Политический консенсус, предыдущая практика выбора правовой базы, желание б*о*льшей легитимации решения,

нежелание прибегать к двойной базе (опоре на две статьи) — все эти аргументы, вкупе с достаточно очевидным политическим значением обоих регламентов, приводят к мысли о превалировании в вопросе выбора правовой базы не-правовых соображений.

Впрочем, даже если счесть статьи некорректным, итоговый выбор всегда остается за Еврокомиссией, а окончательное решение о соответствии правовой основы регламенту — за Судом ЕС в случае подачи иска об аннулировании, причем предыдущая судебная практика свидетельствует, что такое решение, весьма вероятно, было бы принято в пользу ответчика[241].

Подводя итог параграфу, обобщим, что Регламенты вызвали много споров в процессе принятия, как из-за своего содержания, так и из-за выбранной правовой базы.

## 2.2. Регламент ЕС о цифровых рынках: содержание, механизмы правового регулирования, дискуссионные аспекты

Структурно DMA состоит из шести глав; главы короткие и внутренней структуры не имеют; всего 54 статьи.

Глава I устанавливает предмет, сферу применения регламента и определяет ключевые используемые термины.

Глава II определяет основания присвоения и снятия статуса гейткипера.

Глава III содержит позитивные и негативные обязательства, которые должны соблюдать гейткиперы.

Глава IV закрепляет основания и порядок исследования рынка.

Глава V определяет порядок выявления нарушений обязательств со стороны гейткиперов и закрепляет полномочия Еврокомиссии для борьбы с такими нарушениями. Кроме того, в главе содержатся положения, касающиеся вопросов

[241] Engel, A., Zemskova, A. Указ. соч.

кооперации на уровне ЕС для обеспечения соблюдения гейткиперами требований DMA.

Глава VI содержит заключительные и переходные положения.

Ключевым нововведением DMA стало создание в европейском законодательстве правового статуса гейткипер (gatekeeper). Данный статус фактически описывает, по нашему мнению, новую разновидность (подвид) или форму монопольных объединений; данный статус присваивается цифровым корпорациям в отношении их цифровых платформ (сервисов), которые доминируют на цифровых рынках. Категория гейткипер раскрывается законодателями описательным путем, посредством перечисления признаков, при соответствии которым корпорация должна считаться гейткипером (ст. 2 и 3 DMA) в отношении определенного сервиса (платформы). Признаки конкретизируются пороговыми значениями, превышение которых выступает важным, но не исключительным указанием на подпадание корпорации под категорию гейткипер (ч. 2, 8 и 9 ст. 3 DMA).

Первым признаком является оказание корпорацией значительного влияния на внутренний рынок (п. (а) ч. 1 ст. 3 DMA). Данный признак конкретизируется п. (а) ч. 2 ст. 3 DMA следующим образом: компания считается оказывающей значительное влияние на внутренний рынок, если она 1) достигла годового оборота на территории Союза (annual Union turnover), равного или превышающего 7,5 млрд евро в каждом году из последних трех финансовых лет и при этом предоставляет один и тот же основной сервис платформы (core platform services), по крайней мере, в трех государствах-членах или 2) ее средняя рыночная капитализация или эквивалентная ей справедливая рыночная стоимость[242] составила не менее 75 млрд евро в последнем финансовом году и при этом выполняется то же условие о предоставлении сервиса, что и в первом варианте. Упрощая, вывод о значительном влиянии компании на внутренний рынок основывается на большом ежегодном

[242] Рассчитывается исходя из суммы, которая была бы получена при продаже актива в ходе обычной сделки между участниками рынка на дату оценки

обороте или большой капитализации при условии предоставления определенных сервисных услуг не менее чем в трех государствах-членах ЕС.

Вторым признаком выступает предоставление компанией основного сервиса платформы (core platform services), который является важным путем (гейтвэем) для выхода бизнес-пользователей на конечных пользователей (потребителей) (п. (b), ч. 1, ст. 3 DMA). Признак раскрывается в п. (b), ч. 2, ст. 3 DMA, в соответствии с которым «важность» основного сервиса платформы определяется взаимодействием с ним не менее чем 45 млн ежемесячных активных конечных пользователей (потребителей), находящихся или зарегистрированных на территории ЕС и не менее чем 10 тыс. ежегодных бизнес-пользователей, зарегистрированных на территории ЕС.

Третий признак должен указывать на то, что компания занимает прочное положение в своей [рыночной — авт.] деятельности или займет такой положение в ближайшем будущем, если пороговые значения, указанные в п. (b) ч. 2 ст. 3 DMA, были достигнуты в каждом из трех последних финансовых лет. То есть, относительно «будущего занятия» прочного положения вывод делается на основе достижения пороговых значений в течение трех лет.

Существует, однако, возможность присвоения статуса гейткипера без учета конкретизирующих требований, только на основании соответствия общим признакам и с учетом ряда экономических характеристик компании — оборота, рыночной капитализации, наличии сетевых возможностей, обусловленных имеющейся в распоряжении компании базой данных, особенностей структуры компании и системы предоставляемых сервисов и т.д. (ч. 8, ст. 3 DMA). Таким образом, Еврокомиссия оставила себе юридическую лазейку, например, на случай махинаций компаний с отчетностью; с другой стороны, это можно трактовать и как отчасти бесконтрольное расширение полномочий Еврокомиссии.

Обязанность оценки себя в качестве гейткипера возложена на цифровую компанию, которая должна уведомить Еврокомиссию о своем соответствии критериям в течение 2 месяцев. Если компания не исполнила свою обязанность, то

Еврокомиссия имеет право присвоить ей статус гейткипера на основании имеющейся в ее распоряжении информации.

Далее есть два варианта развития событий: 1) компания не возражает против присвоения ей статуса гейткипера, что и осуществляется Еврокомиссией, и 2) компания представляет возражения относительно присвоения ей статуса гейткипера. Во втором случае Еврокомиссия может либо отклонить возражения как недостаточно обоснованные, либо принять возражения и провести на их основе исследование рынка (см. ниже) для вынесения окончательного вывода.

Если по итогам исследования рынка не найдено оснований для назначения гейткипером в рамках ч. 8 ст. 3 DMA или возражения компании были приняты, то оснований для присвоения статуса не имеется. В ином случае компании присваивается статус гейткипера. Следует еще раз акцентировать внимание, что статус присваивается корпорации конкретно в отношении определенного сервиса. Например, Alphabet является гейткипером в отношении поисковика Google. Корпорация может иметь еще десятки платформ и сотни юридических лиц, в отношении которых статус гейткипера действовать не будет.

Не реже чем раз в три года Еврокомиссия должна пересматривать факт присвоения статуса (ст. 4 DMA). При этом, исходя из содержания DMA, может сложиться впечатление, что оспорить присвоение статуса компания может только путем обращения в Еврокомиссию для пересмотра решения, поскольку напрямую к компетенции Суда ЕС отнесены только вопросы, связанные со штрафами и штрафными платежами (ст. 45 DMA). Тем не менее, присвоение статуса гейткипера подпадает под действие ст. 263 ДФЕС; первые иски на этом основании поступили в Суд ЕС уже в 2023 г.[243], и некоторые из них были рассмотрены[244]. В том же году Марк ван дер Вуд (Marc van der Woude), председатель Общего суда (General Court,

[243] Di Bucci, V. Statistics concerning the judicial activity of the General Court – 2024. URL: https://curia.europa.eu/jcms/jcms/Jo2_7041/en/ (дата обращения: 14.09.2025)

[244] Press Release No 114/24 Luxembourg, 17 July 2024. Digital Markets Act: The General Court dismisses the action brought by Bytedance (TikTok) against the decision of the Commission designating it as a gatekeeper. URL: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2024-07/cp240114en.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

одна из палат Суда ЕС) высказал мнение, что Суд ЕС следует ожидать наплыва исков, связанных с оспариванием не только конкретных решений Еврокомиссии, но и положений DMA вообще[245].

Поскольку мы упомянули роль Суда ЕС, следует сказать и о субъектной структуре регламента — хотя в DMA обозначены только полномочия Еврокомиссии, фактически в реализации его норм принимают участие надзорные органы и национальные суды государств-членов, Суд ЕС и сами гейткиперы, которые берут на себя обязательства в качестве формы саморегулирования[246], а также Консультативный комитет по цифровым рынкам (The Digital Markets Advisory Committee) и Группа высокого уровня по Регламенту о цифровых рынках (The High-Level Group For The Digital Markets Act).

Присвоение статуса гейткипера накладывает на компании ряд обязанностей, призванных сдержать тенденцию корпораций к монополизации цифровых рынков. Сам перечень обязанностей представлен в ст. 5 – 7, 12, 13 – 15 DMA. Помимо традиционных для антимонопольной политики обязанностей по информированию о слияниях (ст. 14 DMA) и запрету на дробление бизнеса с целью избежать нормативного регулирования (ч. 1 ст. 13 DMA), гейткиперы должны осуществить целый ряд действий по «оздоровлению цифрового рынка». Полный список указан в соответствующих статьях DMA, мы же попробуем обобщить обязанности по направлениям.

Всего мы предлагаем выделить четыре крупных направления, по которым можно сгруппировать обязанности гейткиперов.

**Обязанности в сфере защиты персональных данных:** запрещено обрабатывать в рекламных целях данные пользователей, использующих приложения на платформе гейткипера; запрещено осуществлять большинство действий по слиянию баз данных из нескольких источников; владельцами поисковых систем должны предоставляться обезличенные статистические данные

---

[245] Chee, F.Y. Top EU judge expects a wave of litigation from tech giants against new tech law. URL: https://www.reuters.com/technology/top-eu-judge-expects-wave-litigation-tech-giants-against-new-tech-law-2023-03-17/ (дата обращения: 14.09.2025)

[246] Maher, I. Указ.соч.

о применении поисковиков; также бизнес-пользователям предоставляется доступ к данным, генерируемым другими бизнес-пользователям и потребителями и др.

**Обязанности в сфере обеспечения прав бизнес-пользователей и потребителей:** данные, предоставляемые/генерируемые бизнес-пользователями не должны использоваться гейткипером в конкуренции с самими бизнес-пользователями; гейткипер не должен отдавать приоритет собственным сервисам; гейткипер не имеет права как-либо ограничивать право подачи пользователями жалоб [в суды — авт.] на нарушение им национального или европейского законодательства; гейткипер должен установить справедливые, разумные и недискриминационные условия доступа бизнес-пользователей к своим магазинам программных приложений; гейткипер должен гарантировать, что условия прекращения взаимодействия с основными сервисами платформы могут быть реализованы без чрезмерных трудностей и др.

**Обязанности в сфере рекламы:** гейткипер должен бесплатно предоставлять каждому рекламодателю/издателю, которому он предоставляет услуги онлайн-рекламы, информацию о рекламных показателях, также гейткипер предоставляет указанным лицам доступ к инструментам для проведения анализа рекламных показателей и др.

**Обязанности в сфере возможностей по взаимодействию с другими сервисами:** запрещено препятствовать бизнес-пользователям предлагать предоставляемые ими продукты или услуги вне рамок платформы гейткипера (в т.ч. и на других условиях, более выгодных, чем условия на сервисах гейткипера); потребителям должна быть предоставлена возможность потреблять сторонний контент, полученный за пределами платформы гейткипера, через сервисы платформы; гейткиперу запрещено требовать от потребителей или бизнес-пользователей взаимодействовать только с его платежными системами; гейткипер не должен ограничивать возможность конечных пользователей переключаться между приложениями и сервисами, доступ к которым осуществляется через его платформу и др.

Отдельно от данных четырех групп стоят обязанности по обеспечению прозрачности, например, обязанность цифровой корпорации направлять в Еврокомиссию отчет с описанием мер, предпринятых для соблюдения обязательств DMA — в течение полугода после присвоения статуса гейткипера и далее ежегодно (ст. 11 DMA). Также гейткипер обязан информировать Еврокомиссию о сделках концентрации (слияния), если объединяющиеся субъекты или объект концентрации предоставляют сервисы основной платформы или любые другие услуги/сервисы в цифровом секторе или позволяют собирать данные, даже если обязанность по уведомлению не предусмотрена национальным законодательством или Регламентом (ЕС) № 139/2004[247] (ст. 14 DMA); и предоставить однократно, в течение 6 месяцев после присвоения статуса, аудиторский отчет о методах профилирования потребителей основных услуг платформы. Дополнительно, гейткипер должен собственными усилиями обеспечить контроль за выполнением обязательств (ст. 28 DMA).

Знакомые с антимонопольной практикой в ЕС специалисты заметят, что обязанности гейткиперов, которые мы сгруппировали, явно отражают позиции Еврокомиссии/Суда ЕС по конкретным антимонопольным делам, т.е., проще говоря, закрепляют практику, сложившуюся в ЕС к моменту принятия DMA. Кроме того, даже при поверхностном обзоре можно заметить ряд норм, которые DMA с рядом изменений унаследовал из более ранних регламентов и директив, например, идеи о запрете ряда коммерческих практик, характеризуемых как агрессивные по отношению к потребителям — из Директивы ЕС о недобросовестных коммерческих практиках 2005 г.; положения о гарантиях прав бизнес-пользователей в случае ограничения им доступа к услугам оператора цифровой платформы, а также о прозрачности ранжирования товаров — из Регламента ЕС о поддержании справедливости и прозрачности онлайн-сервисов для бизнес-пользователей 2019 г.

Следует обговорить еще несколько моментов, связанных с обязанностями гейткиперов. Обязанности в целом не носят конкретного характера, а

[247] Council Regulation (EC) No 139/2004 of 20 January 2004 on the control of concentrations between undertakings. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2004/139/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)

обеспечивают, скорее, целеполагание; гейткипер волен сам принимать конкретное решение о форме их реализации, главное, чтобы они эффективно выполнялись (ст. 8 DMA). Также обязанности касаются конкретно определенных Еврокомиссией сервисов платформы гейткиперов, а не всех сервисов цифровой корпорации сразу.

Остается ответить на два вопроса: как и при каких условиях может быть снят статус гейткипера и какие полномочия имеет Еврокомиссия в отношении компании, не исполняющей возложенные обязанности.

Снятие (пересмотр) статуса гейткипера регламентирует ст. 4 DMA, в соответствии с которой Еврокомиссия по запросу (вероятно, подразумевается запрос гейткипера, поскольку в тексте нет уточнениий) или по собственной инициативе может пересмотреть решение о присвоение статуса, изменив его или отменив. Для этого должно произойти одно из двух событий: либо существенно измениться один из фактов, на основании которых предпринималось решение ранее (п. (a) ч. 1 ст. 4 DMA), либо выясниться, что решение было основано на неполной, неправильной или вводящей в заблуждение информации. Еврокомиссия также не реже одного раза в три года рассматривает вопрос о том, удовлетворяют ли гейткиперы требованиям ст. 3 DMA.

Помимо снятия статуса, возможно полное или частичное приостановление («suspension») выполнения отдельных обязательств гейткипера (ст. 9 DMA), а также освобождение («exemption») от обязательства (ст. 10 DMA). Сравнение при помощи *Таблицы 2* позволяет сделать вывод, что основная разница между этими двумя процедурами заключается только в мотивации (основании): приостановление допускается в случаях, когда выполнение обязательств может привести к экономическому упадку вплоть до прекращения деятельности гейткипера на территории ЕС, а освобождение осуществляется по соображениям общественной безопасности или общественного здоровья (стандартная формулировка для европейского законодательства).

Если у Еврокомиссии возникают подозрения, что гейткипер осуществляет действия по дроблению, сегментированию и сходные меры, чтобы не попасть под количественные пороги, то она может истребовать любую информацию для

прояснения данного вопроса; подобные действия гейткипера не мешают Еврокомиссии присвоить компании соответствующий статус (ч. 1, 2 ст. 13 DMA).

Если гейткипер пытается как-то обойти или подорвать эффективное соблюдение обязательств (ст. 4 – 6 DMA), то Еврокомиссия может открыть разбирательство в соответствии со ст. 20 DMA и принять акт, который обяжет гейткипера осуществить определенные меры для выполнения обязательств (ч. 7 ст. 13 DMA)

Еврокомиссия в соответствии с процедурой ч. 2 ст. 50 DMA принимает решение о несоблюдении обязанностей («the non-compliance decision»), если установит, что поведение гейткипера нарушает следующие обязанности:

- любую из обязанностей, изложенных в ст. 5, 6 или 7 (т.е. основных обязанностей гейткипера) (п. (a));
- любую из мер, указанных Еврокомиссией в решении, принятом в соответствии с ч. 2 ст. 8 DMA, т.е. мер, которые гейткипер должен предпринять для эффективного соблюдения обязанностей (п. (b));
- требования средств правовой защиты, налагаемых в соответствии с ч. 1 ст. 18 DMA, т.е. мер, наложенных за систематическое несоблюдение требований DMA (п. (c));
- любую из временных мер, предписанных в соответствии с ст. 24 DMA в случае необходимости предотвращения серьезного и непоправимого ущерба (п. (d));
- обязанностей, ставших юридически обязательными в соответствии со ст. 25 в ходе исследования рынка (п. (e)).

Решение Еврокомиссии следует принять в течение 12 месяцев, но, судя по формулировке статьи («shall endeavour to adopt»), Еврокомиссия может и продлить срок (ч. 2 ст. 29 DMA).

Предварительные выводы сообщаются гейткиперу (ч. 3 ст. 29 DMA), Еврокомиссия также может проконсультироваться с третьими лицами (ч. 4 ст. 29 DMA). В случае принятия решения о несоблюдении обязанностей, Еврокомиссия предписывает прекратить деятельность, нарушающую обязанности, налагаемые на

гейткипера, а последнему следует предоставить Еврокомиссии объяснения, какие меры он намерен предпринять и какие уже предпринял для исполнения решения (ч. 5 и 6 ст. 29 DMA).

Принимая решение о несоблюдении обязанностей, Еврокомиссия может наложить на гейткипера, а в некоторых случаях, и на ассоциацию предприятий, штраф. Штрафы в 10% и *до* 20% от общего мирового оборота за предыдущий финансовый год налагаются на гейткипера в случае нарушения обязанностей, указанных выше; б*о*льший штраф, соответственно, налагается за рецидив в отношении одного и того же сервиса основной платформы, если предыдущее нарушение было совершено в предыдущие 8 лет (ч. 1 и 2 ст. 30).

В другом случае, штрафы в размере *не более* 1% от мирового оборота на гейткипера и ассоциацию предприятий налагаются за:

1) непредоставление в установленные сроки или предоставление неверной, неполной или вводящей в заблуждение информации, необходимой для присвоения статуса гейткипера;

2) непредоставление Еврокомиссии уведомления (в соответствии с ч. 3 ст. 3 DMA) о достижении количественных показателей, связанных с присвоением статуса гейткипера;

3) ненаправление уведомления или предоставление неверной, неполной, вводящей в заблуждение информации в рамках контроля за концентрацией (слияниями) (ст. 14 DMA);

4) непредоставление или предоставление неверного, неполного или вводящего в заблуждение заключения аудитора (ст. 15 DMA);

5) непредоставление доступа к данным, алгоритмам или информации о тестировании в ответ на запрос Еврокомиссии в соответствии с ч. 3 ст. 21 DMA;

6) непредоставление информации в срок, установленный в соответствии с ч. 3 ст. 21 DMA, или предоставление неверной, неполной или вводящей в заблуждение информации или объяснений, запрошенных в соответствии со ст. 21 DMA или в ходе опроса в соответствии со ст. 22 DMA;

7) нарушение срока исправления неправильной, неполной или вводящей в заблуждение информации, предоставленной представителем или сотрудником гейткипера, или непредоставление, отказ от предоставления полной информации о фактах, относящихся к предмету и цели инспекции на предприятии (ст. 23 DMA);

8) отказ от прохождения инспекции в соответствии со ст. 23 DMA;

9) невыполнение обязательств, наложенных Еврокомиссией с целью контроля за исполнением гейткипером основных обязательств по DMA (ст. 26 DMA);

10) отказ гейткипера от создания органа внутреннего контроля (compliance function) в соответствии со ст. 28 DMA;

11) несоблюдение условий доступа к информации в соответствии с ч. 4 ст. 34 DMA (вероятно, речь идет об отказе в раскрытии информации третьим лицам по указанию Еврокомиссии).

То есть, штрафы в 1% оборота накладываются за нарушения положений DMA, которые не связаны напрямую с [основными — авт.] обязанностями гейткипера; в целом, все они относятся к непредоставлению или предоставлению неполной или недостоверной информации.

Еврокомиссия также может наложить периодические штрафные платежи, не превышающие 5% от среднедневного мирового оборота за предыдущий финансовый год, с целью принуждения гейткипера или ассоциации предприятий[248] к исполнению обязанностей (ст. 31 DMA).

Срок давности по указанным правонарушениям составляет 5 лет.

Далее следует остановиться на несколько менее очевидном на первый взгляд, но не менее важном аспекте функционирования DMA, – на исследованиях рынка (market investigation). Кажется, что данные исследования должны существовать в рамках процедуры антимонопольного расследования в соответствии со ст. 101 и 102 ДФЕС. На основании данных статей Еврокомиссия вправе возбудить

[248] Организация, через которую предприятия одного и того же общего типа координируют свое поведение на рынке — Communication from The Commission. Guidelines on the applicability of Article 101 of the Treaty on the Functioning of the European Union to horizontal co-operation agreements (2023/C 259/01). Абз. 10. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52023XC0721(01) (дата обращения: 14.09.2025)

расследование по конкретному заявлению, провести расследование ex officio или секторальное расследование[249]. Исследование рынка по своим чертам отчасти похоже на каждое из трех указанных типов расследований Еврокомиссии.

С точки зрения юридической составляющей, рыночное исследование отличается от других процедур независимостью от выявления факта нарушения правил конкуренции, чисто административным характером и оперативным осуществлением. Рыночное исследование, по мнению М. Мотта (M. Motta), М. Пейца (M. Peitz), Х. Швейцера (H. Schweitzer), находится между полюсами антимонопольного законодательства, суть которого в оперативном реагировании на нарушение правил конкуренции, и экономического регулирования, которое обращено в будущее и направлено на предотвращение возможных нарушений. Рыночное исследование концентрируется не на борьбе с конкретными правонарушениями, а на поддержании конкуренции в конкретном секторе, т.е. включает в себя определенный прогностический элемент — что, несомненно, дает дополнительный аргумент для гейткиперов при оспаривании действий Еврокомиссии под предлогом отсутствия вреда в настоящем времени. Но, когда речь идет о динамичных, быстро развивающихся рынках, более консервативный и медленный подход в деле правовой защиты может оказаться недостаточным[250].

В то же время, правовые основания проведения исследований рынка (отсылающие к учредительным договорам, а не DMA) не совсем ясны. Исследователи указывают, что и ст. 101 и 102, и ст. 352 ДФЕС (уже известная нам «гибкая оговорка»), предложенные в ходе дискуссий о DMA в качестве правовой базы, не в полной мере отвечают сущности процедуры исследования рынка[251]. Практика уже проведенных исследований рынка показывает, что Еврокомиссия в качестве правовой базы использует только нормы DMA[252].

---

[249] Procedures in Article 102 Investigations. URL: https://competition-policy.ec.europa.eu/antitrust-and-cartels/procedures/article-102-investigations_en (дата обращения: 14.09.2025)
[250] Motta, M., Peitz, M., Schweitzer, H. Указ. соч. Pp. 92 – 93
[251] Motta, M., Peitz, M., Schweitzer, H. Указ. соч. Pp. 5 – 7
[252] Summary of Commission Decision of 12 February 2024 relating to a decision pursuant to Article 17(3) of Regulation (EU) 2022/1925 (Cases DMA.100015 – Microsoft – Online Search Engines,

Завершая разбор DMA, отметим, что акт весьма сильно нагружен нормами, являющимися правовым базисом для различных процедурных действий. Как минимум, к таковым относятся ст. 3, 4, 8-10, 14-19, 21-26, 29-31, 35, 40, 41, 46, 47, 49.

Таким образом, значение DMA для европейского правопорядка, по нашему мнению, заключается в следующем. DMA вводит в европейское законодательство правовой статус «гейткипер», который присваивается организациям-владельцам цифровых платформ, удовлетворяющим ряду показателей; фактически, категорию гейткиперов можно считать разновидностью монополистического объединения, причем в качестве монополий можно рассматривать как самих гейткиперов из-за их подчас огромных цифровых экосистем, так и ассоциации предприятий, через которые те координируют свою деятельность. Организации, которым присвоен статус гейткипера, обязаны соблюдать ряд ограничений в процессе своей деятельности; эти ограничения призваны одновременно и облегчить положение потребителей и бизнес-пользователей, и не допустить монополизации цифрового рынка в целом, и ограничить влияние крупных цифровых платформ. Имеется у них, без сомнения, и некоторая политическая роль: поскольку большинство корпораций, которые получили статус гейткипера в отношении своих сервисов, являются американскими или китайскими, такие меры следует трактовать в русле попыток руководства ЕС обеспечить объединению цифровой суверенитет, который мы рассматривали в третьем параграфе первой главы. Обязанность соблюдения гейткиперами установленных правил подкрепляется полномочиями Еврокомиссии по надзору и внесудебному принуждению нарушителей.

---

DMA.100028 – Microsoft – Web Browsers, DMA.100034 – Microsoft – Online Advertising Services). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/C/2024/2709/oj (дата обращения: 14.09.2025), (абз. 6-8)

## 2.3. Регламент ЕС о цифровых услугах: содержание, механизмы правового регулирования, дискуссионные аспекты

Поскольку история принятия DSA была рассмотрена нами одновременно с историей DMA, в настоящем параграфе мы сосредоточимся преимущественно на механизме регулирования, отметив лишь тот факт, что в ходе обсуждения DSA заинтересованными лицами было предложено почти 2300 поправок в регламент[253]. Также отметим, что, как и в случае с DMA, мы постараемся избежать полного воспроизведения статей DSA.

DSA вступил в силу в два этапа: с августа 2023 г. его нормы применялись к наиболее крупным цифровым платформам (VLOPs и VLOSEs), а с февраля 2024 г. стали применяться ко всем платформам[254].

Толчком к принятию DSA стал тот факт, что государства-члены все чаще начали принимать свое собственное национальное законодательство о посреднических услугах, что создавало угрозу целостности внутреннего рынка ЕС[255].

В качестве целей DSA Еврокомиссия обозначила совершенствование защиты основных прав граждан ЕС (в т.ч. путем более качественного противодействия незаконному контенту), повышение правовой определенности и упрощение регистрации и требований к деятельности цифровых платформ, обеспечение для бизнес-пользователей доступа к рынкам ЕС, усиление контроля за публикациями на цифровых платформах[256]. Как высказалась в августе 2023 г. глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен: «Наш Регламент ЕС о цифровых услугах,

---

[253] Digital Services Act: The EDRi guide to 2,297 amendment proposals. URL: https://edri.org/wp-content/uploads/2021/10/EDRi-policy-paper-Digital-Services-Act-Nov-2021.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

[254] The Digital Services Act: Ensuring a safe and accountable online environment. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-services-act_en (дата обращения: 14.09.2025)

[255] Wilman, F. The Digital Services Act (DSA) - An Overview — 2022 — 21 pp. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4304586 P. 2

[256] The Digital Services Act: Ensuring a safe and accountable online environment...

предусматривающий строгие правила прозрачности и подотчетности, направлен на защиту наших детей, общества и демократии. На сегодняшний день очень крупные онлайн-платформы должны применять новый регламент»[257].

Несмотря на название, DSA регулирует не все цифровые услуги, а только те, что связаны с передачей и хранением контента, в т.ч. услуги социальных сетей, публикации фото и видео, покупки товаров, оставления отзывов и др. Регламент обеспечивает общую основу для регулирования предоставления посреднических услуг, в то время как другие правовые акты ЕС содержат правила, специально разработанные для определенных сфер общественных отношений[258].

Структурно DSA состоит из пяти глав, главы третья и четвертая имеют по шесть разделов, другие главы разделов не имеют; всего 93 статьи. Структура DSA, более «многоуровневая», чем таковая у DMA, что подчеркивает многочисленность предметов регулирования.

Глава I устанавливает сферу применения DSA и определяет ключевые используемые термины.

Глава II охватывает ответственность провайдеров[259] посреднических услуг, основываясь на более ранних стандартах, установленных Директивой ЕС об электронной торговле 2000 г. (Directive 2000/31/EC).

В главе III излагаются обязательства по обеспечению прозрачности и безопасности онлайн-среды, проводится различие между провайдерами посреднических услуг в целом, онлайн-платформами и очень крупными онлайн-платформами.

---

[257] Цит. по. Roth, E. The EU's Digital Services Act goes into effect today: here's what that means. URL: https://www.theverge.com/23845672/eu-digital-services-act-explained (дата обращения: 14.09.2025)

[258] Wilman, F. Указ. соч. Pp. 2 – 4

[259] Мы считаем более стилистически корректным использовать транслитерацию слова «providers», тем более что оно привычно отечественному читателю в связи с распространением цифровых технологий («интернет-провайдер»)

Глава IV посвящена внедрению DSA и национальному и наднациональному сотрудничеству, а также санкциям и правоприменению, включая создание новых органов государственного управления[260].

Глава V содержит заключительные и переходные положения.

Предполагаем для начала обозначить субъектный состав DSA, в который входят следующие значимые субъекты:

- Еврокомиссия;
- провайдеры посреднических услуг (providers of intermediary services), в том числе:
  - оказывающие услуги хостинга (providers of hosting services);
  - онлайн(цифровые)-платформы (providers of online platforms);
  - маркетплейсы (providers of online platforms allowing consumers to conclude distance contracts with traders);
  - VLOP и VLOSE, т.е. «очень большие онлайн-платформы» и «очень большие поисковые системы» (providers of very large online platforms и providers of very large online search engines) и;
  - микро и малые предприятия (micro and small enterprises);
- компетентные органы государств-членов, из которых наибольшую значимость имеет назначенный Координатор цифровых услуг (Digital Services Coordinator, далее — DSC);
- Европейский совет по цифровым услугам (European Board for Digital Services);
- аудиторы;
- доверенные информаторы (trusted flaggers[261]);
- орган по урегулированию споров.

---

[260] Cauffman, C., Goanta, C.A. New Order: The Digital Services Act and Consumer Protection. // European Journal of Risk Regulation — 2021 — 12(4) — Pp. 758-774. Pp. 771 – 773

[261] Слово «flaggers» в английском языке обычно употребляется в контексте регулирования дорожного движения. По смыслу употребления этого термина в DSA, trusted flaggers должны «сигнализировать», т.е. расставлять «флаги», делать отметки, в случае обнаружения незаконного контента. Мы использовали термин «информаторы», поскольку он не слишком отличается по смыслу и звучит менее грубо, чем термин «сигнальщики»

Естественно, определенная роль отведена и Совету ЕС вместе с Судом ЕС, однако мы уделим приоритетное внимание другим, новым или более важным субъектам DSA.

В целом, полномочия Еврокомиссии можно разделить на три группы: касающиеся принятия стандартов, руководящих принципов, имплементационных и делегированных актов (ч. 3 ст. 15, ч. 8 ст. 22, ч. 6 ст. 24, ч. 3 ст. 25, ч. 4 ст. 28, ч. 2, 3 ст. 33, ч. 3 ст. 85 и др.); полномочия по расследованию исполнения обязательств провайдерами и принятию мер для принуждения их к исполнению обязательств (ст. 65 – 83) и остальные, которые затруднительно объединить в одну категорию. К последним относятся обязанности Еврокомиссии по созданию и поддержанию системы обмена информацией между Еврокомиссией, Советом ЕС и Координаторами цифровых услуг (ст. 85), публикации информации о доверенных информаторах (trusted flaggers, ч. 5 ст. 22), публикации комплексных отчетов о системных рисках для VLOPs и VLOSEs и практиках их смягчения (ч. 2 ст. 35), поддержки разработки добровольных стандартов, кодексов, протоколов реагирования на кризисные ситуации (ч. 1, 2 ст. 44, 45 – 48), сбору платы с VLOPs и VLOSEs за надзор за их деятельностью (ст. 43), процедурному руководству деятельностью Европейского совета по цифровым услугам, оказанию ему административной и аналитической поддержки (ст. 62), присвоению и снятию статусов VLOP и VLOSE, а также ведению их списка (ст. 33) и др.

Думаем, не будет ошибкой утверждать, что разделение компетенций в DSA осуществлено таким образом, чтобы оставить за Еврокомиссией в основе своей надзорные полномочия — в отличие от DMA, где Еврокомиссия является основным действующим лицом — в то время как основная деятельность по реализации положений DSA осуществляется уполномоченными национальными органами.

В качестве наиболее важных можно обозначить полномочия Еврокомиссии по присвоению статусов VLOP и VLOSE, а также по расследованию исполнения обязательств провайдерами.

Как уже было указано в первом параграфе первой главы, VLOP и VLOSE представляют собой цифровые платформы (с отдельным выделением поисковых

систем), чье среднемесячное количество пользователей в Союзе равно 45 млн или превышает это значение (ч. 1 ст. 33). После консультации с государством-членом, где зарегистрирована цифровая корпорация-оператор платформы, или с соответствующим Координатором цифровых услуг, Еврокомиссия должна присвоить платформе статус VLOP или VLOSE на основании предоставленной платформой или собранной самой Еврокомиссией информации. Во втором случае платформе предоставляется 10 дней для направления своего мнения по предварительным выводам Еврокомиссии (ч. 4 ст. 33). Снятие статуса VLOP или VLOSE осуществляется Еврокомиссией, если среднемесячное количество пользователей платформы в течение года будет ниже 45 млн человек (ч. 5 ст. 33)

Обязательства возлагаются и снимаются с VLOP и VLOSE после истечения четырех месяцев со дня уведомления о присвоении и снятии статуса соответственно (ч. 6 ст. 33).

Надзор за деятельностью провайдеров, центральным элементом которого является расследование соблюдения обязательств, регулируется положениями Раздела 4 Главы IV DSA.

Расследование соблюдения обязательств провайдерами — только уровня VLOP и VLOSE — инициируется Еврокомиссией по собственной инициативе (ч. 1 ст. 66) или по обращению Координатора цифровых услуг государства (ч. 2 ст. 65), причем «следственные» действия, в соответствии с ч. 1 ст. 65, могут осуществляться еще до начала расследования. О начале расследования Еврокомиссия уведомляет Европейский совет по цифровым услугам, DSC и самого провайдера (ч. 2 ст. 66).

Еврокомиссия имеет право запрашивать необходимую для расследования информацию у провайдеров, DSC, государственных органов, а также физических и юридических лиц (ст. 67); физические и юридические лица, к тому же, могут быть опрошены Еврокомиссией[262] с целью сбора информации о предмете расследования (ст. 68). Еврокомиссия может проводить осмотр и опечатывание помещений

[262] Конечно, мы подразумеваем уполномоченных представителей Еврокомиссии

провайдеров, включая проверку документов, связанных с предоставлением конкретного сервиса (относительно которого провайдер признан VLOP или VLOSE), снимать копии, делать выписки и получать разъяснения от сотрудников провайдера (ч. 1 – 5 ст. 69).

Представители Еврокомиссии вправе обращаться к уполномоченным органам государства-члена для применения принудительных мер в случае воспрепятствования провайдера в проведении расследования (ч. 8 – 9 ст. 69), а на уровне ЕС, в случае риска серьезного ущерба, Еврокомиссия может ввести временные меры по отношению к провайдеру, которые должны действовать фиксированный период (существует возможность продлевать его в той мере, в которой «это необходимо и уместно») или до конца расследования (ст. 70).

Еще на стадии расследования провайдер может предложить Еврокомиссии собственный вариант обязательств, исполнение которых обеспечило бы соблюдение DSA. Еврокомиссия вправе согласиться с предложением провайдера и прекратить расследование, однако оно может быть возобновлено, если изменятся факты, на которых основывалось решение, если провайдер вновь нарушит обязательства или будет выявлено, что провайдер ввел Еврокомиссию в заблуждение (ст. 71).

Если провайдер не соблюдает обязательства, вытекающие из DSA, временные меры (ст. 70) или обязательства, согласованные Еврокомиссией по предложению провайдера (ст. 71), то Еврокомиссия констатирует несоблюдение DSA и обязует провайдера принять необходимые меры, содержание и детали которых провайдер разрабатывает самостоятельно (ст. 73). Констатируя несоблюдение обязательств, Еврокомиссия может наложить на провайдера штраф (ст. 74), а при некоторых иных обстоятельствах — периодические штрафные платежи (ст. 76).

То есть, Еврокомиссия ориентирована в первую очередь на надзор за деятельностью VLOPs и VLOSEs, оставляя надзор за основной массой провайдеров на уровне национальных органов власти.

**Провайдеры посреднических услуг** (далее — провайдеры) представляют собой организации, которые предоставляют услуги простой связи («mere conduit»),

кэширования и хостинга. Фактически, речь, конечно, идет о цифровых платформах, причем, поскольку провайдеры описываются через бизнес-модели, одна платформа может рассматриваться как провайдер разных видов услуг (кроме тех случаев, когда она является VLOP или VLOSE).

Обязанности DSA для провайдеров распространяются на все цифровые платформы, присутствующие на рынке ЕС, при этом на микро- и малые компании обязательства возложены пропорционально их размерам. Эти обязанности Ф. Вилман (F. Wilman) предлагает дифференцировать в виде четырехступенчатой пирамиды (наглядно представлено в статье А. Туриллацци (A. Turillazzi), М. Таддео (M. Taddeo), Л. Флориди (L. Floridi), Ф. Касолари (F. Casolari)[263]): нижний уровень распространяется на все услуги посредничества, второй уровень — на услуги хостинга, третий уровень — на услуги, предоставляемые цифровыми платформами (sic), четвертый уровень (высший) содержит обязанности, связанные с VLOP и VLOSE. Организация, соблюдающая обязанности, связанные, например, с хостингом, подчиняется и правилам, применимым к более низким уровням (но не наоборот)[264].

Все авторы, анализировавшие DSA, отмечают, что он в значительной степени наследует нормы об ответственности провайдеров из Директивы ЕС об электронной торговле 2000 г., но последняя шире по своей сфере регулирования и продолжает действовать параллельно DSA. Если говорить точнее, то DSA содержит не столько нормы об ответственности, сколько нормы о ее исключении (ст. 4 – 8 DSA). Также из данной директивы DSA унаследовал идеи об ограничении ответственности операторов цифровых платформ за распространение незаконных материалов, о формальном выделении трех специфических видов «услуг информационного общества» (mere conduit, кэширование и хостинг), а также о маркировке рекламы; а из Директивы ЕС о правах потребителей 2011 г. — положения об обязанностях продавца по публикации информации, необходимой

[263] Turillazzi, A., Taddeo, M., Floridi, L., Casolari, F. The digital services act: an analysis of its ethical, legal, and social implications // Law, Innovation and Technology — 2023 — 15(1) — Pp. 83–106. Pp. 4 – 6

[264] Wilman, F. Указ. соч. Pp. 3 – 4

для заключения дистанционного контракта, которые в DSA трансформировались в требования к продавцу о предоставлении определенных сведений оператору цифровой платформы, на которой продавец осуществляет свою деятельность.

DSA возлагает на провайдеров посреднических услуг множество обязанностей, которые можно попытаться объединить в несколько групп, по аналогии с обязанностями по DMA.

*Группа обязанностей, связанных с борьбой с незаконным контентом*[265], включает в себя обязанности по принятию мер против незаконного контента (ст. 9 DSA), в т.ч. созданию механизма уведомления о незаконном контенте (ст. 16 DSA); публикации для пользователей правил пользования услугами, включая правил модерации контента, подачи жалоб и обжалования решения провайдера (ст. 14 DSA); уведомлению о причинах ограничения/блокировки пользователей (ст. 17 DSA); обеспечению деятельности внутреннего механизма обработки жалоб и доступа к нему пользователей (ст. 20 DSA); публикации отчетов о модерации контента (ст. 15 DSA); обеспечению с помощью технических и организационных средств приоритета обработки жалоб доверенных информаторов (ст. 21 DSA); ограничению/блокировке лиц, часто публикующих незаконный контент (ст. 23 DSA) и др.

*Группа обязанностей, связанных с сотрудничеством с государственными и частными органами*, включающая в себя обязанности по передаче информации о пользователях по запросу компетентных органов (ст. 10 DSA); созданию контактных центров для связи с органами государств-членов, Еврокомиссией, Европейским советом по цифровым услугам и пользователями (ст. 11 и 12 DSA); открытию представительств в одном из государств-членов (для провайдеров, которые не имеют филиалов в ЕС, но предлагают свои услуги на его территории) (ст. 13 DSA); взаимодействию с внесудебным органом по разрешению споров

[265] Некоторые особенности противодействия незаконному контенту в государствах-членах ЕС и США см., например: Бирюков, П. Н. О цифровых доказательствах в зарубежном уголовном процессе / П. Н. Бирюков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1(48). – С. 275-286.

(ст. 21 DSA); информированию государственных органов о подозрении в выявлении преступления[266] (ст. 18 DSA) и т.д.

*Группа обязанностей по обеспечению транспарентности*, включающая в себя обязанности по обеспечению «прозрачности» рекламы, позволяющей идентифицировать ее в качестве таковой, узнать заказчика рекламы и причины показа рекламы именно этому пользователю (ст. 26 DSA); обеспечению прозрачности рекомендательных систем (ст. 27 DSA); сбору информации о продавцах, позволяющей идентифицировать их (ст. 30 DSA); проведению аудита (ст. 37 DSA); публикации информации о количестве внесудебных споров и их результате, количестве ограничительных мер по отношению к пользователям сервисов (ст. 24 DSA) и т.д.

Конечно, это далеко не все обязанности, вытекающие из норм DSA, но, в целом, они позволяют составить представление о содержании регламента. Следует отметить, что часть обязанностей, например, по идентификации продавцов на маркетплейсах, наличию внутренней системы обработки жалоб и др. не возлагаются на микро- и малые предприятия (ст. 19 и 29 DSA), за исключением тех случаев, когда они фактически являются VLOP и VLOSE.

Ф. Вилман (F. Wilman) также выделяет четыре группы мер, содержащихся в DSA, хотя он не привязывает их непосредственно к провайдерам[267].

Первая группа состоит из норм, регулирующих принятие мер в отношении незаконного контента или передачу информации о пользователях, предположительно нарушающих закон[268], по требованиям национальных судебных или административных органов. Нормы DSA не содержат правовой основы для действий национальных органов, поскольку предполагается, что таковые содержатся в национальном или союзном законодательстве.

Во вторую группу включены нормы, регулирующие механизмы реагирования на жалобы.

---

[266] Речь идет конкретно о правонарушении с уголовной составляющей
[267] Wilman, F. Указ. соч. Pp. 4 – 11
[268] Подразумевается уголовное и административное законодательство государств-членов

Третья группа содержит нормы, обязывающие провайдеров информировать компетентные органы о ставших им известными фактах подготовки или совершения преступлений.

Последняя, четвертая группа, состоит из норм, регулирующих порядок ограничения прав пользователя платформы[269], причем, как отмечает Ф. Вилман (F. Wilman), санкции такого рода носят превентивный характер, поскольку направлены на предотвращение будущих нарушений со стороны пользователя, ранее уже нарушавшего правила платформы.

Дополнительные обязательства VLOPs и VLOSEs, по сравнению с другими провайдерами посреднических услуг, включают в себя обязанности оценки рисков и реагирования на них, проведения аудитов и выплате взноса Еврокомиссии для покрытия расходов за ее надзорную деятельность, т.е., в какой-то мере, крупные цифровые корпорации оплачивают надзор за всеми цифровыми платформами в ЕС.

Порядок назначения и деятельности **Координаторов цифровых услуг** (DSC) установлен положениями Раздела 1 Главы IV DSA и соответствующего национального законодательства.

Для реализации положений DSA государства-члены назначают компетентные органы, один из которых также определяется в качестве DSC как ответственный за координацию национальных органов, надзор за соблюдением DSA и представление государства-члена в Европейском совете по цифровым услугам. Отдельные обязанности, тем не менее, могут быть возложены на другие компетентные органы (ч. 1 и 2 ст. 49 DSA).

Прямых требований к DSC не выдвигается, но государства-члены должны гарантировать, что избранные ими для такой роли органы выполняют свои обязанности объективно и своевременно, что они имеют необходимые для этого ресурсы и обладают известной долей автономности, которая в рамках задач DSA позволяет им действовать независимо от других государственных органов или третьей стороны (ч. 1 и 2 ст. 50).

---

[269] В интернет-сообществе принято использовать термин «бан», т.е. «запрет»

DSC имеют полномочия в отношении расследования деятельности провайдеров цифровых услуг, подпадающих под юрисдикцию их государства-члена, в т.ч. полномочия:

- требовать от провайдеров и лиц, связанных с их деятельностью, предоставлять информацию о нарушении DSA (п. (a) ч. 1 ст. 51 DSA);
- проводить инспекции помещений провайдеров или запрашивать проведение инспекции у компетентных органов (п. (b) ч. 1 ст. 51 DSA);
- получать объяснения от сотрудников или представителей провайдеров в отношении предполагаемого нарушения (п. (c) ч. 1 ст. 51 DSA);
- предписывать провайдерам исполнять ограничительные обязательства и временные меры для предотвращения серьезного вреда (п. (a) и (e) ч. 2 ст. 51 DSA);
- предписывать прекращение нарушений и, при необходимости, применять средства правовой защиты или просить судебный орган в своем государстве-члене сделать это (п. (b) ч. 2 ст. 51 DSA);
- налагать штрафы и периодические штрафные платежи или просить судебный орган в своем государстве-члене сделать это (п. (c) и (d) ч. 2 ст. 51 DSA).

Если все полномочия по прекращению нарушения были исчерпаны, DSC вправе требовать от провайдера разработать план действий для прекращения нарушения и обеспечить его выполнение (п. (a) ч. 3 ст. 51 DSA), а если нарушение все еще не прекращается, то DSC вправе просить судебный орган государства-члена временно (на четыре недели, с возможностью продления на этот же срок установленное судебным органом число раз) ограничить доступ к услуге (сервису), связанной с нарушением, или ко всему онлайн-сервису провайдера (п. (b) ч. 3 ст. 51 DSA)

DSC имеет право на самостоятельную подачу жалобы на действия/бездействия провайдеров цифровых услуг, а также может оценивать и передавать поступившие к нему жалобы заинтересованных лиц (ст. 53 DSA).

При осуществлении своих полномочий DSCs должны придерживаться принципов эффективности и соразмерности (п. 5 ст. 51). Конкретные правила и

процедуры осуществления полномочий DSC устанавливаются государствами-членами — в той части, в которой они не противоречат DSA (ч. 6 ст. 51).

То есть, в отличие от DMA, где основная деятельность по контролю за поведением гейткиперов ложится на плечи Еврокомиссии, в случае DSA основная деятельность ложится на плечи DSCs. Это логичная ситуация: если гейткиперов достаточно немного, как и VLOPs с VLOSEs, то других провайдеров, подпадающих под действие DSA, множество.

**Европейский совет по цифровым услугам** создан в соответствии с Разделом 3 Главы IV DSA. Европейский совет по цифровым услугам призван оказывать содействие Еврокомиссии и DSCs в реализации положений DSA, в первую очередь, связанных с надзором за провайдерами посреднических услуг (ст. 61 DSA).

В состав организации входят представители от DSCs государств-членов или других уполномоченных организаций (с одним голосом от каждого государства-члена) и Еврокомиссия (без права голоса). В некоторых случаях могут приглашаться представители иных заинтересованных национальных органов, эксперты, наблюдатели и др. Голосование проводится простым большинством голосов (ст. 62 DSA).

Акты Европейского совета по цифровым услугам носят рекомендательный характер, однако DSC и другие компетентные национальные органы, уклоняющиеся от действий в соответствии с актами, должны обосновать свою позицию (ст. 63 DSA).

Первое заседание Европейского совета по цифровым услугам состоялось в феврале 2024 г., последнее на текущий момент — шестнадцатое (не считая заседаний ad hoc) — 18 ноября 2025 г.[270] Список членов доступен только за заседание ad hoc от мая 2025 г., и, судя по нему, все страны уже избрали себе DSCs, хотя на странице со списком DSCs у Польши организация не указана[271].

---

[270] European Board for Digital Services. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/dsa-board (дата обращения: 14.09.2025)

[271] Digital Services Coordinators. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/dsa-dscs (дата обращения: 14.09.2025)

**Аудиторы** как таковые не представляют собой какого-то конкретного субъекта, а скорее категорию, участвующую в обеспечении надзора за деятельностью провайдеров посреднических услуг. Основы аудита зафиксированы в ст. 37 DSA, предполагается, что они подробнее будут раскрыты в делегированных актах Еврокомиссии.

К аудиторам предъявляются требования о независимости и профессиональной компетентности (ч. 3 ст. 37 DSA); в своем заключении они должны обозначить соблюдение или несоблюдение требований DSA и различных кодексов поведения и кризисных протоколов и дать позитивную, позитивную «с комментарием» или негативную оценку (ч. 1 и 4 ст. 37 DSA).

Провайдеры цифровых услуг, в свою очередь, обязаны оказывать содействие аудиторам (ч. 2 ст. 37 DSA) и принимать меры для выполнения рекомендаций аудитора, если отчет не содержит позитивной оценки деятельности. В случае невыполнения рекомендаций провайдеру надлежит обосновать причину и указать принятые альтернативные меры (ч. 6 ст. 37 DSA), т.е. оставить выявленные проблемы без реакции нельзя, ровно, как и оспорить акт аудитора.

«**Доверенным информатором**» является юридическое или физическое[272] лицо, которому в соответствии со ст. 22 DSA присвоен соответствующий статус от имени одного из национальных DSCs.

Для получения статуса необходимо, чтобы лицо обладало опытом и компетенцией в деле по обнаружению незаконного контента, было независимым от провайдеров цифровых услуг (в тексте статьи конкретизировано, что «от провайдеров [владельцев — авт.] цифровых платформ») и осуществляло деятельность (в качестве доверенного информатора) добросовестно, точно и объективно (ч. 2 ст. 22 DSA). Последнее условие в определенном смысле создает логический круг: чтобы получить статус, нужно добросовестно подавать жалобы в

[272] Прямо это не обозначено, но нет и ограничения, хотя соответствовать требованиям к статусу доверенного информатора физическим лицам будет затруднительно, к тому же, все зарегистрированные на текущий момент информаторы являются юридическими лицами

соответствии с ним; вероятно, следует трактовать данное условие в качестве оснований для отзыва статуса в случае его нарушения (ч. 6 и 7 ст. 22 DSA).

Основная задача (вероятно, термин «обязанность» здесь использовать не совсем некорректно) доверенных информаторов заключается в поиске незаконного контента и отправки жалобы на него в соответствии со ст. 16 DSA. Таким жалобам со стороны провайдера должен быть присвоен приоритетный статус (ч. 1 ст. 22 DSA).

Доверенные информаторы обязаны не реже раза в год направлять в присвоивший им статус DSC, а затем публиковать в общем доступе отчеты о проделанной ими деятельности, которые должны содержать информацию о провайдере, незаконном контенте и предпринятых провайдером действиях, а также процедурах обеспечения независимости информатора (ч. 3 ст. 22 DSA).

DSCs передают контактную информацию доверенных информаторов Еврокомиссии и Европейскому совету по цифровым услугам; Еврокомиссия данную информацию публикует в общедоступной базе данных и следит за ее актуальностью (ч. 4 и 5 ст. 22 DSA). На осень 2025 г. статус был присвоен 59 юридическим лицам из большинства стран ЕС[273].

**Орган по урегулированию споров** сертифицируется DSC на срок в пять лет, если он удовлетворяет следующим условиям (ч. 3 ст. 21 DSA):

- является беспристрастным и независимым, в т.ч. в финансовом плане, как от провайдеров посреднических услуг, так и от получателей услуг (п. (a) и (c));
- обладает профессиональной компетенцией по существу спора (п. (b));
- предлагаемая им процедура внесудебного урегулирования легкодоступна и предполагает использование в онлайн-формате (п. (d)), а также достаточно быстра, экономически выгодна и доступна хотя бы на одном из официальных языков ЕС (п. (e));

[273] Trusted flaggers under the Digital Services Act (DSA). URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/trusted-flaggers-under-dsa (дата обращения: 14.09.2025)

- предлагаемое внесудебное урегулирование происходит в соответствии с четкими и справедливыми процедурными правилами, которые опубликованы публично и соответствуют законодательству (п. (f)).

Несоответствие одному из пунктов позволяет DSC отозвать сертификацию (ч. 7 ст. 21 DSA).

Органы внесудебного урегулирования также могут быть созданы по инициативе государств-членов, но последние не вправе оказывать влияние на принятие ими решения (ч. 6 ст. 21 DSA). DSC уведомляют Еврокомиссию о сертифицированных органах по урегулированию споров (а также об органах, у которых сертификация была отозвана), Еврокомиссия, в свою очередь, публикует список этих органов (ч. 8 ст. 21 DSA).

Сертифицированные органы внесудебного урегулирования споров должны ежегодно отчитываться перед DSC о своей работе, указывая, по крайней мере, количество переданных им споров, информацию о результатах рассмотрения споров, среднее время, необходимое для их рассмотрения, и любые обнаруженные недостатки или неясности (очевидно, с точки зрения законодательства) (ч. 4 ст. 21 DSA).

Обращение в орган по урегулированию споров не является обязанностью сторон (абз. 3 ч. 1 ст. 21 DSA). Орган по урегулированию споров должен разрешить спор в течение 90 дней, но вправе в случае особо сложного дела продлить срок до 180 дней (абз. 2 ч. 4 ст. 21 DSA). Решение органа по урегулированию споров носит рекомендательный характер (абз. 3 ч. 2 ст. 2 DSA).

В случае решения в пользу заявителя (потребителя), все судебные расходы, в т.ч. со стороны заявителя, относятся на счет провайдера; в ином случае заявитель не обязан компенсировать судебные расходы провайдеру, кроме случаев, когда установлено, что заявитель действовал недобросовестно (ч. 5 ст. 21 DSA).

Таковы основные субъекты, наделенные DSA правами и обязанностями. Авторами регламента была предпринята попытка избежать чрезмерного регулирования, за которое столь часто упрекают бюрократию ЕС. Наиболее «долгоиграющими» являются нормы, регулирующие деятельность VLOPs и

VLOSEs, в т.ч. и потому, что ожидается их расширение в ходе реализации Еврокомиссией возможностей по принятию делегированного законодательства[274].

Как можно было понять из замечаний относительно истории принятия DSA, некоторые положения регламента стали предметом дискуссии; по нашему мнению, следует обозначить эти неоднозначные моменты, поскольку они могут оказать влияние на действие регламента в будущем.

Интересен вопрос о соотношении категорий «незаконного» («illegal») и «вредного» («harmful») контента. Авторы DSA избежали использования второго прилагательного в тексте регламента, но оно осталось в некотором числе в преамбуле, где используется в устойчивых конструкциях «незаконный или иной вредный контент» («illegal or otherwise harmful content») или «вредный [контент — авт.] для уязвимых категорий лиц» («harmful for vulnerable recipients»).

В процессе подготовки законопроекта DSA в ходе широких консультаций с представителями бизнеса, гражданского общества, учеными и иными заинтересованными лицами был достигнут консенсус, что термин «вредный» имеет субъективную окраску, и потому не будет как-либо определяться в регламенте и подлежать регулированию[275]. При этом в какой-то степени концепцию наблюдения за «вредным» контентом удалось провести через 84 пункт Преамбулы DSA, который указывает, что провайдеры при оценке рисков[276] должны обращать внимание на информацию, которая не является незаконной, но способствует системным рискам («When assessing the systemic risks identified in this Regulation, those providers should also focus on the information *which is not illegal, but contributes to the systemic risks*[277] identified in this Regulation»).

---

[274] Wilman, F. Указ. соч. P. 20

[275] Proposal for a Regulation of The European Parliament and of The Council on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act) and amending Directive 2000/31/EC. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52020PC0825 (дата обращения: 14.09.2025)

[276] См. ниже

[277] Курсив наш

С другой стороны, возникает проблема, связанная с тем, что некоторые действия могут быть незаконными в одной стране и законными в другой (например, в вопросе оскорбления чувств верующих), что порождает правовую коллизию.

Следует сказать несколько слов об оценке рисков и принятии мер по их смягчению, что регулируется соответственно ст. 34 и 35 DSA.

Ст. 34 DSA обязывает VLOPs и VLOSEs не реже раза в год с привлечением экспертов и представителей гражданского общества оценивать риски, связанные с разработкой, функционированием и использованием их сервисов. Такие оценки проверяются аудиторами и регулирующими органами, которые осуществляют надзор за всей отраслью. Сфера охвата оценок широка, в нее входят риски, связанные с незаконным контентом, основными правами человека, актуальными обсуждаемыми темами гражданского общества, избирательными процессами, общественной безопасностью или физическим и психическим благополучием людей.

В ст. 35 DSA компаниям предлагается в соответствии с этими оценками рисков: «принять разумные, соразмерные и эффективные меры по смягчению последствий <…> с особым учетом воздействия таких мер на основные права», при этом принятие мер оставлено на усмотрение провайдеров и регулирующих органов.

Толкуя статьи комплексно, можно сделать вывод, что авторами регламента сделан выбор в пользу оценки рисков, а не оценки воздействия. Плюсы и минусы такого подхода достаточно очевидны: оценка риска носит прогностический характер и позволяет исключить возможный вред, но, с другой стороны, оценить, действительно ли существовал риск причинения такого вреда затруднительно. При этом подход через оценку вреда в условиях быстро меняющейся цифровой экономики может не удовлетворять требованиям оперативности, т.е. уполномоченные органы всегда будут на шаг отставать от нарушителей.

В связи со ст. 34 и 35 DSA следует упомянуть мнение, что они могут использоваться для подавления альтернативных точек зрения по политико-социальным вопросам, хотя некоторые авторы говорят о том, что с правовой точки зрения это затруднительно. С другой стороны, у государств-членов и самих

провайдеров (цифровых платформ) развязаны руки в вопросе определения «незаконности контента» — в первую очередь, конечно же, т.н. «российской пропаганды»[278].

Интересное содержание имеет ст. 7 DSA которая исключает возможность государств-членов требовать от провайдеров посреднических услуг отслеживания незаконной деятельности на своих платформах[279] (но не лишает их права требовать от провайдеров обеспечить прекращение незаконной деятельности пользователей[280]). Статья имеет отношение к т.н. «Good Samaritan clause»[281] («оговорка Доброго самаритянина»).

Концепция «Доброго самаритянина»[282] характерна для законодательства США, и представляет собой комплекс норм, направленных на побуждение субъекта к действиям по поддержанию правопорядка. В аспекте цифрового общества концепция «Доброго самаритянина» подразумевает принимаемые на добровольной основе после мониторинга меры по пресечению распространения незаконного контента[283] и сам мониторинг как таковой.

Данная ситуация имеет две стороны. Во-первых, провайдер, проводящий мониторинг появления незаконного контента на своей платформе может требовать ограничения своей ответственности за наличие такого контента на основании самого факта мониторинга. Во-вторых, активная мониторинговая деятельность провайдера может стать основанием для возложения на него ответственности, поскольку предполагается, что он мог или должен был знать о нарушении каким-либо пользователем правил платформы.

---

[278] Husovec, M. The Digital Services Act’s red line: what the Commission can and cannot do about disinformation. // Journal of Media Law — 2024 — 16(1) — Pp. 47–56. https://doi.org/10.1080/17577632.2024.2362483

[279] Turillazzi, A., Taddeo, M., Floridi, L., & Casolari, F. Указ. соч. Pp. 10 – 11

[280] Cauffman, C., Goanta, C. Указ. соч. P. 765

[281] Wilman, F. Указ. соч. Pp. 6 – 7

[282] Подробнее см. Грушин, Ю. О. Концепция «Доброго самаритянина» и регулирование обязанностей цифровых платформ: опыт США и ЕС / Ю. О. Грушин // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 3(202). – С. 48-51

[283] La Rosa, A., Mazzilli, M. G. Указ. соч.

В ответ на просьбы цифровых платформ и с целью побудить провайдеров посреднических услуг к активной модерации контента, в DSA была сделана попытка разрешить обе указанные проблемы.

В рамках вопроса предотвращения злоупотребления положениями об ответственности со стороны провайдеров следует упомянуть п. 25 Преамбулы, который разъясняет, что основания освобождения провайдеров от ответственности не должны препятствовать возложению ответственности по судебным актам. Этому пункту корреспондируют ч. 3 ст. 4 и 5 и ч. 4 ст. 6 DSA, которые позволяют государственным судебным и административным органам требовать от провайдера предотвращения или прекращения нарушения без учета оснований для освобождения от ответственности. При этом выявление в ходе мониторинга незаконного контента в любом случае повлечет обязанность провайдеров действовать[284].

С другой стороны, чтобы защитить провайдеров, была введена ст. 7 DSA, содержащая громоздкую и не самую ясную для понимания конструкцию, которую можно толковать как не допускающую отказ в праве провайдера на снятие с него ответственности по той причине, что он ведет активный мониторинг пользовательского контента. Дополнительно п. 26 Преамбулы разъясняет, что добросовестный и прилежный мониторинг не должен лишать провайдеров права на освобождение от ответственности[285].

Наконец, можно отметить, что, по мнению некоторых авторов, ряд норм DSA не согласуется с нормами других регламентов и директив ЕС. Например, ст. 22 DSA не согласуется полностью с аналогичными положениями Директивы ЕС о правах потребителей 2011 г. и Директивой ЕС об электронной торговле 2000 г., поскольку провайдеры (маркетплейсы) уже несут в соответствии с ними обязанности по

---

[284] Ibid.

[285] G'sell, F. The Digital Services Act (DSA): A General Assessment // SSRN Electronic Journal — 2023 — Pp. 1 – 33 URL: https://ssrn.com/abstract=4403433 P. 8

раскрытию информации о продавцах на своих платформах, а также имеют давнюю практику верификации продавцов, которая отличается от требований DSA[286, 287].

Таким образом, значение DSA для европейского правопорядка, по нашему мнению, заключается в том, что регламент единообразно регулирует вопросы предоставления посреднических услуг — услуг социальных сетей, публикации фото и видео, покупки товаров, оставлении отзывов и др. Развивая и дополняя положения более ранних союзных актов, например, Директивы ЕС об электронной торговле 2000 г., DSA создает систему контроля за деятельностью провайдеров посреднических услуг — фактически цифровых платформ — которая, с одной стороны, за счет дифференциации обязанностей в зависимости от функционала платформ позволяет справедливо разделить юридическую и организационную нагрузку, чтобы не подорвать экономического положения провайдеров, а с другой — обеспечить защиту прав граждан и юридических лиц.

## 2.4. Первые результаты принятия Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах в Евросоюзе и вовне

### Общие последствия

Хотя прошло относительно не так много времени после введения в силу положений DSA и DMA, уже можно говорить о некоторых результатах, связанных с принятием этих регламентов.

Во-первых, в соответствии со ст. 35 DMA Еврокомиссия обязана ежегодно отчитываться о действиях, совершенных в сфере действия DMA. В марте 2024 г. был опубликован первый отчет о реализации DMA в 2023 г.[288]. В соответствии с

---

[286] Cauffman, C., Goanta, C. Указ. соч. Pp. 765 – 767

[287] Ранее мы определяли это положения в качестве «унаследованных» DSA — на уровне идей. Изучение вопросов коллизии DSA и других актов вторичного права ЕС представляет собой отдельную тему для исследования

[288] Explanatory Memorandum to COM(2024)106 - Annual report on Regulation 2022/1925 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) - Main contents. URL:

ним, в 2023 г. Еврокомиссия признала Alphabet, Amazon, Apple, ByteDance, Meta[289], Microsoft в качестве гейткиперов в отношении 22 основных платформенных сервисов, находящихся под их контролем.

Всего Еврокомиссия получила десять возражений относительно статуса гейткипера, из которых признала обоснованными три (в отношении Gmail, Outlook.com, SIB), столько же отклонила, а по оставшимся начала исследование рынка (iMessage, Bing, Edge, Microsoft Advertising), еще одно исследование было начато в отношении iPadOS в связи с тем, что она не удовлетворяет количественным требования DMA, но тем не менее может выступать в качестве гейтвэя.

В 2024 г. исследование рынка было начато в отношении Google Play и Google Search (Alphabet), App Store и Safari (Apple), модели Meta[290] «плати или соглашайся» («pay or consent») и X[291, 292].

Согласно второму отчету Еврокомиссии, опубликованному в апреле 2025 г.[293], Booking получила статус гейткипера в отношении своей одноименной платформы; ByteDance и X уведомили Еврокомиссию о достижении их сервисами (TikTok Ads и X и X Ads соответственно) пороговых значений, но представили аргументы против присвоения статусов гейткипера, с которыми Еврокомиссия согласилась.

Также на основании проведенных исследований рынка Еврокомиссия приняла решение не присваивать статус гейткипера Apple в отношении iMessage и Microsoft в отношении Bing, Edge и Microsoft Advertising, однако Apple получила

---

https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j4nvhdfdk3hydzq_j9tvgajcor7dxyk_j9vvik7m1c3gyxp/vmbbgkoy4pzo (дата обращения: 14.09.2025)

[289] Meta признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ

[290] Meta признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ

[291] Commission opens non-compliance investigations against Alphabet, Apple and Meta under the Digital Markets Act. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_1689 (дата обращения: 14.09.2025)

[292] Commission designates Booking as a gatekeeper and opens a market investigation into X*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_2561 (дата обращения: 14.09.2025)

[293] Report from the Commission to the Council and the European Parliament. Annual report on Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52025DC0166 (дата обращения: 14.09.2025)

соответствующий статус в отношении iPadOS. Еврокомиссия участвовала (и продолжает участвовать) в делах в Суде ЕС против ByteDance, Meta и Apple, которые оспаривают присвоение им статуса гейткипера. Примечательно, что одновременно Суд ЕС рассматривает иск Opera, оспаривающей решение Еврокомиссии не присваивать статус гейткипера Microsoft в отношении ее веб-браузера Edge — прямого конкурента Opera.

Таким образом, общее число гейткиперов на осень 2025 г. достигло 24 платформ (*Таблица 3*).

В 2023 г. была сформирована Группа высокого уровня по DMA (The High-Level Group for the Digital Markets Act), в которую вошли представители от вспомогательных (по отношению к Еврокомиссии) органов союзного уровня[294]. За 2023 – 2025 гг. в Еврокомиссию поступило тридцать девять уведомлений о слияниях[295]: по двенадцать от Alphabet (Google) и Apple, два от ByteDance, по пять от Microsoft и Amazon, одно от Meta[296]. Останавливаться на них подробнее не будем, тем более что информация по делам Еврокомиссией дана в сжатой форме в целях сохранения коммерческой тайны.

Во-вторых, Еврокомиссией были определен перечень VLOPs и VLOSEs. На декабрь 2025 г. в него входили компании[297], указанные в *Таблице 4*. Т.е. всего двадцать два сервиса/платформы[298] были отнесены к категории VLOP, два — к категории VLOSE. Вопреки ожиданиям некоторых комментаторов, Telegram уже более полутора лет не получает статуса VLOP, как предполагается, по причине

---

[294] High-Level Group for the Digital Markets Act agrees to coordinate efforts to ensure that AI development aligns with the DMA objectives. URL: https://digital-markets-act.ec.europa.eu/high-level-group-digital-markets-act-agrees-coordinate-efforts-ensure-ai-development-aligns-dma-2024-05-23_en

[295] List of Acquisitions. URL: https://digital-markets-act-cases.ec.europa.eu/acquisitions (дата обращения: 14.09.2025)

[296] Meta признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ

[297] Supervision of the designated very large online platforms and search engines under DSA. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/list-designated-vlops-and-vloses (дата обращения: 14.09.2025)

[298] С одной платформы статус был снят в 2025 г., подробнее см. указ. таблицу

манипуляций статистикой со стороны платформы[299]. Все включенные в перечень платформы подали необходимые отчеты в рамках DSA о своей деятельности[300]. Следует отметить, что VLOPs вместе с VLOSEs и гейткиперами представляют собой пересекающиеся, но не совпадающие множества.

Исследователи отмечают[301], что аргументация компаний, оспаривающих присвоение статуса гейткипера, идет по двум основным направлениям:

1) услуга, в отношении которой принято решение Еврокомиссии, по их мнению, является не одной услугой, а совокупностью нескольких услуг. В большинстве случаев Еврокомиссия отклоняет такие аргументы, основываясь на концепции «общей/единой цели», которую преследуют основные услуги платформы;

2) опровержение презумпции влияния на рынке, т.е. в том случае, когда основная услуга платформы соответствует количественным критериям ч. 2 ст. 3 DMA, но при этом не удовлетворяет «обобщенным требованиям» ч. 1 той же статьи. При анализе этих аргументов Еврокомиссия отказывала ByteDance и Meta[302] в связи со слишком абстрактными аргументами и значительным превышением их основными услугами платформы количественных показателей DMA.

Таковы на текущий момент первые итоги реализации DSA и DMA; думаем, не будет ошибкой назвать их оперативными, т.е. предварительными, связанными пока только с процессом становления практики применения положений DSA и DMA, рассмотрению дел Судом ЕС.

**Брюссельский эффект Регламентов**

---

[299] Kroet, C. Telegram still doesn't meet large platform requirements under DSA. URL: https://web.archive.org/web/20250605150647/https://www.euronews.com/next/2024/08/21/telegram-still-doesnt-meet-large-platform-requirements-under-dsa (дата обращения: 14.09.2025)

[300] How the Digital Services Act enhances transparency online. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/dsa-brings-transparency (дата обращения: 14.09.2025)

[301] Caratozzolo, G. The Digital Markets Act in action: analysis of the early practice of the Commission // Fascicolo — 2024 — n. 3 — Pp. 141 – 154. URL: https://rivista.eurojus.it/wp-content/uploads/pdf/The-DMA-in-action-Analysis-of-the-early-practice-of-the-Commission.pdf (дата обращения: 14.09.2025) Pp. 149 – 153

[302] Meta признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ

Необходимо обратить внимание на еще одно важное следствие принятия Регламентов, относящееся к сфере интеграционного права — на т.н. «брюссельский эффект», описанный А. Брэдфорд в 2012 г.[303] Под брюссельским эффектом принято подразумевать то влияние, которое оказывают законодательная и судебная практика ЕС на деятельность затронутых ею субъектов и третьих лиц.

Брюссельский эффект имеет две стороны. Во-первых, субъект, затронутый практикой ЕС (в случае данного исследования — цифровые корпорации), может стандартизировать свою деятельность так, чтобы соблюдать требования законодательства ЕС и в тех случаях, когда речь идет про юрисдикцию других государств, поскольку соблюдение различающихся стандартов для разных регионов/государств увеличивает бюрократическую, а, следовательно и финансовую нагрузку; кроме того, высокие стандарты работают на улучшение имиджа цифровой корпорации (брюссельский эффект де-факто). Отметим, что наличие судебной практики ЕС по каким-то конкретным вопросам деятельности платформ позволяет последним ссылаться на факт уже принимаемых мер в случае правового конфликта с третьими странами по тем же основаниям.

Во-вторых, сами государства, не являющиеся членами ЕС, могут заимствовать положения, а иногда и просто идеи из законодательства и судебной практики ЕС для собственных целей (брюссельский эффект де-юре), например, после признания в 2020 г. Судом ЕС недействительным соглашения ЕС-США о защите конфиденциальности данных, уполномоченный Швейцарии по защите данных и информации заявил, что аналогичное соглашение Швейцария-США также нарушает федеральное законодательство страны[304].

---

[303] Niestadt, M., Reichert, J. The global reach of the EU's approach to digital transformation. European Parliamentary Research Service. — 2024. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/757632/EPRS_BRI(2024)757632_EN.pdf (дата обращения: 14.09.2025). P. 2

[304] Christakis, T. ‘European Digital Sovereignty’: Successfully Navigating Between the “Brussels Effect” and Europe’s Quest for Strategic Autonomy // Multidisciplinary Institute on Artificial Intelligence/Grenoble Alpes Data Institute, e-book — 2020 — Pp. 1 – 103. URL: https://ssrn.com/abstract=3748098. P. 21

Можно выделить три фактора, порождающие брюссельский эффект: огромный потребительский рынок ЕС (З. Мейерс (Z. Meyers) уточняет, что вопрос не столько именно в размере рынка или экономики, сколько в статусе важного импортера услуг и товаров[305]); проработанное законодательство с высокими требованиями, которое выгоднее применять в большей или меньшей степени единообразно, независимо от юрисдикции; лоббирование (в силу тех или иных причин, например, глобальной привлекательности европейских ценностей) стандартов ЕС в третьих странах заинтересованными группами[306].

Логично, что DMA и DSA, в силу значимости своего предмета регулирования, имеют потенциал оказать брюссельский эффект.

Исследовательская служба Европейского парламента (European Parliamentary Research Service) по состоянию на январь 2024 г. относительно DSA и DMA отмечает, что брюссельский эффект Регламентов проявляется в обязанности цифровых корпораций, ведущих бизнес в ЕС, соблюдать его, даже если они не имеют юридического лица в Союзе (ст. 2 DSA и ст. 1 DMA соответственно). Также имеются параллели положений DMA и DSA с положениями Закона о безопасности в Интернете (Online Safety Act), принятого британским Парламентом в октябре 2023 г., и Закона о цифровых рынках, конкуренции и потребителях (Digital Markets, Competition and Consumers Bill), принятым в мае 2024 г. соответственно[307].

В *Таблице 5* мы собрали небольшое количество информации о, как считается, влиянии брюссельского эффекта на развитие законодательства государств за пределами ЕС. Как можно видеть, некоторая степень влияния, вероятно, присутствует, однако оговоримся, что не каждый такой акт действительно вдохновлен европейским законодательством — в условиях глобализации, более-менее единых взглядов на концепцию прав человека (применительно к европейской цивилизации), рыночной экономики неудивительно совпадение подходов к

[305] Meyers, Z. If the “Brussels effect” fades in tech markets, the EU will only have itself to blame — 2025. URL: https://www.cer.eu/in-the-press/if-“brussels-effect”-fades-tech-markets-eu-will-only-have-itself-blame (дата обращения: 14.09.2025)
[306] Christakis, T. Указ. соч. P. 15
[307] Niestadt, M., Reichert, J. Указ. соч. Pp. 7 – 9

регулированию, особенно в базовых аспектах. Действительно глубокий анализ брюссельского эффекта требует рассмотрения актов третьих стран в контексте их правового, политического и экономического развития и выходит за пределы настоящей работы.

Относительно DSA М. Гусовец (M. Husovec) и Дж. Урбан (J. Urban) отмечают, что ожидаемый брюссельский эффект регламента снижается рядом аспектов:

- некоторые положения DSA, например, касающиеся изменения рекомендательных систем, могут быть локализованы; т.е., во всех случаях, когда организационно и финансово возможно разделить рынки (условно, на евро-атлантический и «для всех остальных»), корпорации это сделают;
- другие положения являются сложными для реализации, практическими уникальными для ЕС, требующими наличия специфических институтов; например, это касается возможностей обжалования блокировки или удаления пользовательского контента, внесудебного урегулирования споров[308].

В положительном ключе авторы указывают на возможность предоставления независимым исследователям доступа к необработанным данным платформ, а таже на возможность расширения практики предоставления цифровыми корпорациями отчетов о прозрачности[309], однако, по нашему мнению, такие отчеты вряд ли будут предоставляться в странах, где они не требуются законодательством, особенно с учетом сложности процесса подготовки таких отчетов. М. Гусовец (M. Husovec) и Дж. Урбан (J. Urban) также указывают, что «наиболее амбициозные положения DSA, вероятно, окажут незначительное влияние на другие страны, если только эти страны не примут аналогичные законы»[310]. Отдельно, конечно, следует подчеркнуть, что брюссельский эффект, реализуемый в деятельности цифровых корпораций, может вступить в противоречие с нормативно-правовыми актами

---

[308] Мы в данном вопросе настроены несколько более оптимистично, см. третий параграф третьей главы

[309] Husovec, M., Urban, J. Will the DSA have the Brussels Effect? — 2024 URL: https://verfassungsblog.de/will-the-dsa-have-the-brussels-effect/ (дата обращения: 14.09.2025)

[310] Ibid.

третьих государств, в частности, такой вариант прогнозировался в случае США, особенно некоторых штатов[311].

Отмечается, что не всеми заинтересованными лицами брюссельский эффект воспринимается положительно, и предпринимаются попытки предотвратить его, в частности, ссылками на давно известную проблему «регулирование vs. прогресс»[312], которая поддерживается или отвергается в зависимости от политико-экономических взглядов конкретных исследователей. Другая проблема, возможно, связана с тем, что брюссельский эффект из побочного явления превратился в цель законотворчества ЕС, поскольку воспринимается в качестве способа экспорта демократических ценностей Союза[313]. В целом, подрыв первого и наиболее важного из указанных выше факторов — значимости в качестве импортера — крайне серьезно может ударить по брюссельскому эффекту, отбросив с точки зрения третьих лиц (иностранных исследователей и законодателей) положения европейского законодательства в категорию «интересных, но не более, идей». Для самого ЕС такая ситуация может привести к ослаблению цифрового сектора, в т.ч. его потребительской части, поскольку цифровые корпорации (в первую очередь, те же гейткиперы) найдут способ переложить издержки от соблюдения европейского законодательства на европейских же потребителей[314].

Таким образом, Регламенты явно обладают определенным потенциалом для проявления брюссельского эффекта вне границ Евросоюза, однако, с другой стороны, жесткость и специфика положений Регламентов может стать препятствием для реализации брюссельского эффекта, а оценка его действительного влияния сопряжена с серьезными трудностями для исследователя

---

[311] Nunziato, D.C. The Digital Services Act and the Brussels Effect on Platform Content Moderation. URL: https://cjil.uchicago.edu/print-archive/digital-services-act-and-brussels-effect-platform-content-moderation (дата обращения: 14.09.2025)

[312] Görgen, J. Brussels Effect Under Attack: Fatigue, Digital Fallacies, and Reinvention. URL: https://www.techpolicy.press/brussels-effect-under-attack-fatigue-digital-fallacies-and-reinvention/ (дата обращения: 14.09.2025)

[313] Meyers, Z. Указ. соч.

[314] Ibid.

и, вероятно, может с большим успехом осуществляться спустя несколько лет после принятия Регламентов.

Как можно было видеть, принятие DMA и DSA стало итогом долгих трудов по анализу кризисных явлений и тенденций в экономической сфере, анализу судебной практики и разработки ответов на вызовы, стоящие перед ЕС. Надо понимать, что ни DMA, ни DSA не призваны были стать какими-то глубокими, прорывными актами, проложить какой-то уникальный путь (хотя по своему содержанию они, конечно, весьма прогрессивные); их цель — предложить вариант решения накопившихся в цифровой сфере проблем, заложить или укрепить некий базис регулирования, продолжить дело создания Единого рынка, продвижения основных прав и свобод и поиска пути к цифровому суверенитету. Только время и практика применения покажут, удалось ли европейским законодателям сделать это. Тем не менее, представляется, что их опыт будет заимствоваться и адаптироваться другими странами, хотя бы в целях контроля за деятельностью огромных цифровых корпораций, цифровых платформ и экосистем.

Главное же преимущество данных актов для государств-членов заключается в защите Единого рынка от дефрагментации— если они будут работать так, как задумано авторами, а Институтам ЕС удастся обеспечить единство правового поля.

Можно отметить, что, на наш взгляд, DMA более ориентирован на создание процедуры присвоения статуса гейткипера и контроля за его деятельностью, в то время как положения DSA реализуются через систему уже существовавших и новых субъектов; возможно, это связано с тем, что DMA носит более инновационный характер, в то время как DSA опирается частично на уже существующую нормативную базу и формирует систему лиц для ее реализации.

**Формирование актуального правового режима**

Завершая данную главу, мы должны вернуться к вопросу правового режима цифровых рынков и цифровых услуг в ЕС. Как можно было наблюдать в процессе исследования DMA и DSA, регламенты вводят новые и требуют изменения уже существующих процедур, механизмов, институтов, закладывая фундамент для дальнейшего регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков

и цифровых услуг. Уже в первой главе мы предполагали, что принятие Регламентов свидетельствует о продолжающемся формировании нового правового режима, теперь мы можем быть в этом уверены; но какие же черты ему присущи?

Либертарианский подход к регулированию, от которого ЕС начал постепенно отходить еще с середины 2010-х гг., вероятно, будет заменен дирижизмом, поскольку готовность руководства ЕС к вмешательству в цифровую экономику только укрепилась; правоцентричность остается основным принципом правового режима. Направленность на достижение цифрового суверенитета обозначилась отчетливо; возможно, справедливо некоторые авторы считают, что очищенный от слоев ритуальных фраз о правах, свободах и рыночной экономике подход ЕС к регулированию цифровых рынков и цифровых услуг сводится к желанию не проиграть цифровую гонку (а значит, окончательно утратить геополитические позиции) КНР и США[315].

Кроме того, В. Папаконстантину (V. Papakonstantinou) и П. де Герт (P. De Hert) выделяют три ключевых характеристики, отличающие формирующийся правовой режим цифровых технологий в ЕС в последние годы: «актофикация» (act-ification), «подражание GDPR» (GDPR mimesis) и «жесткое регламентирование» (regulatory brutality)[316].

Под «актофикацией» авторы понимают предрасположенность Еврокомиссии к сокращенному наименованию регламентов с использованием слова «акт», что можно было заметить и в рамках настоящего исследования. Процесс этот, как предполагается, не случаен и покоится на нескольких соображениях законотворцев.

Во-первых, сокращение наименований, в целом, характерно именно для регламентов, и использование слова «акт»[317] может указывать на оценку Еврокомиссией их в качестве «настоящих законов», не требующих имплементации государствами-членами. Во-вторых, это может быть столь же верно и для граждан ЕС, поскольку, как утверждается авторами, «акт» любым европейцем

---

[315] Jacobides, M.G. Указ. соч. P. 14

[316] Papakonstantinou, V., De Hert, P. P. 48

[317] Вспомним, например, о Habeas Corpus Act и иных законах Великобритании и США, имеющих в своем наименовании «act»

воспринимается синонимично слову «закон», минуя национальную правовую номенклатуру и местную правовую культуру[318]. Это предположение представляется нам как минимум спорным, учитывая, что сокращенное наименование Регламентов отличается в зависимости от государственного языка конкретного государства-члена, и не в каждом таком случае используется термин «act».

В-третьих, наличие сокращенного наименования может поспособствовать повышению осведомленности населения о самом факте существования регламентов, как это было в случае с GDPR[319, 320]. Несмотря на кажущуюся наивность этой идеи, на самом деле она может действительно приниматься в расчет Еврокомиссией в рамках обеспечения большей легитимности ее деятельности[321].

В-четвертых, значительное число регламентов, носящих в своем наименовании слово «акт» (в частности, Регламенты, ставшие ключевыми для настоящего исследования»), были приняты именно для регулирования отношений в сфере цифровых технологий[322], что подчеркивает особое внимание, уделяемой этой сфере Еврокомиссией.

Под «подражанием GDPR» подразумевается подражание GDPR с точки зрения терминологии, материальной составляющей[323] и заложенной институциональной системы, т.е. «имитирующий акт» должен соответствовать системе «*уникальный понятийно-категориальный аппарат*, включающий в себя активного и пассивного субъектов, процесс их взаимодействия и промежуточное вспомогательное звено-субъект, плюс *установление общих принципов и норм* плюс *организационная система для мониторинга соблюдения акта*»[324].

К «подражательным» актам автор относит Регламент ЕС о данных, Регламент ЕС об управлении данным и Регламент ЕС об искусственном интеллекте; DSA и

---

[318] Papakonstantinou, V., De Hert, P. P. 51
[319] Ibid.
[320] Опустим тот факт, что GDPR был на слуху не только и не столько из-за удобной аббревиатуры, сколько из-за своей значимости
[321] В качестве примера важности легитимации решений см. первый параграф второй главы о правовой основе Регламентов
[322] Papakonstantinou, V., De Hert, P. P. 50
[323] В источнике имеется в виду материальное право (substantive law)
[324] Papakonstantinou, V., De Hert, P. Pp. 52 – 53, курсив наш, для удобства восприятия

DMA исключены из этого перечня, как имеющие собственную предысторию (в рамках развития, например, Директивы ЕС об электронной торговле 2000 г.)[325]. На самом деле, не исключено, что именно в этом суждении авторами и была неочевидно для них самих раскрыта сущность т.н. «подражания» GDPR: это, по сути, просто наследование идеям предыдущих актов, показатель эволюционного развития.

«Жесткое регламентирование», которое можно было бы скорее наименовать «решительным», подразумевает использование в качестве основы правового режима цифровых рынков и цифровых услуг регламентов, которые вводят новый понятийно-категориальный аппарат, новые правовые механизмы и процедуры в правовые системы государств-членов, в определенной степени игнорируя сложившиеся у них правовые традиции. Такой подход оправдывается сложившейся ситуацией: государства-члены просто не имеют «конкурирующего» законодательства и, соответственно, связанных с ним механизмов и институтов, что приводит к регулированию «сверху вниз» и, фактически, нарушению принципа субсидиарности в отношении компетенции ЕС (ст. 5 ДЕС)[326].

Таким образом, складывающийся правовой режим цифровых рынков и цифровых услуг в ЕС призван стать юридической основой, обеспечивающей гармоничный союз частной инициативы рынка, нарастающего государственного (наднационального) вмешательства в экономику и защиты фундаментальных прав человека и гражданина в рамках ответа на всеобъемлющие вызовы цифровизации.

[325] Ibid. P. 54
[326] Ibid. Pp. 56 – 57

# ГЛАВА 3. ЗНАЧЕНИЕ РЕГЛАМЕНТА ЕС О ЦИФРОВЫХ РЫНКАХ И РЕГЛАМЕНТА ЕС О ЦИФРОВЫХ УСЛУГАХ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕАЭС

## 3.1. Правовые аспекты развития общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг в Российской Федерации

Настоящая работа была бы неполной без анализа возможности адаптации и интеграции отдельных положений DMA и DSA в российское законодательство, а также в законодательство Евразийского экономического союза, членом которого является Россия. Однако, прежде чем делать выводы о возможности или невозможности заимствования, требуется рассмотреть предпосылки такого заимствования, подобно тому, как мы рассматривали предпосылки принятия DMA и DSA в третьем параграфе первой главы. Это необходимо для понимания того, есть ли совпадения в вызовах, которые стоят перед ЕС, Россией и ЕАЭС в сфере цифровой экономики.

Двумя крупными источниками информации о тенденциях развития цифровой экономики России являются аналитические отчеты Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК) и НИУ «Высшая школа экономики» (последняя также подготавливает отдельные отчеты совместно с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее — Минцифры) и Федеральной службой государственной статистики (далее — Росстат)[327]).

Аналитические отчеты РАЭК о состоянии цифровой экономики России публикуются с 2011 г. на основании исследования данных по семи хабам (направлениям): «Финансы и торговля», «Инфраструктура и связь», «Маркетинг и реклама», «Медиа и развлечения», «Государство и общество», «Кибербезопасность», «Образование и кадры». Анализ последних отчетов по

[327] Росстат — Сборники, URL: https://53.rosstat.gov.ru/science_2 (дата обращения: 14.09.2025)

состоянию на 2024 г., в т.ч. актуального отчета «Экономика Рунета / Цифровая экономика России 2023/2024»[328], свидетельствует о следующем.

Статистические данные указывают на постоянный и значительный прирост цифровой экономики России по сравнению как с 2022 г., так и с более ранними периодами, причем прирост идет как по сфере в целом, так и по отдельным отраслям. Основным драйвером с большим отрывом является отрасль электронной коммерции (15895 млрд руб.), на втором месте — маркетинг и реклама (564 млрд руб.). Следует отметить, что на показатели роста повлияли следующие факторы: рост от «низкой базы», вызванной общим падением экономики в 2022 г.; инфляция, которая не учитывается при определении показателей экономики за 2023 г. (Росстат оценил инфляцию за 2023 г в 7,42%[329]); а также общая геополитическая ситуация, импортозамещение и др. В целом, РАЭК также прогнозирует рост объема экономики Рунета как в целом, так и по отдельным отраслям.

Проанализированные данные по сектору цифровой коммерции демонстрируют, что доля граждан, покупающих что-либо онлайн чаще одного раза в год, выросла до 67%, при этом российский рынок прочно удерживают Озон, Wildberries и ЯндексМаркет — все они зафиксировали рост общего объема оборота товаров по сравнению с 2022 г. Доля трансграничной торговли в объеме интернет-торговли в России составляет 3% (причем, по сравнению с 2022 г. рост не в относительных — 3% против 4% — а в абсолютных показателях — 197 млрд против 117 млрд).

Драйверами развития продолжают оставаться государственные инфраструктурные проекты, однако в цифровой экономике в целом они постепенно уступают частной инициативе.

С точки зрения правового регулирования, цифровая экономика в 2022 – 2025 гг. характеризуется усилением давления государства на сферу, в первую

---

[328] Экономика Рунета / Цифровая экономика России 2023/2024, URL: https://raec.ru/activity/analytics/9884/ (дата обращения: 14.09.2025)

[329] Росстат оценил инфляцию в РФ в 2023 году в 7,42%, URL: https://www.interfax.ru/business/940012 (дата обращения: 14.09.2025)

очередь в области рекламы, запрещенного контента, контроля за операторами цифровой инфраструктуры, деятельности иноагентов, иностранных мессенджеров, использования VPN, а также, частично, в антимонопольной сфере.

На стадии обсуждения находятся другие проекты, ужесточающие правила поведения в цифровой среде. Полагаем, тенденция на запретительный и ограничительный характер регулирования цифровой сферы очевидна, что, видимо, отражает общемировую тенденцию, запущенную еще в 2000-х гг. Китаем. В случае Российской Федерации, следы этой тенденции можно найти и в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы», где в пп. о), п), р) и с) п. 26 прямо указано, что «для формирования информационного пространства знаний» (неизвестно, почему некоторые из этих вопросов отнесены именно к пространству знаний) необходимо создать систему обнаружения, предотвращения, ликвидации «угроз информационной безопасности граждан»; совершенствовать механизмы ограничения доступа и удаления запрещенной российским законодательством информации; механизмы контроля за деятельностью СМИ и тех средств доступа к информации, которые могут быть отнесены к СМИ; и, наконец, принять меры для распространения «достоверной и качественной информации российского производства».

Из актуальных проблем относительно деятельности маркетплейсов А.В. Онищук, президент Ассоциации РАТЭК, в комментариях к Проекту Федерального закона «О платформенной экономике в Российской Федерации»[330] отметил значительный рост объемов контрафактной продукции после формирования системы параллельного импорта и отсутствие возможности у правообладателей и потребителей защищать свои права; отсутствие механизмов защиты интересов продавцов и владельцев пунктов вывоза товаров; использование незаконных схем налоговой оптимизации при торговле через маркетплейсы; сокращение доли продаж в оффлайн-торговле из-за неравных конкурентных

[330] См. в следующем параграфе

условий (примечательно, что еще в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» защита интересов организаций, осуществляющих оффлайн-торговлю, была указана в качестве национального интереса (пп. и), к) п. 42)).

О.Б. Иваненко, А.О. Степанова, А.И. Ковалев по состоянию на 2021 г. выделяли такие вызовы цифровизации в России, как отсутствие надлежащей законодательной базы, низкая цифровая грамотность, в т.ч. недостаток квалифицированных кадров, и отставание в развитии конкурентоспособных технологий[331].

На уровне официальных публичных мероприятий также были отмечены тенденции и проблемы. На Петербургском международном экономическом форуме 2024 (ПМЭФ 2024) основными проблемами цифрового развития в России были названы бюрократизация, отсутствие законодательной базы и неравномерность территориального развития[332]. Е.А. Жаркова по состоянию на 2022 г. также указывала на «цифровое неравенство» регионов[333]. Заметим, что как минимум две из этих проблем — бюрократизация и неравномерность территориального развития — свойственны и ЕС.

Таким образом, цифровая экономика России стоит перед рядом вызовов, основными из которых являются недостаток нормативного регулирования, кадровый голод, риск отставания от передовых стран в сфере цифрового развития, необходимость в сбалансированной защите прав и интересов всех заинтересованных лиц: операторов цифровых платформ, продавцов онлайн и оффлайн секторов[334], владельцев пунктов выдачи заказов, потребителей и

---

[331] Иваненко, О.Б., Степанова, А.О., Ковалев, А.И. Тенденции цифровизации экономики России // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий — 2021 — 10(2) — С. 60-66

[332] Развитие цифровой экономики в регионах России. Потенциал и перспективы. URL: https://forumspb.com/news/news/razvitie-tsifrovoj-ekonomiki-v-regionah-rossii-potentsial-i-perspektivy/ (дата обращения: 14.09.2025)

[333] Жаркова, Е.А. Цифровая экономика России в контексте развития глобальной цифровой экономики / Е. А. Жаркова // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. – 2022. – № 4(15). – С. 69-79. – С. 77

[334] Подробнее см. ниже применительно к разрабатываемым законопроектам

государства. Проблемными остаются вопросы, связанные с порядком обработки персональных данных — в условиях развития т.н. «экономики данных» — и импортозамещения.

Продолжая сравнение тенденций развития цифровизации России и ЕС, мы должны вернуться к теме цифрового суверенитета. Поскольку с теоретической точки зрения данный вопрос нами уже был рассмотрен в третьем параграфе первой главы, мы считаем возможным перейти сразу к конкретике.

По показателю *производственной базы* полупроводников, Евросоюз, вероятно, несколько превосходит Россию, по крайней мере, по количеству предприятий. В то же время, вопрос специализации этих предприятий требует отдельного исследования. Как сообщалось отечественными СМИ, наложенные западными странами санкции не нанесли урона по «специализированному» (т.е. военному) сектору[335], т.е. по крайней мере, в этой отрасли следует предполагать наличие хоть сколько бы то ни было развитого производства. Другой вопрос, какие потери понесли компании двойного или гражданского назначения в результате этих санкций. М.Б. Добробаба, А.В. Минбалеев отмечают, что введение санкций стало стимулом для развития российского IT-рынка при поддержке государства[336], но это утверждение требует отдельной проверки.

В вопросе *цифровой инфраструктуры* Россия, на наш взгляд, имеет определенное преимущество. Во-первых, в российской цифровой экономике уже действует ряд национальных (насколько это возможно в глобальном мире) цифровых платформ: Озон, Wildberries, Яндекс, Сбер, ВКонтакте, Mail.ru и др., которые после 2022 г. при поддержке государства вытеснили западные корпорации и частично заместили их на российском рынке. Во-вторых, можно предполагать, что в Евросоюзе государствам-членам будет непросто выработать компромиссное решение по инвестированию в цифровые платформы из-за необходимости определиться с платформами для инвестирования, поскольку, вероятно, многие

---

[335] Исакова, Т. Указ. соч.

[336] Добробаба, М. Б., Минбалеев, А.В. Выработка правовых средств адаптации к санкционным мерам в сфере ИТ-сектора // Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки — 2024 — 17(6) — С. 1047–1066. С. 1064

государства-члены смогут предложить свой собственный (национальный) вариант. Прямая поддержка каких-либо европейских корпораций представляется маловероятной, но не исключенной, поскольку, учитывая стоящие перед Евросоюзом вызовы и традиционно сильный социальный элемент в экономике, мы вправе ожидать более решительного вмешательства Еврокомиссии и национальных правительств в рыночную экономику, моральное обоснование чего было подготовлено системным кризисом эпохи Covid-19.

О гонке в сфере ИИ уже было достаточно сказано выше. Отметим только, что среди и российских, и зарубежных ученых имеет место молчаливый консенсус, суть которого в исключении России из мирового противостояния по вопросам ИИ[337, 338, 339]. Руководство Российской Федерации, очевидно, придерживается подобной же оценки: в Указе Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» отмечено, что Россия только «обладает существенным потенциалом», чтобы достичь уровня государств-лидеров в области ИИ — Китая и США (п. 12 и 17(10)).

По *инвестиционным возможностям* Евросоюз решительно превосходит Россию, поскольку имеет большой единый рынок, гарантирует свободу предпринимательства, имеет репутацию интеграционного объединения с высокими стандартами защиты прав и свобод человека и гражданина. С этим же связан один из главных недостатков России в данном сравнении: достаточно скромный *внутренний рынок* — 146 млн населения против 450 млн населения у ЕС. При этом, в силу ряда понятных причин, продукты развития цифровых технологий в ЕС имеют больше шансов на масштабирование в мире, чем отечественные.

Достижение цифрового суверенитета Россией требует, как и в случае ЕС, глубокого планирования: уже в Доктрине информационной безопасности отмечен

---

[337] Красиков, Д.В. Указ. соч. С. 257

[338] Юдина, Т.Н. Неклассические войны: технологическая война между США и КНР за лидерство во внедрении «искусственного интеллекта» в экономику / Т.Н. Юдина, П.С. Шмелев- Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №6. – С. 75-89. С. 76

[339] Данилин, И.В. Развитие цифровой экономики США и КНР: факторы и тенденции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2019 — Т. 12. — № 6. — С. 246–267.

высокий уровень зависимости России от иностранных цифровых технологий, что, в свою очередь обусловливает и геополитическую зависимость от производителей таких технологий (п. 17). Там же указано что одним из основных направлений обеспечения информационной (цифровой) безопасности в экономической сфере является ликвидация такой зависимости за счет развития отечественного цифрового сектора (п. 25).

При этом необходимо сделать выбор между возможным масштабированием цифровых корпораций за пределами государства и их замкнутостью на национальную цифровую экономику, между попыткой построения автаркии в отрасли производства микросхем и встраиванием в глобальную экономику в качестве критически важного элемента цепочки поставок. Анализ документов стратегического планирования — Доктрины информационной безопасности РФ и Указа Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» (далее — Стратегия развития информационного общества) — свидетельствует, что руководство Российской Федерации рассматривает сценарии усиления ряда цифровых корпораций в России с последующей их экспансией в мире.

На это указывают п. 25 Доктрины информационной безопасности РФ, который определяет в качестве направлений обеспечения информационной (цифровой) безопасности увеличение доли инновационной цифровой продукции в структуре экспорта страны (пп. а) и б)), и п. 37, 38, 43 Стратегии развития информационного общества, указывающие на необходимость продвижения российских цифровых технологий на внутренних и внешних рынках. Особенно интересным в указанных пунктах является готовность руководства России допустить создание экосистем («крупных российских организаций в сфере информационных и коммуникационных технологий») и кросс-отраслевых консорциумов, которые будут «лидировать» на внутреннем и внешних рынках. Из этого можно сделать вывод, что в рамках Стратегии развития информационного общества существование нескольких цифровых корпораций в формате олигополии

не только допустимо, но и прямо желательно, что не может не осложнить будущее регулирование деятельности этих корпораций.

При сравнении с предпосылками принятия DMA и DSA в ЕС заметны некоторые совпадающие тенденции, например, разноскоростная интеграция (так, в сельской местности России, как и в ЕС, существуют проблемы с высокоскоростной связью), запаздывающий характер нормативного регулирования, использование специальных правовых режимов[340], противодействие монополизации цифрового рынка, поиски путей достижения цифрового суверенитета. Имеются, конечно, и характерные преимущественно для России тенденции, связанные с особенностями экономического и правового развития, например, проблема импортозамещения и противодействия санкционному давлению; — в целом, можно предполагать, что специфические тенденции связаны больше именно с текущей геополитической обстановкой, чем с какими-то фундаментальными различиями на экономическом и социальном уровнях, которые делали бы невозможной саму идею адаптации и интеграции идей европейского законодателя.

Соответственно, сравнивая правовой режим цифровых рынков и цифровых услуг с правовым режимом в ЕС, мы можем отметить их сходства в общем плане: Российская Федерация тоже двигалась от либертарианского подхода в отношении регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг к дирижизму, ужесточению контроля. В текущий момент мы можем наблюдать сворачивание цифровых свобод под предлогом защиты прав граждан, обеспечения цифрового суверенитета и т.д., что приближает складывающийся в Российской Федерации правовой режим к китайским практикам[341] (тем более, экспорт «китайской модели» управления Интернетом не является секретом). Очевидно, мы находимся в моменте эволюции правового режима в сторону в большей или меньшей степени тотального контроля и ограничений, вызванного как

[340] Информацию об экспериментальных правовых режимах, например, в сфере ИИ в России см. Данельян, А. А. Юридические аспекты регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации / А. А. Данельян, Е. Н. Трикоз, Е. Е. Гуляева // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2021. – № 1. – С. 29-38. – EDN BVUBCQ., С. 32 – 33

[341] Подробнее про китайскую модель см. Bradford, A. Указ. соч.Pp. 82 – 85 и далее

упомянутыми, так и оставшимися за пределами настоящего исследования причинами.

Таким образом, стоящие перед Россией вызовы в сфере цифровой экономики требуют грамотного планирования и управления для их преодоления, при этом сходство тенденций развития цифровой экономики и правового регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг в ЕС и России позволяет допустить возможность интеграции некоторых адаптированных положений законодательства ЕС в российское законодательство.

В заключение подчеркнем, что еще одной задачей, по крайней мере, с точки зрения нормативного регулирования, является осмысление категорий цифровой экономики и цифровых платформ, к которому должны привлекаться и заинтересованные стороны. Без такого осмысления, полагаем, эффективное правовое регулирование не будет возможным.

## 3.2. Цифровая политика ЕАЭС и возможности адаптации и интеграции отдельных положений и идей Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах на евразийском уровне

Данное исследование было бы неполным без анализа возможности адаптации и интеграции положений DMA и DSA на уровне Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС). Прежде чем перейти, собственно, к вопросам интеграции, сделаем несколько замечаний относительно развития цифровизации на уровне ЕАЭС.

Цифровизация экономики рассматривается ЕАЭС в качестве движущей силы экономического роста и пути формирования глобального центра экономической силы. Кроме того, цифровизация должна расширить возможности государства,

бизнеса и частных лиц на основе безопасной и качественной цифровой инфраструктуры как в государствах-членах, так и на территории всего ЕАЭС[342].

Идея внесения цифровизации в повестку деятельности ЕАЭС была высказана в 2015 г. на первом заседании Президиума Делового совета ЕАЭС, после чего ее поддержала Евразийская экономическая комиссия (далее — ЕЭК)[343, 344]. В 2016 г. ЕЭК в лице рабочей группы приступила к выработке предложений по формированию цифрового пространства, определив в качестве приоритетов развитие нормативно-правовой базы ЕАЭС и гармонизацию законодательства государств-членов; формирование единого цифрового пространства ЕАЭС; цифровизацию трансграничного взаимодействия между государственными и частными субъектами; осуществление проектов цифровой трансформации ЕАЭС и экономик государств-членов[345].

По итогам деятельности рабочей группы была разработана и 11 октября 2017 г. принята Решением № 12 Высшего Евразийского экономического совета Цифровая повестка ЕАЭС.

Целями Цифровой повестки ЕАЭС названы ускорение процессов передвижения капиталов, товаров, услуг и трудовых ресурсов («четырех свобод», по аналогии с ЕС); создание инновационных рабочих мест; развитие экономики, в т.ч. и ее цифровизация; включение хозяйствующих субъектов в различные цифровые системы (платформы); формирование «собственного центра силы» на пространстве ЕАЭС и, соответственно, участие ЕАЭС в формировании уже глобальной цифровой (и, фактически, мировой) повестки и др.

Механизмами достижения целей выступают выработка компетенций, использование концепции регуляторной «песочницы», разработка инициатив и их

---

[342] Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации. Совместный доклад Группы Всемирного банка и ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/864/Obzor-VB.pdf (дата обращения: 14.09.2025). С. 1

[343] Сборник Цифровая повестка ЕАЭС 2016-2019-2025, подготовленный Евразийской экономической комиссией, 2019 г. URL: https://digital.eaeunion.org/upload/medialibrary/085/Сборник Цифровая повестка ЕАЭС 02-12-19 РАЗВОРОТЫ.pdf (дата обращения: 14.09.2025). С.7

[344] Сборник Цифровая повестка ЕАЭС 2016-2019-2025… С.9

[345] Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года… С. 1

реализация в дальнейшем государствами членами. В качестве основных направлений развития государствами-членами ЕАЭС были избраны цифровая трансформация отраслей экономики и межотраслевая трансформация (т.е. взаимодействие меж отраслями посредством цифровых платформ); цифровая трансформация рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы; цифровая трансформация управления интеграцией; развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищенности цифровых процессов.

Следует отметить, что в Договоре о ЕАЭС[346] отсутствуют специальные нормы, касающиеся вопросов цифровой экономики, что неудивительно, учитывая время его подписания, поэтому в качестве правовой основы для принятие решений в области цифровой политики авторами нормативно-правовых актов ЕАЭС используются ссылки на ст. 23 Договора о ЕАЭС, которая определяет возможность информационного обеспечения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, и на положения Протокола об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза[347].

Исследователи выделяют следующие особенности процессов цифровой трансформации в ЕАЭС[348]:

- использование программных документов, проектного метода и установление взаимосвязи между интеграционными целями и цифровой трансформацией;
- наличие противоречий между мероприятиями на уровне ЕАЭС и на национальном уровне;

---

[346] Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // СПС «Консультант Плюс». Текст Договора опубликован на Правовом портале Евразийского экономического союза (https://docs.eaeunion.org), на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)

[347] Приложение № 3 к Договору о Евразийском экономическом союзе // СПС «Консультант Плюс»

[348] Махмудова, Г. Н. Проблемы формирование цифровой экономики в странах ЕАЭС / Г. Н. Махмудова, Н. Ф. Гуломова // Интеллектуальная платформенная экономика: тенденции развития : Монография / Под редакцией А.В. Бабкина. – Санкт-Петербург : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого" — 2023. – С. 10-48. – С. 35 – 40

- отсутствие на интеграционном уровне нормативного правового документа, регламентирующего принципы и правила оборота данных в рамках ЕАЭС;
- существование четкой последовательности в проведении цифровой трансформации в ЕАЭС[349];
- ориентация подходов в цифровой трансформации, в первую очередь, на услуги и сервисы с большим потребительским спросом[350];
- создание цифровых платформ в первую очередь в промышленности;
- создание связанных с интеграцией институтов (например, интеграционных центров компетенций);
- развитие системы Big Data[351] на уровне ЕАЭС.

Значительно большую информацию можно подчерпнуть из документов Фонда цифрового развития[352] Евразийского банка развития (далее — ЕАБР), в которых отражены выявленные сотрудниками Дирекции цифровых инициатив ЕАБР или поступившие от заявителей проекты, уже действующие и имеющие потенциал масштабирования на пространстве ЕАЭС (реализуемые проекты) или находящиеся на стадии идеи (перспективные проекты). На конец 2024 г.

---

[349] Не столь однозначная позиция, если принять во внимание итоги реализации Цифровой повестки ЕАЭС, см. ниже

[350] Это объясняется, если речь идет о межгосударственной торговле, скорее насущной необходимостью цифровизации межгосударственных торгово-транспортных связей, а в случае внутригосударственных платформ, ориентированных на потребительские услуги — обычной логикой рыночный экономики

[351] «Большие данные» определяются через перечисление их признаков, число которых постепенно растет. Тремя первыми и ключевыми являются большой объем данных, их разнообразие и высокая скорость изменения. Подробнее о Big Data и их регулировании см., например, Талапина Э.В. Большие данные и права человека: на пути к правовому регулированию // Государство и право. - 2023. - №7. - С. 129-138

[352] Фонд цифровых инициатив ЕАБР (ФЦИ ЕАБР) создан в июне 2020 года. Цель Фонда — оказание содействия в формировании инструментов и практик цифровой трансформации государств — участников ЕАБР, в том числе путем интеграции информационных ресурсов и участия в разработке и финансировании проектов. Флагманским проектом ФЦИ стало приложение «Путешествую без COVID-19», успешно применяемое в 9 странах СНГ

насчитывалось 49 реализуемых проектов[353] и 38 перспективных проектов[354]; но следует оговориться, что речь идет зачастую о проектах частного, а не национального или союзного уровней.

Не совсем понятно, какое количество проектов было профинансировано ЕАБР на текущий момент. Опираясь на данные с официального сайта, судя по всему, всего девять[355]: «Работа в ЕАЭС», «Путешествую без Covid-19», Национальная цифровая инвестиционная платформа в Казахстане, система ЭПТС (электронного паспорта транспортного средства) в Киргизии, Международная теле-реабилитационная цифровая платформа ATTILAN, ForumVR (платформа виртуальной реальности для различной деятельности), Международная платформа развития навыков и профессий indp.org, ювелирный маркетплейс, платформа для бизнеса в сфере легкой промышленности «BEE-Online.ru». Упоминания других проектов можно найти в новостной ленте на сайте Фонда цифрового развития ЕАБР — проекта электронного правительства GovStack[356], трех проектов в сфере цифрового образования, геоаналитики и геомаркетинга[357] и проекта по использованию водных ресурсов в Казахстане[358]. А.В. Дашкевич упоминает о 50

---

[353] Реестр реализуемых проектов ЕАБР. URL: https://fci.eabr.org/upload/reestr_real_project_160924.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

[354] Реестр перспективных проектов ЕАБР. URL: https://fci.eabr.org/upload/reestr_perspective_project_160924.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

[355] Проекты ФЦИ. URL: https://fci.eabr.org/projects/ (дата обращения: 14.09.2025)

[356] Фонд цифровых инициатив Евразийского банка развития (ФЦИ ЕАБР) предоставил грантовое финансирование для реализации международного проекта GovStack в странах СНГ. URL: https://fci.eabr.org/press/news/fond-tsifrovykh-initsiativ-eabr-vydelil-grant-na-razvitie-tsifrovogo-gosudarstvennogo-upravleniya-v-/ (дата обращения: 14.09.2025), примечательно, что реализуется в сотрудничестве с правительствами стран, признанными Россией недружественными

[357] ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», ООО «Платформа Третье Мнение» и ООО «Центр пространственных исследований» стали победителями Конкурса цифровых проектов Фонда цифровых инициатив Евразийского банка развития (ФЦИ ЕАБР). URL: https://fci.eabr.org/press/news/zdravookhranenie-obrazovanie-i-prostranstvennye-dannye-opredeleny-pobediteli-konkursa-tsifrovykh-pro/ (дата обращения: 14.09.2025)

[358] Фонд цифровых инициатив ЕАБР предоставил грантовое финансирование для создания национальной инфраструктуры. URL: https://fci.eabr.org/press/news/fond-tsifrovykh-initsiativ-eabr-predostavil-grantovoe-finansirovanie-dlya-sozdaniya-natsionalnoy-inf/ (дата обращения: 14.09.2025)

инициативах в сфере цифровизации в ЕАЭС, однако проверить эту информацию не удалось[359].

В Сборнике Евразийской экономической комиссии за 2019 г.[360] приводится перечень множества цифровых проектов на уровне государств-членов и ЕАЭС в целом; последние представляют для нас особый интерес, однако следует оговориться, что с момента публикации сборника прошло уже 6 лет, так что информация серьезно потеряла в актуальности:

1. Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий — в 2024 г. планировалось проработать подходы к переформатированию проекта[361], что, очевидно, подразумевает определенную неудачу в его реализации;

2. проект цифровизации «Международного железнодорожного транспортного коридора ЕАЭС» — в процессе осуществления, но, судя по всему, далек от завершения[362];

3. проект «Цифровой Евразийский транспортный коридор» — с 2020 г. функционирует концерн[363], продолжается развитие транспортной инфраструктуры[364];

4. проект «Мониторинг транзитных перевозок» — полностью начнет функционировать в 2025 г. или в ближайшие годы[365];

---

[359] Дашкевич, А. В. Особенности развития цифровой экономики государств - членов ЕАЭС / А. В. Дашкевич // Тенденции экономического развития в XXI веке : материалы V Международной научно-практической конференции. В. 2 ч., Минск, 01 марта 2023 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2023. – С. 96-99. С. 97

[360] Сборник Цифровая повестка ЕАЭС 2016-2019-2025…

[361] На международной выставке «Иннопром» в Екатеринбурге состоялось заседание Совета по промышленной политике ЕАЭС. URL: https://eec.eaeunion.org/news/na-mezhdunarodnoy-vystavke-innoprom-v-ekaterinburge-sostoyalos-zasedanie-soveta-po-promyshlennoy-pol/ (дата обращения: 14.09.2025)

[362] Доклад «Евразийский транспортный каркас», 2024 г. URL: https://eabr.org/upload/iblock/6ce/Evraziyskiy-transportnyy-karkas.pdf (дата обращения: 14.09.2025) С. 133 – 136

[363] Digital Transport Corridors Ecosystem. URL: https://dtce.ru/ (дата обращения: 14.09.2025)

[364] ЕАЭС развивает евразийские транспортные коридоры. URL: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-razvivaet-evraziyskie-transportnye-koridory/ (дата обращения: 14.09.2025)

[365] Страны ЕАЭС реализуют соглашение о применении навигационных пломб для отслеживания перевозок до 31 мая. URL: https://index1520.com/news/strany-eaes-realizuyut-soglashenie-o-primenenii-navigatsionnykh-plomb-dlya-otslezhivaniya-perevozok-/ (дата обращения: 14.09.2025)

5. унифицированная система поиска «Работа без границ» — функционирует[366];

6. регуляторные песочницы — предположительно, не функционируют; А.А. Ефремов, В.Н. Южаков констатировали, что по состоянию на 2021 г. соответствующие нормативные акты на уровне ЕАЭС приняты не были[367];

7. Соглашение об обороте данных в Союзе — в 2022 г. ЕЭК приступила к «практической работе над соглашением», с тех пор новости отсутствуют[368];

8. Интегрированная информационная система Евразийского экономического союза — находится в разработке, в 2025 г. в России велись работы по обеспечению подключения России к Интегрированной информационной системе[369];

9. цифровой сервис «Надежный контрагент ЕАЭС» — как минимум, на 2022 г. продолжал разрабатываться, поскольку был внесен в перечень перспективных проектов Фондом цифровых инициатив Евразийского банка развития[370]. Более информации найти не удалось.

Н.Ю. Сопилко, О.Ю. Мясникова отмечают, что разработка евразийской электронной биржи труда, цифровой платформы для контроля товарного оборота, цифровой системы транспортных коридоров ЕАЭС продолжается[371]. А. Ефремов критически констатирует, что за время работы проектного офиса Евразийской экономической комиссии в него «было подано девяносто восемь цифровых

---

[366] Система поиска «Работа без границ». URL: https://trudvsem.ru/landing-rbg (дата обращения: 14.09.2025)

[367] Ефремов, А.А. Оценка результативности и эффективности экспериментального регулирования в сфере цифровых инноваций / А. А. Ефремов, В. Н. Южаков // Информационное общество. – 2021. – № 3. – С. 41-50. С. 136

[368] В ЕАЭС приступили к практической работе над соглашением об обороте данных. URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-pristupili-k-prakticheskoj-rabote-nad-soglasheniem-ob-oborote-dannyh-/ (дата обращения: 14.09.2025)

[369] Российские власти потратили на цифровизацию Евразийского экономического союза более полумиллиарда рублей. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-01-13_rossijskie_vlasti_potratili (дата обращения: 14.09.2025)

[370] Отчет о деятельности Фонда цифровых инициатив Евразийского банка развития в 2021 году. URL: https://fci.eabr.org/upload/report_fci_2021_19.01.2022.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

[371] Сопилко, Н.Ю. Основные тренды цифровой трансформации экономики государств ЕАЭС / Н. Ю. Сопилко, О. Ю. Мясникова // Вопросы региональной экономики. – 2021. – № 2(47). – С. 207-213.

инициатив, из которых одобрено одиннадцать, а до стадии непосредственной реализации дошло только четыре»[372].

В целом, можно констатировать, что информация о союзных проектах ЕАЭС не отличается большой конкретикой, что не позволяет и уверенно судить об их успешности. Соответственно, оценить реализацию Цифровой повестки ЕАЭС также затруднительно.

На основании имеющихся статистических показателей исследователи указывают на наличие тройки лидеров в лице России, Белоруссии и Казахстана, и пары отстающих, в лице Армении и Киргизии. Х. Чан указывает, что наибольший вклад цифровой экономики в общее экономическое развитие наблюдается в России, Казахстане и Белоруссии[373]; чуть иначе порядок стран в Глобальном инновационном индексе — Армения несколько выше в рейтинге, чем Казахстан[374]; И.В. Новикова, А.В. Равино также отмечают опережающее развитие России, Казахстана и Белоруссии[375]. Армения при этом лидирует по показателям цифрового правительства (e-government), программа которого осуществляется совместно с ЕС. Важно отметить, что разрыв между странами может считаться сопоставимым и оценивается как «не слишком препятствующий» развитию кооперации в данной сфере[376]. Открытость экономик позволяет глобальным игрокам выходить на рынки государств-членов ЕАЭС[377], хотя после начала СВО это в первую очередь

---

[372] Ефремов, А. Цифровая интеграция ЕАЭС: в тупике или на распутье? URL: https://globalaffairs.ru/articles/czifrovaya-integracziya-eaes/ (дата обращения: 14.09.2025)

[373] Чан, Х. Анализ согласованности и координации цифровой экономики и высококачественного экономического развития в странах ЕАЭС / Х. Чан // Фотинские чтения - 2023 (осеннее собрание) : Сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Ижевск, 23–25 ноября 2023 года. – Ижевск: Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, 2024. – С. 265-273. С. 270

[374] Дашкевич, А.В. Указ. соч. С. 98

[375] Новикова, И. В. Оценка статистических показателей для выявления угроз развития цифровой экономики на уровне интеграционной группировки ЕАЭС / И. В. Новикова, А. В. Равино // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. – 2024. – № 1(280). – С. 5-15. С. 10 – 13

[376] Аваева, Д.С. Актуальные направления правового обеспечения развития цифровой экономики в ЕАЭС / Д. С. Аваева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 11, № 2(155). – С. 39-48. С. 16

[377] Ibid. С. 21 – 22

характерно для Армении, Киргизии и Казахстана, которых не коснулись санкции стран Запада.

Поскольку мы уже начали говорить о проблемах цифровизации экономики в ЕАЭС, следует осветить этот вопрос подробнее. Исследователями называется достаточно много проблем, при этом их оценки временами совпадают:

1. серьезную роль в цифровом развитии ЕАЭС играет Фонд цифрового развития ЕАБР; для исследователей он интересен в том числе в контексте изучения актуальных проектов в сфере цифровизации ЕАЭС. Анализ эффективности деятельности Фонда цифрового развития ЕАБР и значимости поддержанных им проектов выходит за рамки настоящего исследования, однако мы не можем не отметить, что подход фонда к поддержке проектов, основанный на масштабировании[378], кажется нам не самым лучшим. Масштабирование, как представляется, касается в первую очередь проектов, которые уже начали действовать, т.е. финансирование ЕАБР направлено на расширение их объемов производства, сферы деятельности, территории охвата и т.д. В то же время очевидно, что многие перспективные проекты могут просто не добраться до этого этапа развития. Возможно, следовало бы скорректировать поддержку ЕАБР цифровых инициатив на территории ЕАЭС путем создания венчурного фонда с государственно-частным капиталом, который финансировал бы проекты на их ранней стадии и впоследствии, в случае удачного развития проекта, продавал бы свой пакет акций, переходя к следующему циклу финансирования. На текущий же момент цифровые проекты преимущественно развиваются внутри государств-членов и не имеют выхода на общесоюзный уровень;

2. Д.С. Аваева в качестве основных недостатков политики ЕАЭС по развитию цифровых рынков указывает на отказ от разработки единой политики в сфере цифровизации экономики на уровне ЕАЭС — эта деятельность была делегирована национальным правительствам. Кроме того, был наложен запрет на реализацию мероприятий Цифровой повестки, если они препятствуют

[378] О фонде цифровых инициатив ЕАБР, URL: https://fci.eabr.org/about/ (дата обращения: 14.09.2025)

осуществлению соответствующей национальной политики, а сами проекты ограничены сферами экономического сотрудничества, определенными Договором о ЕАЭС[379]. В.Б. Криштаносов дополнительно отмечает, что по ряду направлений цифровизации администрирующими органами выступают, в отличие от ситуации в ЕС, национальные органы в рамках межведомственного взаимодействия[380], т.е. институты ЕАЭС фактически изначально отстранены от реализации Цифровой повестки;

3. к барьерам на пути цифровизации относят и несогласованность нормативно-правового регулирования как между законодательствами государств-членов, так и внутри отдельных государств-членов, например, в сферах защиты интеллектуальной собственности, телекоммуникационных услуг[381]. На уровне ЕАЭС отмечается отсутствие единой политики в сфере защиты прав потребителей на цифровом рынке[382];

4. остаются риски не просто проникновения — поскольку они уже это сделали — а укрепления иностранных цифровых платформ и сервисов на цифровых рынках государств-членов ЕАЭС[383]. Предполагаем, что ответ надо искать в развитии национальных экосистем, в совершенствовании антимонопольного законодательства и практики его применения;

5. достаточно критичным представляется недостаток единых цифровых платформ на уровне ЕАЭС. Создание межгосударственных цифровых платформ тормозится, что препятствует формированию единого цифрового пространства ЕАЭС. Более того, это создает условия для проникновения (закрепления и доминирования) иностранных платформ в цифровое пространство ЕАЭС, а

---

379 Аваева, Д.С. Указ. соч. С. 39 – 48

380 Криштаносов, В.Б. Формирование институциональной экосистемы цифровой экономики в ЕС и ЕАЭС: сравнительный анализ // Социальные новации и социальные науки : [электронный журнал]. – 2022. – № 2. – С. 140–154. С. 152

381 Подробный анализ ситуации, например, в секторе финансовых услуг см. Лифшиц, И.М., Смбатян, А.С. Правовые аспекты формирования общего биржевого пространства ЕАЭС в свете наилучших практик интеграционных объединений // Lex russica. — 2025. — Т. 78. — № 5. — С. 113–129

382 Сопилко, Н. Ю. Указ. соч.

383 Ibid.

конкретно — в государственные информационные системы, что может создать риски для политической сферы государств-членов[384]. В целом, корректно говорить о формировании ряда общесоюзных платформ, действующих по принципе «единого окна» — подобно уже упомянутой выше платформе по поиску вакансий;

6. многочисленные проблемы были выявлены и при реализации мероприятий уже самой Цифровой повестки[385].

Две проблемы цифровизации ЕАЭС следует обсудить отдельно.

Во-первых, в аналитике Всемирного банка регулярно встречаются ссылки на «аналоговую» и «цифровую» «основы» цифровизации в ЕАЭС. К первой относятся государственные институты, правовые основы, навыки[386], эффективное руководство, политический и общественный консенсус, подготовленные кадры и последовательная государственная политика. Ко второй, следовательно, относятся различные цифровые процессы, технологии и пр. Авторами доклада указывается, что без развития «аналоговых» основ цифровизация будет пробуксовывать, необеспеченная инновационными управленческими и правовыми решениями[387].

Примерно такую ситуацию, предсказанную[388] авторами доклада, мы, вероятно, и наблюдаем в текущий момент: «аналоговые» основы оказались недостаточно разработанными, чтобы осуществить Цифровую повестку ЕАЭС в полной мере. Следует заметить, что «цифровая» основа способна развиваться более или менее успешно и в отсутствие развитой «аналоговой» основы — просто в серой зоне, на основании чисто рыночных законов и тенденций, а в случае интеграционных образований — в чисто национальном секторе экономики. Однако в такой ситуации не стоит ждать каких-то значимых прорывов, особенно в короткий промежуток времени и на общесоюзном уровне.

---

[384] Шиманская, А.В. К вопросу о формировании цифровых платформ ЕАЭС в контексте мировых процессов цифровой трансформации экономики / А. В. Шиманская // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 29-36. С. 30

[385] Аваева, Д.С. Указ. соч. С. 1

[386] Ibid. С. 4

[387] Ibid. С. 16

[388] Доклад был подготовлен к 2018 г.

Во-вторых, в том же докладе говорится о двух возможных сценариях: в одном случае Цифровая повестка осуществляется на национальном уровне, в другом — в дополнение к национальному уровню идет и комплексное взаимодействие на уровне ЕАЭС[389]. Вероятно, именно ориентация государств-членов ЕАЭС на первый вариант стала одновременно и причиной, и следствием неудач в реализации Цифровой повестки ЕАЭС. Отказ от разработки и осуществления единой политики, делегирование развития проектов государствам-членам привело к фактически бездействию ЕАЭС в сфере цифровизации. Именно это могло послужить одной из причин недостаточной проработки «аналоговых» основ цифровизации.

Можно ли было избежать такой ситуации? Вероятно, нет, поскольку решение о самостоятельной реализации Цифровой повестки ЕАЭС можно предполагать согласованным на уровне руководителей государств-членов. Кроме того, ЕАЭС представляется весьма «мягким» интеграционным объединением по сравнению с «жестким» Евросоюзом; его руководящие органы не обладают достаточной политической субъектностью и авторитетом, чтобы оспорить решения руководителей государств-членов. Как справедливо отмечают исследователи, интеграция отличается от координации/кооперации переходом от «выгодного, но необязательного сотрудничества к истинной синергии, основанной на единстве целей и ценностей <…> с отступлением таковых [государств-членов] от своих суверенных прав»[390], к чему государства-члены ЕАЭС, по-видимому, не готовы.

Негативный опыт реализации Цифровой повестки ЕАЭС должен быть учтен при разработке следующей повестки на ближайшие 5 – 7 лет. Срок действия актуальной как раз истекает в 2025 г., но пока новостей о следующей не много: известно, по крайней мере, что она разрабатывается[391] и, видимо, будет переориентирована на развитие интеграционной информационной

---

[389] Аваева, Д.С. Указ. соч. С. 1

[390] Безбородов, Ю.С., Понаморенко, В.Е., Лунёв, А.А. Валютная интеграция евразийских государств: от протокооперации к симбиозу и обратно // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 1. С. 32–41. С. 39

[391] Цифровую повестку ЕАЭС 2.0 обсудят на ЕЭФ-22, URL: https://eec.eaeunion.org/news/tsifrovuyu-povestku-eaes-2-0-obsudyat-na-eef-22/ (дата обращения: 14.09.2025)

системы[392].Такой подход, по нашему мнению, можно приветствовать: возможно, сосредоточение усилий ЕАЭС на создании общесоюзных платформ для обмена данными позволит заложить основу и для других проектов в сфере цифровизации.

После обсуждения проблем нам следует вернуться к вопросу, поставленному в начале параграфа: может ли ЕАЭС заимствовать какие-то положения DMA и DSA для собственных нужд? Как можно было видеть выше, процесс реализации Цифровой повестки ЕАЭС имеет ряд особенностей, отличающих его от реализации соответствующей политики в ЕС, в частности, ЕЭК обладает куда меньшими полномочиями, опытом и политическим весом, чем Еврокомиссия, интеграционный элемент в ЕАЭС гораздо менее связывающий, нормативно-правовая система ЕС более комплексная и т.д. Естественно, различается и экономическое, и политическое положение государств-членов ЕАЭС по сравнению с государствами-членами ЕС. Тем не менее, думаем, не будет ошибкой утверждать, что тенденции развития цифровой экономики, обозначенные нами в предыдущих параграфах, в большей степени совпадают для обеих групп государств.

Во-первых, логичным выглядит разработка неких общих подходов к — пока только лишь — отслеживанию деятельности цифровых платформ в государствах-членах для понимания, кто из таковых занимает доминирующие позиции и в каком секторе, как проводит слияния и поглощения, какую политику на цифровом рынке осуществляет. Это, как мы уже неоднократно говорили выше, позволит подготовить статистическую, материальную, фактическую базу для последующего более детального правового регулирования цифровых платформ.

Во-вторых, возможно, полезно было бы закрепить на уровне ЕАЭС единообразные минимальные обязательные требования или рамочные стандарты по регулированию деятельности цифровых платформ в государств-членах. Вероятно, к ним можно было бы отнести контроль за слияниями, вопросы защиты

---

[392] В ЕАЭС началось переформатирование цифровой повестки, URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-nachalos-pereformatirovanie-tsifrovoy-povestki-/ (дата обращения: 14.09.2025)

прав потребителей (пользователей), особенно в условиях трансграничной торговли, некоторые обязательства по поддержанию конкуренции.

В-третьих, можно было бы создать на уровне ЕАЭС аналог Европейского совета по цифровым услугам, пусть и совсем с другим кругом полномочий, скорее ориентированным на анализ развития цифровой экономики в странах ЕАЭС и разработке мер по реализации следующей Цифровой повестки, а также дальнейшим контролем за реализацией Повестки. В будущем его полномочия, при желании государств-членов, можно было бы расширить.

В-четвертых, хотя этот пункт не имеет прямого отношения к DMA и DSA, ЕАЭС, очевидно, нуждается в каком-то аналоге европейского GDPR, т.е. рамочного соглашения по данным. Переговоры на эту тему проходили в период реализации Цифровой повестки ЕАЭС, но, судя по всему, они не привели к конкретному результату. Между тем, в условиях развития интегрированной информационной системы (особенно, если она станет основой для следующей Цифровой повестки) и роста национальных платформ, экосистемы которых выходят за пределы национальных границ, повышается потребность в координации общих подходов к защите персональных данных, сбору, обработке и прочим манипуляциям с данными. Такое рамочное соглашение должно содержать рекомендации и требования, обеспечивающие минимально возможный уровень одинакового регулирования защиты данных в национальных законодательствах — замечено, что «методология «минимальных стандартов» в условиях свободы национального регулирования может оказаться действенной»[393].

В целом, учитывая разницу в глубине интеграции между ЕАЭС и ЕС, из DMA и DSA можно заимствовать лишь немногие положения, в т.ч. и потому, что они имеют весьма специфический предмет регулирования — речь идет уже не столько о цифровых платформах вообще, сколько о самых крупных и влиятельных. Кроме того, как указано выше в подпараграфе, посвященном «брюссельскому эффекту»,

[393] Мажорина, М.В. Киберпространство и методология… С. 245

государства-члены ЕАЭС, вероятно, интегрируют отдельные положения DSA и DMA самостоятельно, на уровне национального законодательства.

Рассматривая правовое регулирование цифровизации в ЕАЭС мы не можем оставить без внимания некоторые вопросы, касающиеся политической составляющей этого процесса — в определенной степени мы уже затрагивали их, когда говорили о желании государств-членов самостоятельно реализовывать проекты данной сфере. Говоря конкретнее, мы должны попытаться ответить на вопрос: нужно ли государствам-членам ЕАЭС нормативно-правовое регулирование и согласование воль на уровне союза?

Первый аспект здесь связан с тенденцией цифровых платформ к преодолению государственных границ, факты чего мы неоднократно приводили в настоящем исследовании. На текущий момент в ЕАЭС складывается следующая ситуация: на рынке некоторых стран присутствуют как национальные, так и глобальные цифровые корпорации, с рынка других — России — иностранные платформы активно вытесняются в целях укрепления монопольного положения национальных платформ. Последние, в свою очередь, имеют предпосылки к экспансии, по крайней мере, на пространстве ЕАЭС, и, как мы отмечали при анализе актов стратегического планирования, такая экспансия с точки зрения руководства России желательна.

Из этого следует, что, с одной стороны, принятие мер против монополистов в других государствах-членах ЕАЭС для российских цифровых платформ не выгодно — их шансы попасть в категорию, аналогичную гейткиперам Евросоюза весьма велики. С другой стороны, эти государства могут поддерживать и собственных, национальных монополистов, которые теоретически будут (должны) сдерживаться антимонопольным законодательством — однако у национальных государств всегда будут оставаться способы вытеснения иностранных (в т.ч., для них — российских) платформ с цифрового рынка. В этом контексте регулирование цифровых платформ в ЕАЭС, вероятно, должно идти по такому пути, который не создавал бы препятствий для российских корпораций, хотя задача эта видится трудновыполнимой.

Второй аспект затрагивает чисто юридическую сторону вопроса: Ю.С. Безбородов, В.Е. Понаморенко, А.А. Лунёв указывают, что, например, в сфере правового регулирования финтеха из пяти государств-членов ЕАЭС три (Белоруссия, Казахстан и Киргизия) опираются на международный опыт (т.е. стремятся к б***о***льшему единообразию), в то время как Российской Федерацией избран собственный оригинальный подход в регулировании[394]. Не исключено, что детальное рассмотрение других возможных сфер интеграции, включая цифровые рынки, также выявит расхождения, тем более критичные, что ряд государств-членов как в приведенном выше примере могут *уже* ориентироваться на действующие международные стандарты нормативно-правового регулирования, что значительно снижает в их глазах ценность евразийской интеграции. Тем не менее, эта проблема теоретически преодолима и, возможно, как раз путем согласования регулирования на уровне ЕАЭС с доминирующими, перспективными или наиболее эффективными образцами международного опыта.

Третий аспект касается стратегической (и даже геополитической) роли цифровых платформ в экономике и политике. По нашему мнению, цифровые платформы можно условно приравнять к оружию — как в военном, так и в информационно-идеологическом плане; цифровые корпорации – к производителям вооружений. Цифровые технологии вполне могут выступать технологиями двойного назначения, годными как для боевых действий, так и для гражданской жизни; более того, у этих технологий есть даже своя отдельная сфера применения – киберпространство — где уже происходят ожесточенные противостояния, включаемые в рамки т.н. «гибридной войны»[395]. Не случайно в п. 21 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации кибервойна рассматривается как стратегическая угроза национальной безопасности.

В такой ситуации ориентация на какие-то иностранные платформы, фаворитизм в пользу отдельных цифровых корпораций может свидетельствовать о

---

[394] Безбородов, Ю.С., Понаморенко, В.Е., Лунёв, А.А. Валютная интеграция евразийских государств: от протокооперации к симбиозу и обратно // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 1. С. 32–41. С. 38

[395] Подробнее см., например, анализ противостояния Китая и США в Юдина, Т.Н. Указ. соч.

выборе определенного политического курса. В условиях противостояния крупных держав, небольшие государства, не имеющие значительного веса в политике и мировой экономике, зачастую проводят гибкую политику. Предполагаем, это так же верно для как минимум трех государств ЕАЭС: Казахстана, Киргизии и Армении — эти государства вряд ли пожелают иметь на своем цифровом рынке в качестве доминирующих цифровых корпораций российские.

Например, Евросоюз является главным торговым партнером Казахстана по объему торговли, а также выступает первым иностранным инвестором для казахстанской экономики, в т.ч. реализуя ряд стратегических проектов в Казахстане[396]; кроме того, Казахстан сотрудничает с НАТО[397, 398]. Для Армении Евросоюз также выступает основным донором, оказывающим техническую и финансовую помощь для реализации Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между ЕС и Арменией[399]; в 2025 г. Парламент Армении проголосовал за запуск процесса вступления Армении в ЕС[400]. Известно и о сотрудничестве Армении с НАТО[401].

Эти факты свидетельствуют о, мягко говоря, многовекторности политики некоторых государств-членов ЕАЭС; вероятно, если Армения желает в будущем присоединиться к ЕС, то для нее в приоритете будет реформирование законодательства в сфере цифровой экономики под стандарты Евросоюза, а не сотрудничество по данному вопросу в рамках ЕАЭС. Очевидно, что в отсутствие

---

[396] The European Union and Kazakhstan. URL: https://www.eeas.europa.eu/kazakhstan/european-union-and-kazakhstan_en (дата обращения: 14.09.2025)

[397] Relations with Kazakhstan. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49598.htm (дата обращения: 14.09.2025)

[398] Kazakh ambassador presents credentials to NATO Secretary General. URL: https://qazinform.com/news/kazakh-ambassador-presents-credentials-to-nato-secretary-general-212bf5 (дата обращения: 14.09.2025)

[399] Armenia. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/armenia/ (дата обращения: 14.09.2025)

[400] Armenia’s Uncertain Path to Europe. URL: https://www.zois-berlin.de/en/publications/zois-spotlight/armenias-uncertain-path-to-europe (дата обращения: 14.09.2025)

[401] Relations with Armenia. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_48893.htm (дата обращения: 14.09.2025)

политического консенсуса между государствами-членами любые серьезные меры по реализации будущей Цифровой повестки ЕАЭС будут затруднены.

Таким образом, реализация как настоящей, так и будущей Цифровой повестки ЕАЭС сопряжена со множеством сложностей и, хотя и может нести в себе какие-либо адаптированные элементы законодательства ЕС, такое заимствование явно не стоит на повестке цифрового развития ЕАЭС. Специфика институциональной организации и сферы действия ЕАЭС как интеграционного объединения влияет и на реализацию Цифровой повестки, обусловливает особенности развития цифровой экономики как в государствах-членах ЕАЭС, так и в Евразийском союзе в целом.

## 3.3. Возможности адаптации и интеграции положений и идей Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах в российское законодательство

### Российское законодательство в сфере цифровой экономики

Прежде чем говорить о возможности интеграции того или иного положения DMA и DSA в российское законодательство, следует в общих чертах обозначить уже имеющийся уровень правового регулирования.

На лето 2025 г. единого акта или ряда более-менее специализированных актов, регулирующих сферу цифровой экономики в Российской Федерации, не было; регулирование осуществляется на общих основаниях посредством норм ряда законов, хотя имеется и ряд более специализированных актов.

Правоотношения продавца товара и маркетплейса регулируются рядом статей Гражданского кодекса РФ[402] (далее — ГК РФ), например, ст. 1005 ГК РФ, ст. 1235 – 1239 ГК РФ, ст. 779 – 783.1 ГК РФ и др.[403] Правоотношения с

[402] СЗ РФ от 29 января 1996 г. N 5 ст. 410, СЗ РФ от 3 декабря 2001 г. N 49 ст. 4552

[403] Шендрик, П.В. Теоретические особенности функционирования маркетплейсов / П.В. Шендрик // Международный научно-исследовательский журнал. — 2022. — №10 (124). — URL: https://research-journal.org/archive/10-124-2022-october/10.23670/IRJ.2022.124.36 (дата обращения: 17.01.2025).

покупателем регулируются Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей»[404] (далее — ЗоЗПП), обязанности в соответствии с которым несут как продавец, так и маркетплейс — каждый в своей части. Судебная практика в данном аспекте непостоянна[405]. В 2019 г. были внесены изменения в ЗоЗПП, которые определили правовой статус и обязанности товарных агрегаторов в сети Интернет, в число которых попали и известные маркетплейсы[406], кроме того, на маркетплейсы, как и на цифровые платформы вообще, распространяются положения Закона «О защите конкуренции», в первую очередь введенные Пятым антимонопольным пакетом[407].

В сфере защиты персональных данных следует отметить Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[408], который обязует организаторов распространения информации в интернете, т.е. цифровые платформы, хранить и предоставлять информацию о пользовательских сообщениях, контенте и пользователях по требованию правоохранительных органов[409].

А.В. Шелепов, О.И. Колмар со ссылкой на Концепцию общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы»[410] разделяют регулирование цифровых платформ в Российской Федерации на три направления[411]:

---

[404] Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 9 апреля 1992 г., № 15, ст. 766

[405] Маркетплейсы: как регулируется их работа в России, URL: https://pravo.ru/story/239011/ (дата обращения: 14.09.2025)

[406] Киселева, Л.Ю. Интернет-торговля и особенности ее правового регулирования // Научные записки молодых исследователей. — 2021. — №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-torgovlya-i-osobennosti-ee-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 29.12.2024).

[407] Подробнее см. Грушин, Ю. О. Комментарий к содержанию…

[408] Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ от 31 июля 2006 г. N 31 (часть I) ст. 3448

[409] Акбердина, В.В. Нормативно-правовое законодательство как способ регулирования деятельности цифровых платформ / В. В. Акбердина, А. З. Барыбина, Е. А. Никулина // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 1(60). – С. 20-25. С. 22

[410] Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы». URL: https://economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/koncepciya_21052021.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

[411] Шелепов, А.В., Колмар, О.И. Указ. соч. С. 113 и далее

- направление защиты прав потребителей, к которому относится ЗоЗПП, включающий, помимо упомянутого выше определения агрегаторов, требования к агрегаторам о маркировке товаров средствами идентификации и об исключении условий договора, ущемляющих права потребителей;
- направление антимонопольного регулирования, в основе которого лежит Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[412] (далее — Закон «О защите конкуренции») и активная, фактически прецедентная, практика Федеральной антимонопольной службы (далее — ФАС);
- направление саморегулирования цифровых платформ.

Полагаем возможным поддержать точку зрения авторов, что регулирование цифровых платформ в Российской Федерации на текущий момент представляет собой соединение уже имеющегося законодательства, путем его экстраполяции на новые общественные отношения, и точечного регулирования за счет правовых новелл, которых постепенно становится все больше.

Далее мы считаем необходимым обратить внимание на ряд законопроектов в сфере цифровой экономики, которые на текущий момент находятся на разных стадиях законотворческого процесса.

В сентябре 2023 г. в Госдуму был внесен Законопроект № 445923-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации" и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей"»[413] (далее — Законопроект № 445923-8). В Законопроекте предполагается ввести в Федеральный закон от 28 декабря 2009 года № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»[414] определения

---

[412] Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ от 31 июля 2006 г. N 31 (часть I) ст. 3434

[413] Законопроект № 445923-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации" и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей"», URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/445923-8 (дата обращения: 14.09.2025)

[414] Федеральный закон от 28 декабря 2009 года № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ от 4 января 2010 г. N 1 ст. 2

маркетплейса, владельца маркетплейса, продавца товаров, пункта вывоза заказов (ПВЗ), владельца пункта вывоза заказов и личного кабинета (применительно к продавцам и владельцам ПВЗ), а также дополнить его ст. 11.1, регулирующей взаимодействие между владельцем маркетплейса, продавцом и владельцем ПВЗ. Одновременно в ЗоЗПП предлагается внести изменения, позволяющие потребителю предъявлять требования только самому маркетплейсу.

Законопроект получил ряд критических отзывов от Комитета Госдумы по промышленности и торговле, Правительства Российской Федерации и по итогам общественной экспертизы Общественной палаты; со стороны Ozon было высказано мнение, что принятие законопроекта в текущем виде поставит под угрозу существование бизнес-модели маркетплейсов в принципе[415].

Чуть позже, в марте 2024 г., уже другой группой депутатов был внесен Законопроект № 568223-8 «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации"»[416] (далее — Законопроект № 568223-8). Авторы законопроекта в целях регулирования отношений в сфере торговли на маркетплейсах предлагают ввести в законодательство понятия электронной торговли, агрегатора информации о товарах (и отдельно — агрегатора информации о товарах, занимающего значимое положение на рынке), пункта выдачи заказов и его владельца и др., причем в этих целях предполагается принять отдельный федеральный закон. Также в соответствии с законопроектом устанавливаются требования к содержанию договоров агрегатора с продавцом и владельцем пункта выдачи заказов, права и

---

[415] В Ozon в депутатском законопроекте увидели угрозу гибели всей бизнес-модели. URL: https://www.interfax.ru/russia/929575 (дата обращения: 14.09.2025)

[416] Законопроект № 568223-8 «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации"». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/568223-8 (дата обращения: 14.09.2025)

обязанности последних, и требования к организации и осуществлению деятельности агрегаторов информации о товарах.

Законопроект получил небольшие критические замечания от Комитета Госдумы по промышленности и торговле и подвергся серьезной критике со стороны Государственно-правового управления Администрации Президента в связи с низким качеством юридической техники и противоречием части норм действующему законодательству[417].

Со слов депутата Д. Гусева (одного из авторов Законопроекта № 445923-8) известно, что другими депутатами готовится еще один (т.е. третий) законопроект, в котором маркетплейсы регулируются как IT-платформы, получивший положительные отзывы от цифровых платформ. Некие свои идеи имеются и у ФАС, но она пока не представила законопроекта[418]. На конец 2024 г. ни один из указанных выше законопроектов не добрался до первого чтения; на конец 2025 г. Законопроект № 445923-8 был отклонен в первом чтении, а Законопроект № 568223-8 был отозван субъектом законодательной инициативы.

В группу законопроектов, регулирующих цифровые платформы, можно включить и, по-видимому, упущенный исследователями Законопроект № 679980-8 «О внесении изменений в статью 9 Федерального закона "О персональных данных" и статью 10 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей"»[419]. В рамках интересующего нас аспекта, законопроект запрещает маркетплейсам (агрегаторам) ограничивать доступ потребителей к сервису в связи с отказом тех предоставить свои персональные данные. Как отмечается в пояснительной записке, на текущий момент некоторые агрегаторы запрашивают персональные данные пользователя для предоставления доступа к информации о товарах и услугах

---

[417] Власти раскритиковали законопроект о маркетплейсах, URL: https://pravo.ru/news/252805/ (дата обращения: 14.09.2025)

[418] Четыре законодательные инициативы о маркетплейсах сошлись врукопашную, URL: https://www.comnews.ru/content/234383/2024-07-19/2024-w29/1007/chetyre-zakonodatelnye-iniciativy-o-marketpleysakh-soshlis-vrukopashnuyu (дата обращения: 14.09.2025)

[419] Законопроект № 679980-8 «О внесении изменений в статью 9 Федерального закона "О персональных данных" и статью 10 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей"», URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/679980-8 (дата обращения: 14.09.2025)

независимо от того, будут ли такие товары и услуги приобретаться, что ведет к избыточному сбору персональных данных, в т.ч. для сторонних целей.

В отличие от предыдущих, данный законопроект с рядом изменений был принят Госдумой в третьем чтении 10.06.2025 г., Советом Федерации 18.06.2025 г. и был подписан Президентом и опубликован 24.06.2025 г. Очевидно, такой точечный (если не сказать — пока недостаточно обстоятельный и объемный) подход к регулированию деятельности маркетплейсов вызвал меньше претензий со стороны заинтересованных лиц и способствовал прохождению первого чтения (хотя проект также получил ряд критических замечаний, особо ценные из которых были сделаны Комитетом Госдумы по промышленности и торговле).

Далее, в ноябре 2024 г. Минэкономразвития представило для общественного обсуждения Проект Федерального закона «О платформенной экономике в Российской Федерации» (принят Госдумой 22.07.2025 г., Советом Федерации 25.07.2025 г., подписан Президентом и опубликован 31.07.2025 г.)[420] (далее — Проект). Как и в случае с Законопроектом № 568223-8, в целях регулирования деятельности цифровых платформ (маркетплейсов) предполагается принять отдельный закон.

Проект к моменту опубликования для обсуждения был доработан с учетом претензий других органов власти, однако часть спорных вопросов сохранилась. К таковым относятся вопросы об ответственности маркетплейсов перед покупателями за качество товаров; соблюдения обязательных требований к товарам; взаимодействия между платформами и физлицами, предлагающими через них продукты или услуги; обозначения предложений [товаров], приоритетно предлагающихся пользователям за плату[421]; критериях признания платформы посреднической[422]. Представители бизнес-сообщества разделились, критикуя, с

---

[420] Минэкономразвития России представило законопроект о платформенной экономике, URL: https://www.garant.ru/news/1770071/ (дата обращения: 14.09.2025)

[421] Ср. с системой «Buy Box» от Amazon

[422] Власти смягчили проект закона о платформенной экономике, URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/11/2024/674304369a794701a6a05037 (дата обращения: 14.09.2025), Минэк учел замечания к поправкам о маркетплейсах и агрегаторах, URL: https://pravo.ru/news/255550/ (дата обращения: 14.09.2025)

одной стороны, слишком мягкое (с точки зрения представителей оффлайн бизнеса), а с другой — слишком жесткое (с точки зрения цифровых платформ) регулирование, предусмотренное в Проекте[423].

Многие из комментариев являются обоснованными и рациональными; заинтересованными лицами было высказано множество соображений относительно уточнения, переформулирования определений и положений проекта. В то же время к ряду замечаний следует относиться с осторожностью, поскольку элемент лоббизма не подвергается сомнению: пока представители оффлайн торговли желают искусственно ограничить конкурентное давление маркетплейсов, последние хотят сократить возможный перечень требований к ним со стороны государства, чтобы нести как можно меньше ответственности, одновременно возложив как можно больше обязанностей на контрагентов.

Наконец, следует обратить внимание на Законопроект № 1138398-7 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О защите прав потребителей" и Федеральный закон "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)"в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров» (далее — Законопроект № 1138398-7)[424]. Данный законопроект был внесен в Госдуму еще в марте 2021 г. Правительством Российской Федерации, «застрял» в рассмотрении во втором чтении и, наконец, был отклонен в июне 2025 г. по причине утраты актуальности: «…следует отметить, что за время работы над законопроектом в сфере онлайн торговли произошли значительные изменения, сформировалась практика урегулирования споров с участием потребителей и производителей (поставщиков) посредством собственных цифровых платформ

---

[423] Бизнес выступил против текущей редакции законопроекта о платформенной экономике, URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/12/28/1084392-biznes-vistupil-protiv-tekuschei-redaktsii (дата обращения: 14.09.2025), комментарии заинтересованных лиц см. здесь: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=152517 (дата обращения: 14.09.2025)

[424] Законопроект № 1138398-7 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О защите прав потребителей" и Федеральный закон "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров» URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1138398-7 (дата обращения: 14.09.2025)

последних. По информации, представленной Министерством юстиции Российской Федерации, дальнейшая работа над законопроектом нецелесообразна. Роспотребнадзор также поддержал позицию Минюста России»[425].

Законопроект № 1138398-7 предполагал внесение значительных изменений в ЗоЗПП и технических правок в Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Предлагалось создать электронный сервис единого портала государственных и муниципальных услуг, обеспечивающий процесс предъявления, рассмотрения и удовлетворения требований потребителей к исполнителям (продавцам). Использование этого сервиса исключало возможность потребителя предъявить требования в иной форме; механизм реализации требований был не совсем ясен (в частности, по замечанию Комитета по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству, заключение соглашения по итогам урегулирования выводило потребителя из-под защиты ЗоЗПП), а также зависел от содержания договора между потребителем и продавцом/исполнителем, поскольку для реализации положений законопроекта в договоре должно быть указано на допустимость досудебного порядка урегулирования спора.

Кроме того, нам не кажется логичной сама концепция урегулирования спора между потребителем и продавцом без обязательного участия третьей стороны (медиатора). Он, действительно, может быть привлечен, однако его роль из положений предлагаемого законопроекта опять же не очевидна; вероятно, подразумевается, что в таком случае процедура будет регулироваться положениями Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ.

Как показывает обзор законопроектов (очевидно, далеко не всех, а только тех, о которых удалось найти информацию), законодателем (инициативными группами) осознаются, по крайней мере, некоторые проблемы, связанные с маркетплейсами,

[425] См. Заключение Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле по проекту федерального закона № 1138398-7 от 18.06.2025

при этом авторы законопроектов в основном ориентированы на защиту прав потребителей и владельцев ПВЗ — второе, очевидно, объясняется медийными последствиями конфликта между WildBerries и владельцами ПВЗ в 2023 г.[426, 427] — что вызывает критику со стороны маркетплейсов, ожидающих учета и их интересов. Свои интересы отстаивают и представители оффлайн торговли, недовольные вытеснением их с рынков.

**Возможности адаптации и интеграции отдельных положений Регламентов в российское законодательство**

В настоящем разделе мы попробуем предположить, какие положения DMA и DSA могли бы быть интегрированы в российское законодательство. Следует помнить, что законодательство ЕС регулирует те сферы, которые затруднительно регулировать на уровне государств-членов, в то время как законодательство РФ призвано регулировать общественные отношения всеобъемлюще, поэтому для многих положений, актуальных для России, нет аналогов в законодательстве ЕС. К тому же, союзное законодательство обеспечивает во многих случаях минимально необходимый уровень регулирования — в том смысле, что государства-члены также должны дополнять его своим законодательством, например, государства-члены устанавливают правила о наложении штрафов на нарушителей DSA (ст. 52 DSA).

Во-первых, из DMA и DSA в российское законодательство могла бы перейти концепция гейткиперов или VLOP (VLOSE), не в буквальном варианте, но по смыслу. Следовало бы разработать критерии по выделению «больших» или «значимых» платформ, занимающих «твердое положение» на цифровом рынке. Для начала на платформы в данном перечне (публичном и регулярно обновляющемся) следовало бы возложить относительно мягкие обязанности: информировать о слияниях, предоставлять публичную и непубличную отчетность о своей

---

[426] Владельцы пунктов выдачи заказов требуют у Wildberries полмиллиарда через суд, URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-04-14_vladeltsy_punktov_vydachi (дата обращения: 14.09.2025)

[427] Бунт в Wildberries: что делать партнерам маркетплейса, URL: https://pravo.ru/story/245611/ (дата обращения: 14.09.2025)

деятельности (конкретные вопросы отчетности следует определять предметно, в зависимости от платформы), обеспечить усиленную защиту несовершеннолетних и др. Позже уже можно было бы возложить более строгие обязанности: обеспечение прозрачности алгоритмов, в т.ч. рекламных, проведение ежегодного аудита и т.д.

Во-вторых, часть обязательств, возложенных DMA и DSA на гейткиперов и VLOSE и VLOP соответственно, можно было бы интегрировать при условии ведения соответствующих российских перечней. Например, допустимыми выглядят обязательства, гарантирующие возможность партнерам предлагать продукты или услуги через собственные или сторонние сервисы на условиях, отличных от условий платформы (условия о паритете), заключать договоры с пользователями за пределами платформы (в т.ч. через платежные сервисы, не связанные с платформой); возможность пользователей использовать сервисы платформы для взаимодействия с продуктами и услугами, приобретенными вне платформы; возможность заинтересованных лиц обращаться в судебные или иные компетентные органы и др. (например, ст. 5 – 7 DMA). В некоторой степени эта мера предлагается в ст. 6 Законопроекта № 568223-8, рассмотренной выше.

В-третьих, следует закрепить минимально необходимый уровень соблюдения принципа «знай своего контрагента», т.е. законодательно определить перечень данных, которые партнер должен предоставлять платформе и какую часть из них может узнать потребитель в случае необходимости предъявления жалобы. Очевидно, что платформы на текущий момент и так уже собирают необходимые данные, но для профилактики правонарушений перечень таких данных (ровно, как и доступ к ним пользователей) следует закрепить нормативно. Параллельно, на платформы должна быть возложена обязанность хотя бы минимальной проверки своих партнеров, дабы снизить шанс мошенничества. Отдельно возникает вопрос о проверке физических лиц и ИП, оказывающих услуги через платформы.

В-четвертых, поскольку выше уже было отмечено, что комментаторы говорили о необходимости саморегулирования, могут быть заимствованы идеи *из* добровольных стандартов, процессов сертификации и кодексов поведения для операторов цифровых платформ. Здесь, впрочем, стоит отметить, что в условиях

слабого развития института репутации в России и низкой правовой культуры крупных корпораций, привыкших перекладывать негативные эффекты экстерналий[428] на общество, саморегулирование без государственного контроля может оказать оказаться неэффективным[429].

В-пятых, для некоторых платформ (в первую очередь, на основании которых функционируют социальные сети, банковские системы и др. важные сферы деятельности, а также поисковые системы) можно было бы ввести требование оценки рисков, подобное тому, что закреплено в ст. 34 DSA. Впрочем, эта статья в DSA является частью более масштабного механизма «контроля за кризисами» (ст. 35 – 37, 48 DSA), который, судя по всему, планируется применять для подавления политически невыгодной в конкретный момент информации в соцсетях. Концептуально же в системе оценки рисков нет ничего негативного, а результаты такой оценки могут публиковаться в своей несекретной части, в то время как основной материал будет адресоваться уполномоченному органу, т.е. это в каком-то смысле будет внутренний аудит в дополнение к внешнему.

В-шестых, следует законодательно упорядочить права и обязанности платформ по противодействию незаконному контенту (как, например, в ст. 23 DSA), причем пользователям должен предоставляться ряд гарантий для исключения необоснованной блокировки/удаления (это возвращает нас к вопросу о системе обработки жалоб). Также необходимо определить, какой контент является «незаконным», т.е. насколько платформы вправе устанавливать собственные правила, превышающие требования закона.

Проблема с контрафактом в DSA и DMA не поднимается, поскольку, очевидно, решается на национальном уровне. Снять продукцию из-за жалоб пользователей платформы не смогли бы, поскольку это могло бы привести к злоупотреблению системой. Логичным выглядит уже применяющаяся, например, на Ozon, система, при которой помечаются продавцы, предоставившие

---

[428] Издержки или выгоды от рыночной деятельности субъектов, наступающие для третьих лиц

[429] Сушкова, О.В. Правовые механизмы саморегулирования и их влияние на цифровые технологии / О. В. Сушкова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 4(92). – С. 168-176. С. 172 – 173

сертификаты о том, что они являются официальными партнерами оригинальных производителей.

В силу господства в цифровой экономике России ряда национальных компаний, возможны два варианта интеграции норм DMA и DSA:

1) принятые нормы по ограничению деятельности цифровых платформ будут спроектированы так, чтобы воздействовать только на иностранные цифровые платформы;

2) принятые нормы будут воздействовать на все подпадающие под их условия цифровые платформы, как иностранные, так и отечественные.

В первом варианте иностранные компании будут постепенно выдавливаться с цифрового рынка России, что ухудшит конкурентную среду. Как только они будут окончательно выдавлены — не считая еще того нюанса, что в ходе этого процесса они могут перестать формально соответствовать условиям принятого законодательства, например, по числу пользователей — законодательство придется либо изменить, либо оно перестанет применяться. Второй вариант маловероятен, поскольку российские цифровые платформы воспользуются своими лоббистскими возможностями, как они воспользовались ими при подготовке Пятого антимонопольного пакета[430], чтобы исключить жесткое регулирование их деятельности.

Исключая вопросы лоббирования, государство также, вероятно, предпочло бы господство отечественных, а не зарубежных платформ, хотя бы из соображений национальной безопасности, не говоря уже об экономических — как отмечают Б. Смит и К.Э. Браун, с течением времени «все больше стран хотят хранить свои[431] данные на собственной территории»[432]. При этом, как бы лично мы ни относились к российским цифровым монополиям, не следует допускать ситуации, в которой за счет недостатка или несовершенства правового регулирования преимущество будут иметь зарубежные цифровые монополии.

---

[430] См. Грушин, Ю.О. Комментарий к содержанию…

[431] Т.е. данные, касающиеся своих граждан и зарегистрированных на территории юридических лиц

[432] Б. Смит, К.Э. Браун. Указ. соч. С. 62

ЕС, со своей стороны, в плане регулирования деятельности цифровых платформ имеет ряд преимуществ: как уже говорилось, в основном ограничения возлагаются на иностранные компании, что, теоретически, идет на руку их европейским конкурентам, при этом в силу коммунитарного характера отношений внутри Союза, когда решения принимаются голосованием или единогласно, возможности европейские цифровых платформ по лоббированию своих интересов сразу на уровне Союза ограничены.

Тем не менее, интеграция некоторых положений DMA и DSA не исключена вовсе по ряду причин.

Во-первых, объективные обстоятельства будут вынуждать к регулированию цифровых платформ. Если иностранные платформы будут выдавлены из российской экономики, их место, со всеми проблемами, займут российские, причем в такой ситуации ФАС столкнется с проблемой по привлечению цифровых платформ к ответственности, т.к. нам представляется, что в случае условного Google платформа охотнее шла на уступки в связи с наличием прецедентов по аналогичным делам в ЕС, если считала претензии хотя бы отчасти обоснованными.

Во-вторых, нельзя исключать, что под давлением государства российские цифровые компании будут вынуждены пойти на уступки и согласовать хотя бы часть ограничений; кроме того, цифровые платформы сами уже устанавливают определенные нормы в форме саморегулирования, принятия добровольных стандартов, приверженности обычаям делового оборота и т.д.

В-третьих, возможно попробовать пойти по пути секторального регулирования (отдельных бизнес-моделей), чтобы не сталкиваться с противостоянием сразу всех господствующих сервисов.

В-четвертых, при все большем масштабировании цифровых экосистем будет возрастать давление и на традиционную оффлайн-торговлю. Как выяснилось при обсуждении Проекта «О платформенной экономике…», некоторые секторы оффлайн-торговли переживают упадок в связи с развитием цифровых платформ (не исключено, что они и полностью исчезнут в ближайшее десятилетие), поэтому

возможно привлечь в качестве лоббистов противников цифровых платформ (при этом опираться на их позицию при нормотворчестве не обязательно).

В-пятых, возможно внедрение новых норм на уровне ЕАЭС, как это предлагает П.О. Панфилов[433], но нам это видится спорным, причины чего мы уже обосновывали в предыдущем параграфе

В настоящей главе мы бегло рассмотрели законодательство Российской Федерации, уже регулирующее сферу цифровой экономики, подготавливаемые законопроекты (точнее, те из них, что были опубликованы официально), сравнили последние с положениями DMA и DSA и оценили перспективы адаптации и интеграции отдельных положений и идей DMA и DSA в российское законодательство. Как можно было видеть, отечественный законодатель осознает наличие проблем цифровой экономики и предпринимает попытки урегулировать их, хотя пока и сталкивается со множеством вопросов: регулировать ли сферу комплексно или секторально, как учесть интересы сторон, насколько жесткий регуляторный режим выбрать и прочее. Потенциал интеграции идей европейских законодателей существует, однако реализовывать это следует осторожно, в т.ч. и из-за специфики цифровой экономики Российской Федерации.

[433] Панфилов, П.О. Правовое регулирование деятельности онлайн-платформ на едином цифровом рынке ЕС: возможности для ЕАЭС / П. О. Панфилов // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 2(195). – С. 91-100.

## 3.4. Тенденции правового регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг

В настоящем параграфе мы кратко обозначим тенденции правового регулирования сфер цифровых рынков и цифровых услуг, которые, как нам представляются, будут оставаться актуальными в ближайшие 5 –7 – 10 лет.

*Ужесточение антимонопольного контроля за деятельностью цифровых платформ*

Вопрос поддержания конкуренции на цифровом рынке является одним из наиболее актуальных в настоящее время для многих государств, включая Российскую Федерацию. Господство цифровых корпораций, проявляющееся в вытеснении ими традиционных оффлайн игроков (например, книжных магазинов), поглощениях небольших инновационных компаний, проникновении в другие сферы экономики, построении цифровых экосистем обращает на себя внимание не только по причине угрозы конкуренции, но и из-за контроля цифровых платформ над информационными потоками. В то же время, существующее антимонопольное законодательство в силу своей негибкости может оказаться неэффективным для регулирования деятельности цифровых корпораций.

Как видно из *Таблицы 5* с предполагаемым брюссельским эффектом (даже если принятые законы и не являются его следствием), в 2020-х гг. законодателями разных государств взят курс на борьбу с монополизацией цифрового рынка. Очевидно, число новелл в данной сфере будет увеличиваться, в рамках чего будет происходить и поиск более удобного формата (метода) регулирования. Примечательно, что в Национальной программе «Цифровая экономика»[434] пункт про антимонопольное регулирование отсутствует.

*Наличие противоречий между требованиями обеспечения конкуренции и поддержкой национальных цифровых платформ*

---

[434] «Паспорт национального проекта "Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 N 7) // СПС «КонсультантПлюс»

В контексте этого противоречия в конфликт вступают сразу несколько факторов. Во-первых, очевидна потребность государства в поддержании конкурентной среды на собственном цифровом рынке, о чем уже говорилось выше. Во-вторых, для, по крайней мере, некоторых государств, характерно стремление обезопасить свой цифровой рынок и государственные информационные системы от иностранных цифровых корпораций. Именно здесь, по нашему мнению, и скрывается противоречие: установление протекционистских мер, вытеснение иностранных цифровых корпораций может привести к росту и развитию национальных цифровых платформ, однако они, как показывает практика, имеют тенденцию к монополизации или построению олигополий. Следовательно, исходя из соображений поддержания конкуренции на рынке, в какой-то момент государство будет вынуждено ограничить деятельность национальных цифровых платформ. Говоря проще, политика государства должна быть протекционистской для внешних игроков и ориентированной на поддержку конкуренции — для внутренних. К этой же тенденции можно отнести изложенные выше соображения о захвате чужих цифровых рынков руками национальных цифровых корпораций.

*Ужесточение законодательства в сфере оборота информации в интернете*

В 2010-х гг., и даже раньше, государственные органы опробовали методы регулирования контента в Интернете — удаление его по договоренности с цифровыми платформами или прямые запреты по URL-адресам, если удалить контент невозможно, ограничение деятельности самих платформ — и, судя по всему, нашли их весьма действенными и удобными для целей своей деятельности.

Китай в этом аспекте выступил «застрельщиком», первым доказав эффективность всеобъемлющего регулирования контента в интернете в рамках Великого китайского брандмауэра, а теперь готов экспортировать свой взгляд на управление Интернетом в другие страны. Со стороны США, во всю пользовавшихся своими возможностями в качестве «цифровой сверхдержавы», это воспринимается как глобальная угроза[435].

[435] Media package: Select Committee on CCP Holds Hearing – «The Great Firewall and the CCP's Export of its Techno-Authoritarian Surveillance State». URL:

В России, в свою очередь, за последние годы под запрет или ограничения попало около десятка популярных онлайн-сервисов[436] и большое число сайтов. Вполне ожидаемо, что политика по ужесточению модерации контента в Интернете будет продолжаться.

*Предполагаемый рост значимости практики антимонопольных и других уполномоченных органов и организаций*

В качестве сквозной темы через многие исследования правового регулирования цифровой экономики, не исключая и настоящего, проходит проблема отставания законодательства от быстро развивающейся сферы цифровой экономики. Конечно, было бы ошибкой утверждать, что посредством нормативно-правовых актов невозможно регулировать деятельности цифровых корпораций — скорее, они просто могут оказаться недостаточно гибкими, точными, и, в итоге, недостаточно эффективными, препятствующими развитию цифровых платформ.

Исследователями и законодателями предлагаются различные варианты решения этой проблемы, один из которых прослеживается и в рассмотренных нами Регламентах — расширение полномочий надзорных, антимонопольных и иных уполномоченных органов. В их оперативной деятельности, осуществляемой в очерченных законом рамках, видится способ регулирования конфликтов и разрешения споров, поддержания правопорядка.

Рост значения деятельности антимонопольных органов будет требовать и роста квалификации их сотрудников; в таком оперативном регулировании, когда антимонопольные органы действуют в рамках своего широкого усмотрения, вмешательство судов предусматривается лишь в наиболее сложных случаях. В целях снижения нагрузки на органы власти продвигаются и такие меры, как досудебное урегулирование споров, саморегулирование цифровых платформ и т.д.

---

https://selectcommitteeontheccp.house.gov/media/press-releases/media-package-select-committee-ccp-holds-hearing-great-firewall-and-ccps (дата обращения: 14.09.2025)

[436] Некрасова, Е. Штрафы вместо лайков: кому и какую рекламу запретили размещать в заблокированных соцсетях. URL: https://www.garant.ru/article/1845542/ (дата обращения: 14.09.2025)

*Поиск новых инновационных режимов правового регулирования в целях развития*

Фактически, эта тенденция родственна предыдущей, но уже с точки зрения не регулирования, а создания условий для ускоренного развития цифровых технологий. «Регуляторные песочницы», хабы, специальные правовые режимы, особые экономические зоны — все это варианты обеспечения роста и развития инновационных компаний, в т.ч. цифровых платформ, предполагающие некоторые изъятия из действующего законодательства. В Российской Федерации законодательное урегулирование вопросов создания «регуляторных песочниц» было завершено к 2019 г. в соответствии с Федеральный проектом «Нормативное регулирование цифровой среды»[437].

Очевидно, такая практика будет продолжаться, поскольку легче создать исключительный правовой режим на конкретной территории, чем разрабатывать общее законодательство. С другой стороны, цифровые корпорации осуществляют деятельность не в одном хабе, а по всему государству, региону, миру, а потому нуждаются в отдельном правовом регулировании.

*Поиск подходящего режима регулирования*

Цифровые экосистемы представляют собой совокупность как тесно связанных юридических лиц, так и связанных платформ, на которых также осуществляют свою деятельность пользователи и бизнес-пользователи[438]. В зависимости от целей законопроекта, его регулирование может быть направлено на бизнес-пользователей, сервисы, отдельные юридические лица – номинальных собственников платформ, на сектора или сферу цифровой экономики в целом.

Общее регулирование выглядит предпочтительным с точки зрения решения наиболее широких вопросов деятельности цифровых платформ и формирования

---

[437] «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика…»

[438] Хороший пример — VK. Помимо сервиса обмена сообщениями, VK предоставляет возможности стримингового и видео сервиса, браузерных и настольных компьютерных игр, прослушивания музыки, маркетплейса и др., не говоря уже о том, что VK сам по себе входит в экосистему Mail.ru Group. Перечень сервисов, см., например, Сервисы Экосистемы VK. URL: https://vk.com/vk_ecosystem_services (дата обращения: 14.09.2025)

такого правопорядка, который сможет существовать с незначительными поправками длительное время, закрывая к тому же потребности в регулировании деятельности не только уже существующих цифровых платформ, но и тех, что появятся позднее в ходе инновационного развития экономики.

Секторальное регулирование позволяет более точечно устанавливать права и обязанности цифровых платформ, к тому же оно не требует учета такого количества обстоятельств, как при общем регулировании. С другой стороны, возникает опасение, что секторальное регулирование будет искусственно, на уровне концепции, делить цифровой рынок на сектора, заодно разделяя и цифровые экосистемы; а также что принять условный десяток актов секторального регулирования будет тяжелее с точки зрения законодательного процесса, чем один акт общего характера.

Возможно, решение этой дилеммы представляет собой принятие акта общего характера, содержащего регулятивные нормы по самим фундаментальным вопросам, и уже далее последовательное «закрытие» секторов подробными проработанными законами.

При этом рядом исследователей обосновывается точка зрения, что регуляторные барьеры сдерживают развитие цифровых платформ[439, 440], а преимущество должно отдаваться саморегулированию платформ.

*Возрастание влияния цифровых корпораций на государственную политику*

В вопросе влияния на государственную политику цифровые корпорации мало чем отличаются от другого крупного бизнеса: они предоставляют множество[441] рабочих мест, обеспечивают большие налоговые поступления в государственную казну и способны зачастую пролоббировать нужное себе решение. Тем не менее,

---

[439] Ревенко, Н.С. Европейский Союз на пути к единому цифровому рынку // Мир новой экономики. — 2016. — № 2. — С. 6–15. С. 13

[440] Savin, A. Regulating internet platforms in the EU — The emergence of the «Level playing Field» // Computer law & Security review — 2018 — № 34 — Pp. 1215–1231.

[441] Это достаточно спорное утверждение, т.к. в самой корпорации может осуществлять трудовую деятельность не такое уж большое число лиц, гораздо больше лиц будут пользоваться платформами корпорации для собственных потребительских и предпринимательских нужд

цифровые корпорации все-таки имеют два важных отличия от, допустим, военных концернов и нефтегазовых компаний.

Во-первых, они имеют потенциал к более глубокому проникновению в госструктуры за счет разработки, создания и контроля над государственными платформами; если формально управление последними принадлежит госорганам, за техническую сторону будет отвечать цифровая корпорация. В то же время, даже если корпорации не контролируют техническую сторону государственной цифровой инфраструктуры, они могут контролировать гражданский сегмент национального Интернета: статистика свидетельствует, что получение новостей через Интернет, в т.ч. социальные сети и блоги, весьма популярно среди россиян, особенно молодежи[442, 443], так что модерация и контроль за контентом являются мощным рычагом влияния во внутренней политике, идеологии, образовании и воспитании.

Во-вторых, цифровые корпорации основаны на операциях с данными — «новой нефтью». Однако, в отличие от нефти, данные не могут закончиться; при этом доступ к большому количеству данных становится вопросом национальной безопасности — как минимум по той причине, что они требуются для обучения генеративного искусственного интеллекта.

Очевидно, степень влияния цифровых корпораций, плотно вошедших в повседневную жизнь общества, продолжит возрастать, что будет препятствовать правовому регулированию их деятельности со стороны государства и усиливать тенденцию к саморегулированию.

*Обострение противостояния в цифровой сфере*

Неоднократно в настоящей работе подчеркивалось, что цифровая сфера, киберпространство, стало ареной для т.н. гибридной войны, выражающейся в хакерских атаках на инфраструктуру, мошенничестве и вымогательстве (иногда,

---

[442] Больше половины россиян узнают новости через телевидение, показал опрос. URL: https://ria.ru/20240227/novosti-1929858948.html (дата обращения: 14.09.2025)

[443] Новости и россияне: откуда получают информацию наши граждане? URL: https://ruinformer.com/page/novosti-i-rossijane-otkuda-poluchajut-informaciju-nashi-grazhdane (дата обращения: 14.09.2025)

предположительно, совершаемого хакерами с ведома государства, в юрисдикции которого они находятся), разжигании «цветных революций», пропаганде, вторжении в когнитивный суверенитет личности и т.д. Это весьма удобный способ ведения непрямых боевых действий — агрессоры лица не рискуют собственными жизнью и здоровьем, а государственные акторы почти не рискуют политической репутацией в силу анонимности действий хакеров, в то время как нанесенный таким образом урон может быть гигантским.

В условиях отсутствия каких бы то ни было международных конвенций, направленных на сдерживание в киберпространстве (хотя их эффективность была бы под вопросом в силу отсутствия возможности адекватного надзора за соблюдением), и обострения политической обстановки в мире, следует предполагать и увеличение числа хакерских атак. К этой же тенденции можно отнести и рост общеуголовных преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий.

Противодействие угрозам из киберпространства станет одним из факторов, влияющих на правовое регулирование цифровой экономики. Очевидно, следует ожидать ужесточения требований к защите цифровых систем государственного и критических систем гражданского (бесконтактная оплата, доступ к госуслугам и проч.) секторов и принятия мер по достижению цифровой автономности (суверенитета).

С другой стороны, в сфере противодействия киберпреступности, возможно, будет проще достичь международного консенсуса для взаимопомощи в расследовании такого рода преступлений.

# ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании был проанализирован опыт Европейского союза по регулированию общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг, что позволило выявить цели, методы, специфику регулирования, наиболее значимые положения, пробелы и спорные вопросы регулирования. По итогам анализа стало возможным высказать соображения о возможности адаптации и интеграции ряда положений и идей Регламента ЕС о цифровых рынках (Digital Markets Act, DMA) и Регламента ЕС о цифровых услугах (Digital Services Act, DSA) в целях совершенствования российского и евразийского (ЕАЭС) законодательства.

В рамках исследования понятийно-категориального аппарата автором были проанализированы такие важные с точки зрения теории термины, как «цифровые рынки» (в т.ч. в рамках сравнения с понятием «цифровой рынок» и поиска наиболее точной формулировки), «цифровая экономика», «цифровые платформы» и «бизнес-модели платформы», а также ряд терминов, имеющих отношение к рассматриваемым Регламентам. Был сделан вывод об отсутствии единого подхода в формулировании определений указанных терминов, зависимости подходов к их определению от конкретных экономических, политических и правовых обстоятельств, например, целей нормативно-правового акта, в котором они употребляются. В целях совершенствования нормативно-правового регулирования в Российской Федерации был предложен авторский подход к трактованию «цифровой экономики» и «цифровых рынков».

Исследование правового регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг было бы невозможно провести без, пускай и весьма краткого, ретроспективного анализа регламентирующих и стратегических актов ЕС. В ходе анализа наиболее значимых, по мнению автора, актов, был выявлен эволюционный характер развития законодательства ЕС, регулирующего общественные отношения в сферах цифровых рынков и цифровых услуг, особенно отчетливо проявляющийся с 2020-х гг., когда инновационные, комплексные акты ЕС начали как аккумулировать идеи более ранних актов, так и вводить новые, отвечающие актуальным потребностям. Наличие условного «переломного»

момента в 2020-х гг., вероятно, свидетельствует о формировании более четкого научного понимания проблематики цифровых рынков и цифровых услуг как явления, требующего специального подхода к регулированию.

В ходе анализа нами был также обоснован подход к исследованию именно Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах: данные акты являются достаточно актуальными (приняты в 2022 г.) и на текущий момент еще не слишком хорошо изучены отечественными исследователями; Регламенты осуществляют наиболее комплексное на текущий момент нормативно-правовое регулирование изучаемых сфер; наконец, изучение всего массива актов ЕС явно выходило за пределы диссертации и могло быть осуществлено только в обзорном формате.

Изучение предпосылок принятия указанных Регламентов преследовало две цели: во-первых, постараться выявить тот комплекс вызовов, на которые были призваны ответить Регламенты; во-вторых, создать основу для дальнейшего анализа возможности адаптации и интеграции положений и идей Регламентов в целях совершенствования российского и евразийского законодательства.

По результатам анализа были выявлены следующие вызовы для Европейского союза в данных сферах: отсутствие единого подхода к регулированию цифровых рынков и цифровых услуг в государствах-членах ЕС; ускорение цифровизации всех сфер общественной жизни; рост киберпреступности; концентрация экономической власти на цифровых рынках в руках нескольких крупных корпораций; увеличение риска вмешательства различных лиц посредством цифровых технологий в частную жизни граждан ЕС и во внутреннюю политику ЕС и его государств-членов и др.

Относительно второй цели — создания основы для анализа возможностей адаптации и интеграции — можно отметить, что изучение текущего состояния цифровых рынков и цифровых услуг в Российской Федерации и актуальных вопросов регулирования соответствующих общественных отношений, при всех имеющихся различиях, позволяет говорить о совпадении ряда факторов с предпосылками, повлиявшими на разработку и принятие рассматриваемых

Регламентов. К таковым факторам, свойственным как ЕС, так и Российской Федерации относятся рост киберпреступности и риска киберугроз в целом; разноскоростная интеграция (в случае России — на региональном уровне и в сельской местности по сравнению с городской); запаздывающий характер нормативного регулирования; использование специальных правовых режимов в целях развития инноваций; противодействие монополизации цифровых рынков; поиск путей достижения цифрового суверенитета и др.

Еще одним вопросом, требовавшим рассмотрения перед исследованием содержания Регламентов, являлся вопрос о процессе их принятия, в частности выборе Еврокомиссией правовой базы для их разработки. Оба аспекта в значительной степени испытали на себе влияние политики; и если дискуссии в Европарламенте, посвященные риску цензуры «неудобного мнения», не столь юридически значимы, то подход Еврокомиссии к выбору правовой базы представляет большой интерес для международно-правовой науки, особенно с точки зрения принципов наделения компетенцией ЕС.

Изучение данного вопроса позволило сделать вывод о превалировании политических соображений (т.е. отсутствии неоспоримых юридических аргументов) в выборе Еврокомиссией в качестве правового основания ст. 114 ДФЕС (регулирование Внутреннего рынка) вместо ст. 103 ДФЕС (проведение антимонопольной политики) или ст. 352 ДФЕС (т.н. «гибкая оговорка»), что привело к использованию полномочий в сфере совместной, а не исключительной компетенции, и, соответственно, нарушению принципа субсидиарности. Между тем, отсутствие попыток оспаривания Регламентов со стороны государств-членов свидетельствует, что с их стороны такие действия Еврокомиссии, укладывающиеся, к тому же, в русло предшествующей политики регулирования цифровых рынков и цифровых услуг, не рассматриваются в качестве неприемлемых. Вероятно, эту ситуацию можно рассматривать в качестве примера т.н. «ползучей централизации» со стороны ЕС.

Главное значение первого рассмотренного регламента, DMA, заключается, по мнению автора, в формировании системы контроля за крупнейшими цифровыми

корпорациями, доминирующими на цифровых рынках ЕС. Краеугольным камнем данной системы является процедура присвоения таким корпорациям специфического правового статуса — гейткипера. Основываясь на экономических критериях, Еврокомиссия наделяет корпорации (например, Amazon, Alphabet (Google), Meta[444]) таковым статусом относительно одного или нескольких их сервисов.

В отношении данных сервисов на корпорации возлагаются определенные обязанности в сферах защиты персональных данных, обеспечении прав контрагентов (потребителей и бизнес-пользователей), прозрачности рекламы, возможностей кросс-сервисного взаимодействия и др. Эти ограничения призваны одновременно и облегчить положение потребителей и бизнес-пользователей, и не допустить монополизации цифрового рынка, и ограничить политическое и экономическое влияние крупных цифровых платформ. В случае же уклонения гейткипера от эффективного соблюдения обязательств, Еврокомиссия, по итогам проведенного разбирательства, предписывает прекратить деятельность, нарушающую положения DMA, и может наложить штраф или периодические штрафные платежи.

Тесно связанными с регулированием деятельности гейткиперов, и оттого не менее важным, являются положения, устанавливающие процедуру исследования рынка, которая проводится в рамках выявления фактов ограничения конкуренции и отличается оперативностью и прогностическим элементом — вынесением суждения о том, что сложившееся положение угрожает конкуренции не только в настоящем времени, но и в перспективе.

В целом, антимонопольная составляющая, заложенная в DMA, сконструирована в целях сдерживания иностранных цифровых корпораций, в первую очередь — американских (из-за их численности и экономической и политической мощи), во вторую — китайских. Это позволяет говорить о хотя бы частичной направленности регламента на достижение цифрового суверенитета ЕС:

[444] Meta признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ

ограничение деятельности крупных цифровых корпораций должно подготовить фундамент для развития платформ в государствах-членах ЕС, призванных в будущем конкурировать с зарубежными цифровыми гигантами, а также обеспечить безопасность Союза и его государств-членов в сфере внутренней политики.

В свою очередь, основное значение DSA заключается в единообразном регулировании вопросов предоставления «посреднических» услуг, т.е. услуг цифровых платформ по организации взаимодействия физических и юридических лиц — в рамках сервисов социальных сетей, маркетплейсов и др. DSA создает систему контроля за деятельностью цифровых платформ, которая, с одной стороны, за счет дифференциации обязанностей в зависимости от функционала и размера цифровых платформ позволяет справедливо разделить нагрузку, чтобы, с одной стороны, не подорвать экономического положения корпораций, а с другой — обеспечить защиту прав граждан и юридических лиц. Несмотря на название, DSA регулирует не все цифровые услуги, а только те, что связаны с передачей и хранением контента, в т.ч. услуги социальных сетей, публикации фото и видео, покупки товаров, оставлении отзывов и др. Регламент обеспечивает общую основу для регулирования общественных отношений по предоставлению посреднических услуг, в то время как другие правовые акты ЕС содержат нормы, регулирующие отдельные вопросы общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг. При этом DSA следует считать более комплексным (широким), чем родственный ему DMA — ориентация последнего на регулирование наиболее крупных (а значит, и ограниченных числом) цифровых корпораций достаточно очевидна.

Логика DSA строится на распределении цифровых платформ по нескольким группам в зависимости от их функционала и охвата пользователей сервисами. Для каждой группы характерны свои обязанности, причем, поскольку группы выстраиваются в своего рода пирамиду, чем крупнее и значительнее с точки зрения цифровых рынков является компания, тем больше ее деятельность подвергается регулированию, в которое включаются и обязанности более низкого уровня. Сами обязанности можно условно разделить на группы: относящиеся к борьбе с

незаконным контентом, сотрудничеству с государственными и частными органами и организациями, обеспечению транспарентности и др.

Как и в DMA, в DSA предусматривает присвоение некоторым цифровым корпорациям новых специфических правовых статусов в отношении их сервисов. Наиболее крупные и значимые для рынка цифровые сервисы (платформы) входят в категории VLOPs («very large online platforms», «очень крупные цифровые платформы») и VLOSEs («very large online search engines», «очень крупные поисковые системы») и несут дополнительные обязанности. Также в соответствии с положениями DSA в Евросоюзе должны быть созданы следующие органы (лица):

- Европейский совет по цифровым услугам;
- Координаторы цифровых услуг;
- аудиторы;
- «доверенные информаторы».

С момента принятия DMA и DSA с точки зрения правовой науки прошло достаточно немного времени, чтобы с уверенностью говорить об эффективности регулирования. На текущий момент первые результаты проявляются скорее в организационном формате — присвоении статусов гейткиперов, VLOPs и VLOSEs, назначении Координаторов цифровых услуг, сертификации «доверенных информаторов», формировании Группы высокого уровня по DMA. Цифровые корпорации уже сделали попытки оспорить присвоение статусов гейткиперов, аргументируя свою позицию, во-первых, неправильным пониманием Еврокомиссией сущности предоставляемых ими услуг, во-вторых, ошибочной оценкой их влияния на рынке. В ближайшее время следует ожидать принятия делегированных актов Еврокомиссией и начала деятельности Координаторов цифровых услуг.

Кром того, следует ожидать проявления т.н. «брюссельского эффекта»: прямо — в добровольном принятии операторами цифровых платформ обязательств не только по отношению к пользователям на территории ЕС, но и в других регионах мира; косвенно — в принятии третьими государствами актов, регулирующих общественные отношения в сферах цифровых рынков и цифровых услуг, которые

были бы вдохновлены правовыми идеями Регламента ЕС о цифровых рынках и Регламента ЕС о цифровых услугах. Кроме того, «брюссельский эффект» может проявиться и в заимствовании другими государствами идей по обоснованию своей политики регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг как направленной на достижение цифрового суверенитета. Тем не менее, следует отметить, что «брюссельский эффект», особенно в своем косвенном аспекте, по ряду причин сложное для анализа явление. Приведенные в настоящей работе факты о якобы имеющихся его косвенных проявлениях не бесспорны и требуют детальной проверки.

Наконец, принятие DMA и DSA стало еще одним свидетельством эволюции правового режима цифровых рынков и цифровых услуг в ЕС в сторону б*о*льшего политико-правового контроля и вмешательства в экономику, хотя общая ориентация правового режима — на защиту прав и свобод человека и гражданина, на поддержание свободы рынка — осталась неизменной, лишь дополнилась вектором на достижение цифрового суверенитета и, следовательно, укрепления геополитической мощи.

Настоящая работа была бы неполной без анализа возможности адаптации и интеграции отдельных положений и норм DSA и DMA в законодательство ЕАЭС и российское законодательство. Следует подчеркнуть, что, говоря об интеграции, мы, конечно, не подразумеваем механическое заимствование норм (в тексте работы мы использовали формулировку «адаптации и интеграции», чтобы подчеркнуть это). Интеграция подразумевает не столько заимствование текста, сколько понимание и адаптацию сути нормы, причем такого рода интеграция должна происходить с анализом контекста — бессмысленно заимствовать норму, для которой нет условий применения.

Сравнение факторов развития цифровых рынков и цифровых услуг и регулирования общественных отношений в этих сферах в ЕС и ЕАЭС требует отдельной научной разработки, выходящей за рамки настоящего исследования. Тем не менее, мы предприняли попытку в общих чертах обозначить некоторые имеющиеся проблемы правового регулирования на уровне ЕАЭС и,

соответственно, предположить, какие идеи и положения Регламентов могли бы быть адаптированы к нуждам Евразийского союза.

В целом, возможность интеграции некоторых идей Регламентов для целей развития интеграции в рамках ЕАЭС не исключена; к таковым можно отнести, например, следующие идеи. Во-первых, на уровне ЕАЭС возможно проводить ежегодный мониторинг состояния конкуренции на цифровых рынках объединения, включая отслеживание деятельности наиболее крупных цифровых корпораций; если таковая мера не может быть достигнута конкретно на уровне ЕАЭС, то под надзором Евразийской комиссии ее можно было бы делегировать на уровень государств-членов. Во-вторых, на уровне ЕАЭС может быть разработан модельный акт по определению доминирующего положения цифровых корпораций в экономике и ограничения их деятельности с учетом специфики цифровой экономики, в то время как государства-члены взяли бы на себя обязательства по принятию соответствующих актов на национальном уровне.

Наконец, гармонизация стандартов защиты прав потребителей и предпринимателей в цифровой экономике, направленная на обеспечение предсказуемости гражданско-правовых отношений и защиту от злоупотреблений со стороны операторов цифровых платформ, могла бы способствовать созданию единого цифрового рынка.

Тем не менее, проведение общей политики в сфере цифровизации в ЕС, по нашему мнению, сталкивается и столкнется в будущем с рядом трудностей, к числу которых можно отнести низкий авторитет Институтов ЕАЭС среди государств-членов; делегирование последним полномочий по реализации стратегических актов в сфере развития цифровой экономики ЕАЭС, что, в т.ч., приводит к отсутствию единообразного подхода. Это дополняется тенденциями в сфере внешней политики некоторых государств-членов, которые можно характеризовать как направленные скорее на дезинтеграцию в рамках евразийского объединения, чем на интеграцию.

Более перспективной, на наш взгляд, представляется ситуация в случае адаптации и интеграции положений и идей Регламентов в российское

законодательство. Проведенное сравнительное исследование (изложенное нами выше) предпосылок/факторов выявило достаточный уровень сходства между ЕС и Российской Федерацией, чтобы рассматривать возможности интеграции европейского опыта.

В России регулирование цифровых рынков и цифровых услуг осуществляется в основном актами общего характера путем экстраполяции их на новые отношения, попадающие в правовое поле, и новеллами законодательства, число которых будет все увеличиваться. Нельзя не отметить большую роль точечного вмешательства ФАС в рыночную конкуренцию в целях сдерживания монополистической деятельности цифровых платформ. Оценивая в целом правовой режим цифровых рынков и цифровых услуг в Российской Федерации, мы охарактеризовали его как эволюционирующий — что свойственно и европейскому — к жесткому государственно-ориентированному режиму, схожему с таковым в КНР.

С точки зрения перспективы, на текущий момент в разработке уполномоченными лицами и в процессе рассмотрения Государственной думой находится ряд законопроектов, регулирующих сферу цифровой экономики — преимущественно отношения между владельцем маркетплейса (цифровой платформы), владельцем пункта выдачи заказов (ПВЗ) и потребителем, а также процедуру альтернативного урегулирования споров между ними, что позволяет сделать вывод, что эти вопросы являются —или мыслятся авторами законопроектов — наиболее актуальными для цифровой экономики России в данный момент.

Вероятно, авторы некоторых законопроектов хотя бы отдаленно были знакомы с нормами DSA и DMA, либо их мысль шла в том же направлении, что и у законодателей ЕС. Это, в частности, видно по нормам, посредством которых авторы предполагают ограничить деятельность цифровых платформ, которая может нанести ущерб конкуренции на рынке. Также с разных сторон авторы законопроектов попытались подойти к обработке жалоб пользователей и разрешению их конфликтов с платформами.

По результатам анализа данных законопроектов мы полагаем возможным высказать предложения о возможной адаптации и интеграции ряда положений и идей DMA и DSA в российское законодательство.

Во-первых, рациональным нам кажется предложение об установлении качественно-количественных критериев, тесно связанных с предоставляемыми цифровыми платформами услугами, для определения компаний, занимающих значимое положение в определенных секторах цифровой экономики. Определение таких компаний (т.е. цифровых корпораций) создаст предпосылки для разработки дальнейшего регулирования, в том числе в антимонопольном аспекте — с пониманием у законодателя, какая конкретно деятельность каких субъектов станет предметом будущих нормативно-правовых актов.

Во-вторых, даже вне предметного регулирования деятельности цифровых корпораций по аналогии с гейткиперами, возможно было бы возложить на операторов цифровых платформ ряд обязательств. Например, конкретизировать порядок ограничения доступа к предположительно незаконному контенту и порядок обжалования такого решения; обязать крупнейшие цифровые корпорации обеспечить сторонним исследователям доступ к необработанным данным цифровых платформ — как для контроля за соблюдением цифровыми корпорациями законодательства, так и для дальнейших научных разработок; ввести требования об обязательной оценке рисков для крупнейших цифровых корпораций и компаний в критически значимых секторах экономики и т.д.

В-третьих, небезынтересным представляется спроектированная Еврокомиссией в Регламенте о цифровых услугах система досудебного урегулирования споров между пользователями и операторами цифровых платформ. Дистанционный характер ее функционирования, кажущаяся простота, ориентация на защиту более слабой стороны (пользователя) за счет привлечения де-факто медиатора, а также некоторые иные процедурные особенности позволяют говорить о ней, по крайней мере, как о имеющей перспективы. Изучение опыта функционирования этой системы может поспособствовать разработке отечественного аналога, причем, предполагаем, следовало бы рассматривать ее не

только как средство для урегулирования споров между пользователем и оператором, но и между покупателем/получателем услуг и продавцом/исполнителем, когда их правоотношения осложнены использованием маркетплейса.

Возможно продолжить этот ряд идей для интеграции, но с необходимостью возникает вопрос об определения подхода к такой интеграции: намерен законодатель регулировать общественные отношения в сферах цифровых рынков и цифровых услуг секторально, каким-то общим актом или вносить поправки в уже имеющиеся акты? По нашему мнению, следует рассмотреть возможность разработки одного «зонтичного»/рамочного акта и ряда более специализированных, секторальных; в общем смысле, мы хотим сказать, что лучше избежать интеграции отдельных идей, плохо вписывающихся в уже имеющий комплекс нормативно-правовых актов.

Таким образом, поскольку Россия и ЕАЭС в определенной степени сталкиваются с теми же проблемами в регулировании общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг, что и Евросоюз, российский и евразийский законодатели могут адаптировать и интегрировать некоторые идеи и положения европейского законодательства в целях совершенствования собственного законодательства. Наблюдение за практикой применения европейского законодательства и грамотная адаптация к потребностям стратегического развития России и ЕАЭС поможет сэкономить усилия на изобретении собственных концепций регулирования «с нуля», а также найти «золотую середину» эффективного регулирования, избежав как чрезмерно жесткого (подрывающего процесс внедрения инноваций), так чрезмерно мягкого (оставляющего без должных правовых гарантий общество) подходов. Безусловно, недопустимо оставлять деятельность цифровых компаний без регулирования, надеясь только на саморегулирование; комплексный подход должен учесть интересы всех заинтересованных сторон и сформировать правовую базу для дальнейшего развития цифровой экономики, в т.ч. для обеспечения национальной безопасности в условиях обострения внешнеполитической обстановки.

Завершить как диссертацию, так и настоящее Заключение, мы сочли возможным краткой характеристикой тенденций в правовом регулировании общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг и в развитии данных сфер в принципе. В ближайшее 5 – 10 лет следует ожидать ужесточения законодательства в цифровой сфере в целом, включая антимонопольную политику и порядок оборота различных (не исключительно персональных) данных; обострения противоречий между объективными потребностями как в сдерживании монополистических тенденций на национальных цифровых рынках, так и в поощрении собственных национальных платформ к захвату иностранных цифровых рынков; поиска подходящих режимов регулирования общественных отношений в сферах цифровых рынков и цифровых услуг, включая обращение к инновационным режимам «регулирования в целях развития» (научно-технологическим и бизнес кластерам) и к расширению практики антимонопольных и судебных органов. Кроме того, очевидное усиление влияния операторов цифровых платформ на государственную политику будет продолжаться, как и обострение противостояния государств и блоков государств в цифровой сфере.

## ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

ДЕС — Договор о Европейском союзе

ДФЕС — Договор о функционировании Европейского союза

ЕАБР — Евразийский банк развития

ЕАЭС — Евразийский экономический союз

Еврокомиссия — Европейская комиссия

Европарламент — Европейский парламент

ЕС, Евросоюз, Союз — Европейский союз

ЕЭК — Евразийская экономическая комиссия

ЗоЗПП — Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей»

ИИ — искусственный интеллект

ИКТ — информационно-коммуникационные технологии

НАТО — Организация Североатлантического договора

ОС — операционные системы

ПВЗ — пункт вывоза (выдачи) заказов

РАТЭК — Ассоциация торговых компаний и товаропроизводителей электробытовой и компьютерной техники

РАЭК — Российская ассоциация электронных коммуникаций

РКН — Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

СВО — Специальная военная операция Российской Федерации на Украине

ФАС — Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации

BEA — Bureau of Economic Analysis (Бюро экономического анализа США)

CJEU — Court of Justice of the European Union (Суд Европейского союза)

DMA — Digital Markets Act (Регламент ЕС о цифровых рынках)

DSA — Digital Services Act (Регламент ЕС о цифровых услугах)

DSC — Digital Services Coordinator (Координатор цифровых услуг)

DSM — Digital Single Market (Единый цифровой рынок)

EESC — European Economic and Social Committee (Европейский экономический и социальный комитет)

FTC — Federal Trade Commission (Федеральная торговая комиссия США)

GDPR — General Data Protection Regulation (Общий регламент ЕС по защите данных)

VLOP — Very Large Online Platforms (Очень большие онлайн-платформы)

VLOSE — Very Large Online Service Engines (Очень большие поисковые системы)

# СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

## 1. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

### *1.1. Международно-правовые акты*

#### *1.1.1. Международные договоры*


1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // СПС «КонсультантПлюс». Текст Договора опубликован на Правовом портале Евразийского экономического союза (https://docs.eaeunion.org), на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)
2. Приложение № 3 к Договору о Евразийском экономическом союзе // СПС «КонсультантПлюс»


#### *1.1.2. Нормативные правовые акты Европейского союза*


3. Council Regulation (EC) No 139/2004 of 20 January 2004 on the control of concentrations between undertakings [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2004/139/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)
4. Directive (EU) 2022/2555 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on measures for a high common level of cybersecurity across the Union, amending Regulation (EU) No 910/2014 and Directive (EU) 2018/1972, and repealing Directive (EU) 2016/1148 (NIS 2 Directive) [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2555/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)
5. Directive (EU) 2022/2557 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on the resilience of critical entities and repealing Council Directive 2008/114/EC [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2557/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)
6. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular

electronic commerce, in the Internal Market («Directive on electronic commerce») [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2000/31/oj (дата обращения: 14.09.2025)

7. Directive 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2011 on consumer rights, amending Council Directive 93/13/EEC and Directive 1999/44/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directive 85/577/EEC and Directive 97/7/EC of the European Parliament and of the Council [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2011/83/oj (дата обращения: 14.09.2025)
8. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act) and amending Directive 2000/31/EC [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52020PC0825 (дата обращения: 14.09.2025)
9. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)
10. Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services [Электронный ресурс] URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2019/1150/oj (дата обращения: 14.09.2025)
11. Regulation (EU) 2019/881 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on ENISA (the European Union Agency for Cybersecurity) and on information and communications technology cybersecurity certification and repealing Regulation (EU) No 526/2013 (Cybersecurity Act) [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/881/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)
12. Regulation (EU) 2021/694 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 establishing the Digital Europe Programme and repealing Decision

(EU) 2015/2240 [Электронный ресурс] URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2021/694/oj (дата обращения: 14.09.2025)

13. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)
14. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC [Электронный ресурс] URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj (дата обращения: 14.09.2025)
15. Regulation (EU) 2022/2554 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on digital operational resilience for the financial sector and amending Regulations (EC) No 1060/2009, (EU) No 648/2012, (EU) No 600/2014, (EU) No 909/2014 and (EU) 2016/1011 [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2554/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)
16. Regulation (EU) 2022/868 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 on European data governance and amending Regulation (EU) 2018/1724 (Data Governance Act) [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/868/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)
17. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj (дата обращения: 14.09.2025)
18. Regulation (EU) 2023/1781 of the European Parliament and of the Council of 13 September 2023 establishing a framework of measures for strengthening Europe's semiconductor ecosystem and amending Regulation (EU) 2021/694 [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1781/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)

19. Regulation (EU) 2023/2854 of the European Parliament and of the Council of 13 December 2023 on harmonised rules on fair access to and use of data and amending Regulation (EU) 2017/2394 and Directive (EU) 2020/1828 (Data Act) [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/2854/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)
20. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)
21. Regulation (EU) 2024/2847 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on horizontal cybersecurity requirements for products with digital elements and amending Regulations (EU) No 168/2013 and (EU) 2019/1020 and Directive (EU) 2020/1828 [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/2847/oj/eng (дата обращения: 14.09.2025)
22. Treaty on the Functioning of the European Union (Consolidated version 2016) // OJ C 202, 7.6.2016, p. 1-388;
23. Treaty on European Union (Consolidated version 2016) // OJ C 202, 7.6.2016, p. 1388 Single European Act (1986) // OJ L 169, 29.6.1987. P. 1-28

### *1.1.3. Иные акты Институтов и органов Европейского союза*

24. Briefing note for the meeting of the EMPL Committee 5 October 2009 regarding the exchange of views on the Lisbon Strategy and the EU cooperation in the field of social inclusion [Электронный ресурс] URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/empl/dv/lisbonstrategybn_/lisbonstrategybn_en.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

25. Communication from the Commission Europe 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:en:PDF (дата обращения: 14.09.2025)
26. Communication from the Commission to the European Parliament, The Council, The European Economic and Social Committee and The Committee of the Regions. A Digital Single Market Strategy for Europe [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/attachment/8210/DSM_communication.pdf (дата обращения: 14.09.2025)
27. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: A Digital Agenda for Europe [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52010DC0245R(01) (дата обращения: 14.09.2025)
28. Communication from The Commission. Guidelines on the applicability of Article 101 of the Treaty on the Functioning of the European Union to horizontal co-operation agreements (2023/C 259/01) [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52023XC0721(01) (дата обращения: 14.09.2025)
29. Decision (EU) 2022/2481 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 establishing the Digital Decade Policy Programme 2030 (Text with EEA relevance) [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2022/2481/oj (дата обращения: 14.09.2025)
30. Digital Markets Act. 2020/0374(COD) 30/11/2021 [Электронный ресурс] URL: https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/en/document-summary?id=1684303 (дата обращения: 14.09.2025)
31. DMA Annual Reports [Электронный ресурс] URL: https://digital-markets-act.ec.europa.eu/about-dma/dma-annual-reports_en (дата обращения: 14.09.2025)

32. Europe' S way to the Information Society. An Action Plan - Communication from the Commission to the Council and the European Parliament and to the Economic and Social Commitee and the Committee of Regions [Электронный ресурс] URL: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/deed9eb9-0b6e-11e4-a7d0-01aa75ed71a1/ (дата обращения: 14.09.2025)
33. European initiative on processors and semiconductor technologies [Электронный ресурс] URL: https://web.archive.org/web/20250710103625/https://www.cde.ual.es/web/20250710103625/https://www.cde.ual.es/en/european-initiative-on-processors-and-semiconductor-technologies/ (дата обращения: 14.09.2025)
34. Europe's Way to the Information Society - An Action [Электронный ресурс] URL: https://dspace.uevora.pt/rdpc/bitstream/10174/12999/2/02ueeuropeswaytotheinformationsocietyanactionp.pdf (дата обращения: 14.09.2025)
35. Explanatory Memorandum to COM(2024)106 - Annual report on Regulation 2022/1925 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) - Main contents [Электронный ресурс] URL: https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j4nvhdfdk3hydzq_j9tvgajcor7dxyk_j9vvik7m1c3gyxp/vmbbgkoy4pzo (дата обращения: 14.09.2025)
36. Fabo B., Beblavý M., Kilhoffer Z., Lenaerts K. An overview of European Platforms: Scope and Business Models // JRC Research Reports — 2017 — Pp. 1 – 38.
37. Latest updates on Digital Markets Act. [Электронный ресурс] URL: https://competition-cases.ec.europa.eu/latest-updates/InstrumentDMA (дата обращения: 14.09.2025)
38. Madiega, T.A. Digital sovereignty for Europe. European Parliamentary Research Service, July 2020 [Электронный ресурс] URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI(2020)651992_EN.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

39. Press Release No 114/24 Luxembourg, 17 July 2024. Digital Markets Act: The General Court dismisses the action brought by Bytedance (TikTok) against the decision of the Commission designating it as a gatekeeper [Электронный ресурс] URL: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2024-07/cp240114en.pdf (дата обращения: 14.09.2025)
40. Report from The Commission to The Council and The European Parliament. Annual report on Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) [Электронный ресурс] URL: https://digital-markets-act.ec.europa.eu/document/download/8ed232e8-a674-4434-a13e-8712ea42b0f5_en?filename=DMA_annual_report_2024.pdf (дата обращения: 14.09.2025)
41. Report from the Commission to the Council and the European Parliament. Annual report on Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act). [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52025DC0166 (дата обращения: 14.09.2025)
42. Reports on competition policy. [Электронный ресурс] URL: https://competition-policy.ec.europa.eu/publications/annual-reports_en (дата обращения: 14.09.2025)
43. Summary of Commission Decision of 12 February 2024 relating to a decision pursuant to Article 17(3) of Regulation (EU) 2022/1925 (Cases DMA.100015 – Microsoft – Online Search Engines, DMA.100028 – Microsoft – Web Browsers, DMA.100034 – Microsoft – Online Advertising Services) [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/C/2024/2709/oj (дата обращения: 14.09.2025)
44. Verbatim report of proceedings. Wednesday, 19 January 2022 – Strasbourg. Procedure: 2020/0361(COD) [Электронный ресурс] URL:

https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-9-2022-01-19-ITM-014_EN.html (дата обращения: 14.09.2025)

### *1.1.4. Нормативные акты Евразийского экономического союза*

45. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс». Текст решения опубликован на Правовом портале Евразийского экономического союза (https://docs.eaeunion.org) 10 ноября 2017 г.

## *1.2. Нормативные правовые акты Российской Федерации*

46. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) // СЗ РФ от 29 января 1996 г. № 5 ст. 410
47. Гражданский кодекс РФ (часть первая) // СЗ РФ от 3 декабря 2001 г. № 49 ст. 4552
48. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 9 апреля 1992 г., № 15, ст. 766
49. Законопроект «О платформенной экономике в Российской Федерации», ID: 02/04/11-24/00152517. Федеральный портал проектов нормативных актов [Электронный ресурс] URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=152517 (дата обращения: 14.09.2025)
50. Законопроект № 1138398-7 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О защите прав потребителей" и Федеральный закон "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров»

[Электронный ресурс] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1138398-7 (дата обращения: 14.09.2025)

51. Законопроект № 445923-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации" и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей"» [Электронный ресурс] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/445923-8 (дата обращения: 14.09.2025)
52. Законопроект № 568223-8 «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации"». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/568223-8 (дата обращения: 14.09.2025)
53. Законопроект № 679980-8 «О внесении изменений в статью 9 Федерального закона "О персональных данных" и статью 10 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей"». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/679980-8 (дата обращения: 14.09.2025)
54. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»// СЗ РФ от 12 декабря 2016 г. № 50 ст. 7074
55. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ от 14 октября 2019 г. № 41 ст. 5700
56. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СЗ РФ от 15 мая 2017 г. № 20 ст. 2901
57. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ от 31 июля 2006 г. N 31 (часть I) ст. 3434
58. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3448

59. Федеральный закон от 28 декабря 2009 года № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ от 4 января 2010 г. № 1 ст. 2

### *1.2.1. Официальные документы правительственных органов Российской Федерации и ЕАЭС*

60. Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы» [Электронный ресурс] URL: https://economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceрciya_21052021.pdf (дата обращения: 14.09.2025)
61. «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС «КонсультантПлюс»
62. Сборник Цифровая повестка ЕАЭС 2016-2019-2025, подготовленный Евразийской экономической комиссией, 2019 г. [Электронный ресурс] URL: https://digital.eaeunion.org/upload/medialibrary/085/Сборник Цифровая повестка ЕАЭС 02-12-19 РАЗВОРОТЫ.pdf (дата обращения: 14.09.2025)
63. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации. Совместный доклад Группы Всемирного банка и ЕЭК [Электронный ресурс] URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/864/Obzor-VB.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

### ***1.3. Материалы судебной практики***

64. Case C-58/08 The Queen, on the application of: Vodafone Ltd and Others v. Secretary of State for Business, Enterprise and Regulatory Reform [Электронный

ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62008CJ0058 (дата обращения: 14.09.2025)

65. Judgment of the Court of 4 October 1991. European Parliament v Council of the European Communities. Radioactive contamination of foodstuffs [Электронный ресурс] Case C-70/88. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:61988CJ0070%2801%29 (дата обращения: 14.09.2025)

## 2. Специальная литература

### *2.1. Учебники, учебные пособия, монографии, статьи на русском языке*

66. Аваева, Д.С. Актуальные направления правового обеспечения развития цифровой экономики в ЕАЭС / Д. С. Аваева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 11, № 2(155). – С. 39-48.

67. Акбердина, В.В. Нормативно-правовое законодательство как способ регулирования деятельности цифровых платформ / В. В. Акбердина, А. З. Барыбина, Е. А. Никулина // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 1(60). – С. 20-25.

68. Алтухов А. В., Гостилович А. О., Иванов К. А. Инновационные бизнес-модели в авиационной промышленности // Экономика и управление. — 2021. — Т. 27, № 3. — С. 190–200

69. Алтухов, А.В., Кашкин, С.Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16, № 7. — С. 86–94.

70. Антонов, Я.В., Федотова, В.М. К вопросу о необходимости правового регулирования электронной коммерции в России и за рубежом // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2017. — №2 (22). [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neobhodimosti-

pravovogo-regulirovaniya-elektronnoy-kommertsii-v-rossii-i-za-rubezhom (дата обращения: 01.09.2025)

71. Ануфриева, Л.П. Цифровизация: юридические концепции и конструкции, нарративы и термины и их особенности (отдельные заметки в общетеоретическом и международно-правовом аспектах) / Л. П. Ануфриева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 12(112). – С. 153-164.
72. Арабей, Е.А. Правовые аспекты деятельности Европейского Союза в области защиты прав потребителей: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10: защищена 27.11.14 — М., 2014. — 256 с.
73. Арутюнян, А. А., Бербенева, А. Д. Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ // Цифровое право — 2022 — Т. 3(3) — С. 79–96.
74. Аузан, А.А. Цифровая экономика как экономика: институциональные тренды // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2019. — № 6. — С. 12–19.
75. Блажеев, В.В. Цифровое право: учебник / В.В. Блажеев, М.А. Егорова. - Москва : Проспект, 2020. — 640 с. — ISBN 978-5-392-22729-7
76. Безбородов Ю. С., Понаморенко В. Е., Лунёв А. А. Валютная интеграция евразийских государств: от протокооперации к симбиозу и обратно // Российское право: образование, практика, наука — 2025 — № 1 — С. 32–41.
77. Беляева, Г.С. Правовой режим: общетеоретические аспекты / Г. С. Беляева ; Юго-Западный государственный университет. – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2013. – 123 с.
78. Бирюков, П.Н. Ответственность за вред, причиненный технологиями с искусственным интеллектом: подход Европейского союза / П. Н. Бирюков // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 39-49.

79. Бирюков, П.Н. О цифровых доказательствах в зарубежном уголовном процессе / П. Н. Бирюков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1(48). – С. 275-286.
80. Богдан, В. В. Последствия Брексита для потребителей и законодательства о защите прав потребителей Великобритании / В. В. Богдан, Е. В. Черных, Р. В. Халин // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2018. – № 1(76). – С. 204-210.
81. Бруева, А. Р. Анализ регулирования деятельности участников электронной коммерции Директивой 2000/ЕС / А. Р. Бруева // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 92-7. – С. 49-54.
82. Бурдов, С. Тенденции правового регулирования режимов конфиденциальной информации в праве Европейского Союза / С. Бурдов // Хозяйство и право. – 2013. – № 12(443). – С. 88-93
83. Бухт, Р., Хикс, Р. (2018) Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций — Т. 13 — № 2 — С. 143–172
84. ван Альстайн, М., Паркер, Дж., Чаудари, С.П. Воронки продаж, платформы и новые стратегические правила. // Платформы и экосистемы / Пер. с англ. — М. : Альпина Паблишер, 2023. — 194 с. — (Серия «Harvard Business Review: 10 лучших статей)
85. Войниканис, Е. А. Право быть забытым: правовое регулирование и его теоретическое осмысление / Е. А. Войниканис // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2016. – № 3(326). – С. 70-89.
86. Вылегжанин, А.Н., Штодина, Д.Д. Международно-правовая характеристика регулирования онлайн-торговли в США и ЕС // Вестник Томского государственного университета — 2022 — № 483 — С. 227–239.
87. Гирич, М. Г. От денежных транзакций к неденежным: персональные данные потребителя в электронной коммерции / М. Г. Гирич, А. Д. Левашенко, А. А. Коваль // Финансовый журнал. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 117-130.

88. Гирич, М. Г. Сравнительный анализ правового регулирования рекламных услуг в интернете, оказываемых цифровыми платформами в России и зарубежных странах / М. Г. Гирич, О. С. Магомедова, А. Д. Левашенко // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 163-185.
89. Григорьев, М.Н., Максимцев, И.А., Уваров, С.А. Цифровые платформы как ресурс повышения конкурентоспособности цепей поставок // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 2(110). – С. 7-11.
90. Гриффитс, Дж. Великий Китайский Файрвол — М.: Эксмо, 2022. — 464 с.
91. Грушин, Ю.О. Анализ новейшего немецкого антимонопольного законодательства / Ю. О. Грушин // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2024. – № 4(36). – С. 33-39.
92. Грушин, Ю.О. Комментарий к содержанию пятого антимонопольного пакета / Ю. О. Грушин // Право и цифровая экономика. – 2024. – № 3(25). – С. 40-51.
93. Грушин, Ю.О. Предварительный анализ механизма Европейских цифровых инфраструктурных консорциумов (EDIC) / Ю. О. Грушин // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 10(197). – С. 27-28.
94. Данельян, А. А. Юридические аспекты регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации / А. А. Данельян, Е. Н. Трикоз, Е. Е. Гуляева // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2021. – № 1. – С. 29-38.
95. Данилин, И.В. Развитие цифровой экономики США и КНР: факторы и тенденции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право — 2019 — Т. 12. № 6. — С. 246–267.
96. Дашкевич, А.В. Особенности развития цифровой экономики государств - членов ЕАЭС / А. В. Дашкевич // Тенденции экономического развития в XXI веке : материалы V Международной научно-практической конференции. В. 2 ч., Минск, 01 марта 2023 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2023. – С. 96-99.

97. Добробаба, М.Б., Минбалеев, А.В. Выработка правовых средств адаптации к санкционным мерам в сфере ИТ-сектора // Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки — 2024 — Т. 17(6) — С. 1047–1066.
98. Дудко, И. Г. Право на забвение: особенности правового регулирования и практика в Российской Федерации / И. Г. Дудко, Т. В. Славкина // Проблемы права. – 2017. – № 5(64). – С. 38-42.
99. Дупан, А. С. Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ: от мягкого права и саморегулирования к императивам / А. С. Дупан, Ю. С. Бикбулатова // Закон и право. – 2022. – № 2. – С. 211-218.
100. Емельянов, А.А. К вопросу о цифровом суверенитете России / А. А. Емельянов, И. Л. Коршунов, С. Ю. Микадзе // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 6(138). – С. 84-90.
101. Ефремов, А.А. Оценка результативности и эффективности экспериментального регулирования в сфере цифровых инноваций / А. А. Ефремов, В. Н. Южаков // Информационное общество. – 2021. – № 3. – С. 41-50.
102. Ефремов, А. Цифровая интеграция ЕАЭС: в тупике или на распутье? [Электронный ресурс] URL: https://globalaffairs.ru/articles/czifrovaya-integracziya-eaes/ (дата обращения: 14.09.2025)
103. Жаркова, Е.А. Цифровая экономика России в контексте развития глобальной цифровой экономики / Е. А. Жаркова // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. – 2022. – № 4(15). – С. 69-79.
104. Зажигалкин, А.В. Международно-правовое регулирование электронной коммерции: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10: защищена 23.06.2005 — М., 2005. — 189 с.
105. Иваненко, О.Б., Степанова, А.О., Ковалев, А.И. Тенденции цифровизации экономики России // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий — 2021 — Т. 10(2) — С. 60-66.

106. Истомин, В.Г. Антимонопольное регулирование в странах Европейского Союза / Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 108-120.

107. Капустин, А.Я. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения — 2022. — Т. 18, № 6. — С. 99—108.

108. Касенова, М. Б. Некоторые замечания относительно диверсификации правового регулирования защиты персональных данных: подход Европейского союза / М. Б. Касенова // Юридическая наука. – 2018. – № 2. – С. 17-26.

109. Катков, П. Проблемы правового регулирования вопроса осведомленности информационного посредника в российском и иностранном праве / П. Катков // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2014. – № 11. – С. 47-53. – EDN UGURIX.

110. Кашкин, С.Ю., Алтухов, А.В. Роль искусственного интеллекта в становлении платформенного права и его эволюции в направлении концепции права экосистем // Lex russica. — 2022. — Т. 75, № 1. — С. 94–108.

111. Кашкин, С.Ю. Платформенное право как инструмент инновационных инвестиционных платформ (краудфандинг) / С. Ю. Кашкин, А. В. Алтухов, Н. А. Пожилова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 1(77). – С. 155-164.

112. Кашкин, С.Ю., Четвериков, А.О., Алтухов, А.В. Основы платформенного и экосистемного права: учебное пособие / отв. ред. С.Ю. Кашкин. — Москва: РУСАЙНС, 2022. — 112 с.

113. Киселева, Л.Ю. Интернет-торговля и особенности ее правового регулирования // Научные записки молодых исследователей — 2021. — №3. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-torgovlya-i-osobennosti-ee-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 29.12.2024)

114. Козинец, Н.В. Особенности правового регулирования трансграничной электронной торговли: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03: защищена 18.04.2017 - М., 2017. - 209 с.

115. Костин, К.Б., Субоч, А.Н. Современные бизнес-модели электронной коммерции // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Том 10, № 3. – С. 1623-1642

116. Красиков, Д.В. Развитие концепции цифрового суверенитета в правовой политике Европейского союза // Бизнес. Образование. Право. — 2021. — № 4 (57). — С. 255—259.

117. Криштаносов, В.Б. Формирование институциональной экосистемы цифровой экономики в ЕС и ЕАЭС: сравнительный анализ // Социальные новации и социальные науки : [электронный журнал]. – 2022. – № 2. – С. 140–154.

118. Кулакова, Т.А. Цифровой суверенитет и политико-административные режимы / Т. А. Кулакова, А. В. Волкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2023. – Т. 39, № 1. – С. 92-105.

119. Кулапов, М.Н., Переверзева Е.И., Кириллова О.Ю. Бизнес-экосистемы: определения, типологии, практики развития // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Том 12, № 3. – С. 1597–1612

120. Липинская, А. М. Алгоритмы ранжирования товаров на агрегаторах: пределы юридического контроля / А. М. Липинская, А. Ж. Киселева // Интернаука. – 2025. – № 20-7(384). – С. 48-50.

121. Лифшиц, И.М., Смбатян, А.С. Правовые аспекты формирования общего биржевого пространства ЕАЭС в свете наилучших практик интеграционных объединений // Lex russica. — 2025. — Т. 78, № 5. — С. 113–129.

122. Ловинк, Г. В плену у платформы. Как нам вернуть себе интернет — М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. — 232 с.

123. Мажорина, М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 2(147). – С. 107-120.

124. Мажорина, М.В. Киберпространство и методология международного частного права // Право Журнал Высшей школы экономики — 2020. — № 2. — С. 230–253

125. Марченко, А.Ю. Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта: дис. … канд. юр. наук: 12.00.10. защищена 16.09.2022 – М., 2022. — 208 с.

126. Махмудова, Г. Н. Проблемы формирование цифровой экономики в странах ЕАЭС / Г. Н. Махмудова, Н. Ф. Гуломова // Интеллектуальная платформенная экономика: тенденции развития: Монография / Под редакцией А.В. Бабкина. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", 2023. – С. 10-48.

127. Международная интеграция и технологический суверенитет: правовые решения (зарубежный опыт): монография / А.Г. Барабашев, П.А. Калиниченко, С.Ю. Кашкин [и др.]; под ред. С. Ю. Кашкина. — Москва: Русайнс, 2023. — 207 с.

128. Мелехин, А.В. Теория государства и права: Учебник с учебно-методическими материалами. — 2-е изд., доп. и перераб. — М., 2009. — 545 с.

129. Мефодьева, К. А. Эволюция законодательства ЕС о защите прав потребителей цифрового контента / К. А. Мефодьева // Международный правовой курьер. – 2018. – № 1(25). – С. 48-53.

130. Некотенева, М. В. Электронная коммерция и некоторые особенности защиты прав потребителей в соответствии с правом ЕС / М. В. Некотенева // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 11(156). – С. 140-145.

131. Новикова, И. В. Оценка статистических показателей для выявления угроз развития цифровой экономики на уровне интеграционной группировки

ЕАЭС / И. В. Новикова, А. В. Равино // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. – 2024. – № 1(280). – С. 5-15.

132. Одестад, Я.А., Оверби, Х. Цифровая экономика — М.: Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2022. — 263 с.

133. О'Нил, К. Убийственные большие данные / пер. с англ. — М.: АСТ, 2019. — 320 с.

134. Осипов, Ю.М., Юдина, Т.Н., Гелисханов, И.З. Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва // Экономические стратегии. – 2018. – Т. 20, № 5(155). – С. 22-29

135. Панфилов, П.О. Правовое регулирование деятельности онлайн-платформ на едином цифровом рынке ЕС: возможности для ЕАЭС / П. О. Панфилов // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 2(195). – С. 91-100.

136. Параскевов, А. В. Сравнительный анализ правового регулирования защиты персональных данных в России и за рубежом / А. В. Параскевов, А. В. Левченко, Ю. А. Кухоль // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 110. – С. 866-894.

137. Подрабинок, Е. М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества / Е. М. Подрабинок // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 290-300.

138. Позднякова, А.Э., Котова, Д.А., Семенова, Е.В. Вопросы конкуренции на рынке социальных сетей // Закон — 2020 г. — N 2 — С. 74 – 85

139. Поиск регуляторного оптимума деятельности цифровых платформ (сравнительный анализ) / А. Кошель, Я. Кузьминов, Е. Кручинская, Б. Лесив // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – № 2. – С. 4-58.

140. Постникова, Е. В. Обеспечение онлайн-доступа к товарам и услугам в рамках внутреннего рынка Европейского союза // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. №2 (45). [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-onlayn-dostupa-k-tovaram-i-

uslugam-v-ramkah-vnutrennego-rynka-evropeyskogo-soyuza (дата обращения: 01.09.2025)

141. Разуваев, Д.В. Международная электронная торговля, проблемы и перспективы развития: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14: защищена 17.11.2004 - М., 2004. - 175 с.

142. Рассолов, И. М. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы / И. М. Рассолов, С. Г. Чубукова, И. В. Микурова // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 1(146). – С. 108-118.

143. Ревенко, Н.С. Европейский Союз на пути к единому цифровому рынку // Мир новой экономики. — 2016. — № 2. — С. 6–15.

144. Роблес-Каррильо, М. Суверенитет и цифровой суверенитет / М. Роблес-Каррильо // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 3. – С. 673-690.

145. Романова, Т.А. Эволюция концепции "цифровой суверенитет" в Евросоюзе: константы и дихотомии / Т. А. Романова // Современная Европа. – 2023. – № 4(118). – С. 62-76.

146. Санников, Д.В. Гражданско-правовая охрана частной жизни в условиях цифровизации общества: дис. ... канд. юр. наук: 00.00.00: защищена 17.02.24 – Пермь., 2023. - 194 с.

147. Свалова, Ю.А., Коннов, Г.Н. О развитии конкуренции в России в условиях цифровой экономики // Российское конкурентное право и экономика — 2020. — № 3 (23). — С. 36— 43.

148. Синюков, В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы / В. Н. Синюков // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 9(154). – С. 9-18.

149. Смит, Б., Браун, К.Э. IT как оружие: какие опасности таит в себе развитие высоких технологий — М.: Альпина Паблишер, 2021. — 352 с.

150. Соколова, М. Е. Первые успехи нового европейского общего Регламента по защите персональных данных / М. Е. Соколова // Современная Европа. – 2020. – № 2(95). – С. 56-66.

151. Солдатова, В. И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий / В. И. Солдатова // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – Т. 73, № 2(159). – С. 33-43.

152. Сопилко, Н.Ю. Основные тренды цифровой трансформации экономики государств ЕАЭС / Н. Ю. Сопилко, О. Ю. Мясникова // Вопросы региональной экономики. – 2021. – № 2(47). – С. 207-213.

153. Суворов, И. С. Анализ возможности применения законов Европейского союза об искусственном интеллекте в Российской Федерации / И. С. Суворов, Ю. Г. Кочарян // Актуальные вопросы современной экономики. – 2024. – № 12. – С. 938-944.

154. Сушкова, О.В. Правовые механизмы саморегулирования и их влияние на цифровые технологии / О. В. Сушкова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 4(92). – С. 168-176.

155. Сфера применения конкурентного права в цифровой экономике / Я. Лианос, Н. Зингалес, Э. Маклин [и др.] // Правоведение. – 2019. – Т. 63, № 4. – С. 522-572.

156. Талапина, Э.В. Большие данные и права человека: на пути к правовому регулированию // Государство и право — 2023 — №7 — С. 129-138.

157. Талапина, Э. В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в Европейском контексте / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права Российской академии наук – 2018 – Т. 13, № 5 – С. 117-150.

158. Теплова, Д. О. Особенности ответственности за мошенничество в международном праве / Д. О. Теплова // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата – 2015 – № 4(39) – С. 146-150.

159. Тимофеев, С.В. Цифровые монополии: задачи и перспективы законодательного антимонопольного регулирования // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право» — 2022 — № 4 — С. 109–120.

160. Тужилова-Орданская, Е. М. Защита прав потребителя: проблемы и тенденции развития / Е. М. Тужилова-Орданская // Власть Закона – 2012 – № 4(12) – С. 69-75.

161. Туликов, А. В. Обеспечение информационной безопасности как гарантия прав человека / А. В. Туликов // Право. Журнал Высшей школы экономики – 2015 – № 2 – С. 50-60.

162. Флитер, Я.С. Реализация свободы слова в цифровой среде // Цифровое право (Digital Law Journal) — 2021 г. — №3(2) — С. 55 – 70

163. Цариковский, А.Ю., Иванов, А.Ю., Войниканис, Е.А. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху / под ред.. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 391 с.

164. Цифровое право: глоссарий понятий /под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – Москва: Проспект, 2023 — 64 с.

165. Чан, Х. Анализ согласованности и координации цифровой экономики и высококачественного экономического развития в странах ЕАЭС / Х. Чан // Фотинские чтения - 2023 (осеннее собрание) : Сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Ижевск, 23–25 ноября 2023 года. – Ижевск: Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, 2024. – С. 265-273.

166. Четвериков, А.О. Право на цифровую неприкосновенность — новое основное право человека? Pro et contra // Юридические исследования — 2024 — № 5. [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70798 (дата обращения: 14.09.2025)

167. Чурилов, А.Ю. Большие данные и их воздействие на конкуренцию // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность — N 7 — 2019 — С. 32-39

168. Чурилов, А.Ю. Принципы общего Регламента Европейского союза о защите персональных данных (GDPR): проблемы и перспективы имплементации // Сибирское юридическое обозрение. — 2019. — №1. — С. 29-35.

169. Шадрин, С.А. Правовое регулирование защиты персональных данных в Европейском союзе: генезис и перспективы развития: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10: защищена 29.08.19 - Казань., 2019. - 309 с.

170. Шелепов, А.В., Колмар, О.И. Регулирование цифровых платформ в России // Вестник международных организаций. — 2024. — Т. 19. № 2. — С. 110 – 126

171. Шендрик, П.В. Теоретические особенности функционирования маркетплейсов / П.В. Шендрик // Международный научно-исследовательский журнал — 2022 — №10 (124) [Электронный ресурс] URL: https://research-journal.org/archive/10-124-2022-october/10.23670/IRJ.2022.124.36 (дата обращения: 17.01.2025)

172. Шиманская, А.В. К вопросу о формировании цифровых платформ ЕАЭС в контексте мировых процессов цифровой трансформации экономики / А. В. Шиманская // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология – 2020 – Т. 10, № 1 – С. 29-36

173. Шишлов, А. А. Правовое регулирование электронной коммерции в рамках Европейского союза / А. А. Шишлов // Закон и право – 2010 – № 3 – С. 50 – 51.

174. Шишлов, А. Правовое регулирование защиты персональных данных в рамках Европейского союза / А. Шишлов // Закон и право. – 2010. – № 1. – С. 32 – 33

175. Шляхтин, И. С. Защита экономических интересов потребителей от недобросовестных коммерческих практик: опыт Европейского союза / И. С. Шляхтин // Экономика. Право. Общество. – 2016. – № 2(6). – С. 49-57.

176. Шрам, Д.В. Антимонопольное регулирование деятельности IT-гигантов: основные тенденции зарубежного и российского законодательства / Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 1(29). – С. 54-65.

177. Шугурова, И. Обеспечение сбалансированной конкуренции по законодательству Европейского союза о товарных знаках / И. Шугурова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2017. – № 12. – С. 66-73.

178. Юдина, Т.Н. Неклассические войны: технологическая война между США и КНР за лидерство во внедрении «искусственного интеллекта» в экономику / Т.Н. Юдина, П.С. Шмелев- Текст : электронный // Теоретическая экономика. — 2024 — №6. — С. 75 – 89

### *2.2. Учебники, учебные пособия, монографии, статьи на иностранном языке*

179. Andrès, J.-M., Truchet, M. Financial Forum Santiago de Ccompostela. september 2023. Summary [Электронный ресурс] URL: https://www.eurofi.net/wp-content/uploads/2023/11/summary_the-eurofi-high-level-seminar_santiago_september-2023.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

180. Ankersmit, L. The Boundaries of the Development Cooperation Legal Basis: What to Make of the Court's 'centre of Gravity' Test? European Law Blog, June. https://doi.org/10.21428/9885764c.9354a58d. [Электронный ресурс] URL: https://www.europeanlawblog.eu/pub/the-boundaries-of-the-development-cooperation-legal-basis-what-to-make-of-the-courts-centre-of-gravity-test/release/1 (дата обращения: 14.09.2025)

181. Barata, J. Positive Intent Protections: Incorporating a Good Samaritan principle in the EU Digital Services Act [Электронный ресурс] URL: https://cdt.org/wp-content/uploads/2020/07/2020-07-29-Positive-Intent-Protections-Good-Samaritan-principle-EU-Digital-Services-Act-FINAL.pdf (дата обращения: 28.01.2025)

182. Barefoot, K., Curtis, D., Jolliff, W., Nicholson, J.R., Omohundro, R. Defining and Measuring the Digital Economy — 2018 [Электронный ресурс] URL: https://www.bea.gov/sites/default/files/papers/defining-and-measuring-the-digital-economy.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

183. Bartels, N., Schmitt, A. Developing network effects for digital platforms in two-sided markets – The NfX construction guide // Digital Business — 2022 — Volume 2, Issue 2 [Электронный ресурс] URL: https://doi.org/10.1016/j.digbus.2022.100044 (дата обращения: 31.11.2023)

184. Boscheck, R. The EU's Digital Markets Act: Regulatory Reform, Relapse or Reversal? [Электронный ресурс] URL: https://www.intereconomics.eu/contents/year/2024/number/3/article/the-eu-s-digital-markets-act-regulatory-reform-relapse-or-reversal.html (дата обращения: 14.09.2025)

185. Bradford, A. Digital Empires: The Global Battle to Regulate Technology — Oxford Academic: 2023 — 653 pp.

186. Brunori, B., Harasztosi, P., Merante, C., Rückert, D., Weiss, C. Digitalisation in Europe 2022–2023. Evidence from the EIB Investment Survey [Электронный ресурс] URL: https://www.eib.org/attachments/lucalli/20230112_digitalisation_in_europe_2022_2023_en.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

187. Busch, C. The P2B Regulation (EU) 2019/1150: Towards a "procedural turn" in EU platform regulation? // Journal of European Consumer and Market Law — 2020 — 9 — Pp. 133 – 178. URL: https://kluwerlawonline.com/api/Product/CitationPDFURL?file=Journals\EuCML\EuCML2020055.pdf (дата обращения: 01.09.2025)

188. Caratozzolo, G. The Digital Markets Act in action: analysis of the early practice of the Commission // Fascicolo — 2024 — n. 3 — Pp. 141 – 154. [Электронный ресурс] URL: https://rivista.eurojus.it/wp-content/uploads/pdf/The-DMA-in-action-Analysis-of-the-early-practice-of-the-Commission.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

189. Cauffman, C., Goanta, C. A New Order: The Digital Services Act and Consumer Protection // European Journal of Risk Regulation — 2021 — 12(4) — Pp. 758-774.

190. Cennamo, C. Competing in Digital Markets: A Platform-Based Perspective // Forthcoming in Academy of Management Perspectives — 2019 [Электронный ресурс] URL: https://ssrn.com/abstract=3410982 (дата обращения: 14.09.2025)

191. Chee, F. Y. Top EU judge expects a wave of litigation from tech giants against new tech law [Электронный ресурс] URL: https://www.reuters.com/technology/top-eu-judge-expects-wave-litigation-tech-giants-against-new-tech-law-2023-03-17/ (дата обращения: 14.09.2025)

192. Christakis, T. «European Digital Sovereignty»: Successfully Navigating Between the «Brussels Effect» and Europe's Quest for Strategic Autonomy — 2020 [Электронный ресурс] URL: https://ssrn.com/abstract=3748098 (дата обращения: 14.09.2025)

193. de Gregorio, G. The Rise of Digital Constitutionalism in the European Union // International Journal of Constitutional Law — 2020 — 19(1) — Pp. 41-70.

194. de Pablo, A.L., Fernández, N.B. Why The Proposed DMA Might be Illegal Under Article 114 TFEU, And How To Fix It // Journal of European Competition Law & Practice — 2021 — Volume 12, Issue 7 — Pp. 576–589 [Электронный ресурс] URL: https://doi.org/10.1093/jeclap/lpab059 (дата обращения: 14.09.2025)

195. de Reuver, M., Sørensen, C., Basole, R.C. The Digital Platform: A Research Agenda // Journal of Information Technology — 2018 — 33(2) — Pp. 124–135 [Электронный ресурс] URL: https://doi.org/10.1057/s41265-016-0033-3 (дата обращения: 31.11.2023)

196. de Streel, A., Larouche, P. The European Digital Markets Act: A Revolution Grounded on Traditions // Journal of European Competition Law & Practice — 2021 [Электронный ресурс] URL: https://ssrn.com/abstract=3911361 (дата обращения: 14.09.2025)

197. Delinavelli, G. Cybersecurity for Europe without a legal basis? [Электронный ресурс] URL: https://www.europeanlawblog.eu/pub/cybersecurity-for-europe-without-a-legal-basis/release/1 (дата обращения: 14.09.2025)

198. Digital Services Coordinators. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/dsa-dscs (дата обращения: 14.09.2025)

199. dos Santos, M. M. The Digital Markets Act: criticism and its potential negative impact on Small and Medium Enterprises (SMEs) [Электронный ресурс] URL: https://web.archive.org/web/20241207232451/https://www.servulo.com/en/knowledge/The-Digital-Markets-Act-criticism-and-its-potential-negative-impact-on-Small-and-Medium-Enterprises/8157/ (дата обращения: 14.09.2025)

200. Eferin, Y., Hohlov, Y., Rossotto, C. Digital platforms in Russia: competition between national and foreign multi-sided platforms stimulates growth and innovation // Digital Policy, Regulation and Governance — Vol. 21, Issue 2 — Pp. 129 – 145 [Электронный ресурс] URL: https://doi.org/10.1108/DPRG-11-2018-0065 (дата обращения: 14.09.2025)

201. Engel, A., Zemskova, A. The Good, the Bad, or the Ugly? The Choice of Legal Basis in EU Digital Finance [Электронный ресурс] URL: https://www.europeanpapers.eu/e-journal/good-bad-ugly-choice-legal-basis-eu-digital-finance (дата обращения: 14.09.2025)

202. Evans, D.S., Schmalensee, R. Matchmakers: The New Economics of Multisided Platforms — Harvard Business Review Press, 2016. — 272 pp.

203. Fahey, E. Does the EU's Digital Sovereignty Promote Localisation in Its Model Digital Trade Clauses? // European Papers — 2023 — Vol. 8, No 2 — Pp. 503 – 511

204. Floridi, L. The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU // Philos. Technol. — 2020 — 33 — Pp. 369 – 378

205. Gawer, A. Digital platforms and ecosystems: remarks on the dominant organizational forms of the digital age // Innovation — 2022 — 24:1 — Pp. 110-124

206. Görgen, J. Brussels Effect Under Attack: Fatigue, Digital Fallacies, and Reinvention [Электронный ресурс] URL: https://www.techpolicy.press/brussels-effect-under-attack-fatigue-digital-fallacies-and-reinvention/ (дата обращения: 14.09.2025)

207. Gregory, R. Henfridsson, O., Kaganer, E., Kyriakou, H. The Role of Artificial Intelligence and Data Network Effect for Creating User Value // Academy of Management Review — 2020 — 46. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/339667641_The_Role_of_Artificial_Intelligence_and_Data_Network_Effect_for_Creating_User_Value (дата обращения: 31.11.2023)

208. Groussot, X., Engel, A., Petursson, G. New Directions in Digitalisation: Perspectives from EU Competition Law and the Charter of Fundamental Rights — 2024 [Электронный ресурс] URL: https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/96096/1/9783031653810.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

209. G'sell, F. The Digital Services Act (DSA): A General Assessment // SSRN Electronic Journal — 2023 [Электронный ресурс] URL: 10.2139/ssrn.4403433.

210. Hajro, N., Hjartar, K., Jenkins, P., Vieira, B. Opportunity knocks for Europe's digital consumer: Digital trends show big gains and new opportunities [Электронный ресурс] URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/opportunity-knocks-for-europes-digital-consumer-digital-trends-show-big-gains-and-new-opportunities (дата обращения: 14.09.2025)

211. Harutyunyan, V. The AI Arms Race: DeepSeek Vs. OpenAI And The Battle For Global AI Dominance [Электронный ресурс] URL: https://www.forbes.com/councils/forbesbusinesscouncil/2025/02/27/the-ai-arms-race-deepseek-vs-openai-and-the-battle-for-global-ai-dominance/ (дата обращения: 14.09.2025)

212. Hein, A., Schreieck, M., Riasanow, T. et al. Digital platform ecosystems. // Electron Markets — 2020 — 30 — Pp. 87 – 98 [Электронный ресурс] URL: https://doi.org/10.1007/s12525-019-00377-4 (дата обращения: 31.11.2023)

213. Husovec, M. The Digital Services Act's red line: what the Commission can and cannot do about disinformation. // Journal of Media Law — 2024 — 16(1) — Pp. 47 – 56. [Электронный ресурс] URL: https://doi.org/10.1080/17577632.2024.2362483 (дата обращения: 14.09.2025)

214. Husovec, M., Urban, J. Will the DSA have the Brussels Effect? [Электронный ресурс] URL: https://verfassungsblog.de/will-the-dsa-have-the-brussels-effect/ (дата обращения: 14.09.2025)

215. Ivan-Ungureanu, C., Mărcuț, M. The Lisbon Strategy // Romanian Journal of Economic Forecasting – 2006 — 1 [Электронный ресурс] URL: https://core.ac.uk/download/pdf/7195625.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

216. Jacobides, M.G. Regulating Big Tech in Europe: Why, so What, and How Understanding Their Business Models and Ecosystems Can Make a Difference — 2020 — 42 Pp. [Электронный ресурс] URL: https://ssrn.com/abstract=3765324 (дата обращения: 05.10.2025).

217. Jones, M.L., Kaminski, M.E. An American's Guide to the GDPR // Denver Law Review — 2020 — 98(1) — Pp. 93 – 128. [Электронный ресурс] URL: https://digitalcommons.du.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=7364&context=dlr (дата обращения: 01.09.2025)

218. Katz, M.L., Shapiro, C. Network Externalities, Competition, and Compatibility // The American Economic Review — 1985 — vol. 75, no. 3 — Pp. 424 – 440. [Электронный ресурс] URL: http://www.jstor.org/stable/1814809 (дата обращения: 31.11.2023)

219. Kleinhans, J.-P. The Missing Strategy in Europe's Chip Ambitions. Member States Must Drive the Next Steps. // Interface — 2024 [Электронный ресурс] URL: https://www.interface-eu.org/publications/europe-semiconductor-strategy (дата обращения: 14.09.2025)

220. La Rosa, A., Mazzilli, M. G. DSA: the European «good Samaritan» rule and the «safe harbour» regime. [Электронный ресурс] URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=889e875c-9f43-477d-8b3b-7d17fa0e3499 (дата обращения: 28.01.2025)

221. La Rosa, A., Mazzilli, M. G. DSA: the European 'good samaritan' rule and the ‘safe harbour’ regime. [Электронный ресурс] URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=889e875c-9f43-477d-8b3b-7d17fa0e3499 (дата обращения: 14.09.2025)

222. Lapowsky, I. The Sundar Pichai Hearing Was a Major Missed Opportunity. URL: https://www.wired.com/story/congress-sundar-pichai-google-ceo-hearing/ (дата обращения: 14.09.2025)

223. Liberto, D., Scott, G., Schmitt, K.R. 10 Biggest Semiconductor Companies. [Электронный ресурс] URL: https://www.investopedia.com/articles/markets/012216/worlds-top-10-semiconductor-companies-tsmintc.asp (дата обращения: 14.09.2025)

224. Maher, I. Regulatory design in the EU Digital Markets Act: no solo run for the European Commission // Journal of Antitrust Enforcement — 2024 — Volume 12, Issue 2 — Pp. 273 – 279 [Электронный ресурс] URL: https://academic.oup.com/antitrust/article/12/2/273/7666734 (дата обращения: 14.09.2025)

225. Mansell, R. Here Comes the Revolution — the European Digital Agenda. — 2014 [Электронный ресурс] URL: https://www.dhi.ac.uk/san/waysofbeing/data/governance-crone-mansell-2014.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

226. Mărcuț, M., Crystalizing the EU Digital Policy: An Exploration into the Digital Single Market // Springer — 2017 — 217 pp. — ISBN 978-3-319-69226-5

227. Meyers, Z. If the “Brussels effect” fades in tech markets, the EU will only have itself to blame. [Электронный ресурс] URL: https://www.cer.eu/in-the-

press/if-“brussels-effect”-fades-tech-markets-eu-will-only-have-itself-blame (дата обращения: 14.09.2025)

228. Misra, S., Barik, K., Kvalvik, P. Digital Sovereignty in the Era of Industry 5.0: Challenges and Opportunities // Procedia Computer Science — 254 — Pp. 108 – 117

229. Morton, F.S., Caffarra C. The European Commission Digital Markets Act: A translation — 2021 [Электронный ресурс] URL: https://cepr.org/voxeu/columns/european-commission-digital-markets-act-translation (дата обращения: 31.11.2023)

230. Motta, M., Peitz, M., Schweitzer, H., eds. Market Investigations: A New Competition Tool for Europe? // Cambridge University Press — 2022. — 300 pp.

231. Nunziato, D.C. The Digital Services Act and the Brussels Effect on Platform Content Moderation. [Электронный ресурс] URL: https://cjil.uchicago.edu/print-archive/digital-services-act-and-brussels-effect-platform-content-moderation (дата обращения: 14.09.2025)

232. Ophèle, R., Dejmek-Hack, P., Restoy, F., Kovařík, O., Mella, S., Laurensy, P., Neglen, N., Hielkema, P. Digitalisation trends in financial services. [Электронный ресурс] URL: https://www.eurofi.net/wp-content/uploads/2023/06/eurofi_digitalisation-trends-in-financial-services_stockholm_april-2023.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

233. Papakonstantinou, V., De Hert, P. The Regulation of Digital Technologies in the EU: The law-making phenomena of “act-ification”, “GDPR mimesis” and “EU law brutality” // Technology and Regulation — 2022 — Pp. 48-60

234. Parker, G.G., Marshall, W.V.A., Choudary, S.P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy—and How to Make Them Work for You — W. W. Norton & Company; Illustrated edition — 2016. — 352 pp.

235. Rogge, N. EU countries’ progress towards ‘Europe 2020 strategy targets’. // Journal of Policy Modeling — 2019 — Pp. 255-272 [Электронный ресурс] URL: https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2019.03.003 (дата обращения: 14.09.2025)

236. Rohmann, K., Klein, F., Lux, A. Digital Transformation in the EU 2035. A Glimpse into the Future. // Monitor Deloitte — Issue 07/2019 — Pp. 20. [Электронный ресурс] URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/de/Documents/strategy/deloitte-future-of-digital-transformation-eu-2035.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

237. Roth, E. The EU's Digital Services Act goes into effect today: here's what that means. [Электронный ресурс] URL: https://www.theverge.com/23845672/eu-digital-services-act-explained (дата обращения: 14.09.2025)

238. Savin, A. Regulating internet platforms in the EU — The emergence of the «Level playing Field» // Computer law & Security review — 2018 — № 34. — Pp. 1215–1231.

239. Sydell, L. U.S. Internet Execs Testify to Congress on China Dealings. [Электронный ресурс] URL: https://www.npr.org/2006/02/16/5219005/u-s-internet-execs-testify-to-congress-on-china-dealings (дата обращения: 14.09.2025)

240. Treidler, O. Evaluating the Lisbon strategy // Wirtschaftswissenschaftliche Beiträge — 2011 — No. 115 [Электронный ресурс] URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/54991/1/684357070.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

241. Turillazzi, A., Taddeo, M., Floridi L., Casolari, F. The digital services act: an analysis of its ethical, legal, and social implications // Law, Innovation and Technology — 2023 — 15:1 — Pp. 83-106

242. Wilman, F., The Digital Services Act (DSA) - An Overview — 2022 [Электронный ресурс] URL: https://ssrn.com/abstract=4304586( дата обращения: 14.09.2025)

243. Zhu, K. Ranked: Semiconductor Production by Country or Region (1990-2032F). [Электронный ресурс] URL: https://www.visualcapitalist.com/semiconductor-production-by-country-or-region-1990-2032f/ (дата обращения: 14.09.2025)

## 3. Статистические сборники и материалы на русском и иностранном языках

244. Индикаторы цифровой экономики: 2024 : статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 276 с. – 350 экз. – ISBN 978-5-7598-3008-5 (в обл.) URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/995751983.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

245. Росстат — Сборники. [Электронный ресурс] URL: https://53.rosstat.gov.ru/science_2 (дата обращения: 14.09.2025)

246. Экономика Рунета / Цифровая экономика России 2023/2024. [Электронный ресурс] URL: https://raec.ru/activity/analytics/9884/ (дата обращения: 14.09.2025)

247. Росстат оценил инфляцию в РФ в 2023 году в 7,42%. [Электронный ресурс] URL: https://www.interfax.ru/business/940012 (дата обращения: 14.09.2025)

248. Di Bucci, V. Statistics concerning the judicial activity of the General Court – 2024. [Электронный ресурс] URL: https://curia.europa.eu/jcms/jcms/Jo2_7041/en/ (дата обращения: 14.09.2025)

249. Europe 2020. Ecommerce Region Report. [Электронный ресурс] URL: https://ecommercegermany.com/blog/key-takeaways-from-e-commerce-region-report-europe-2020 (дата обращения: 14.09.2025)

250. European Ecommerce Report 2018 Edition. [Электронный ресурс] URL: https://www.eurocommerce.eu/app/uploads/2023/09/european-ecommerce-report-2018.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

251. European Ecommerce Report 2019 edition. [Электронный ресурс] URL: https://www.eurocommerce.eu/app/uploads/2023/09/european-ecommerce-report-2019-freeversion-reduced.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

252. Market share of leading search engines worldwide from January 2015 to March 2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.statista.com/statistics/1381664/worldwide-all-devices-market-share-of-search-engines/ (дата обращения: 14.09.2025)

253. Most popular social networks worldwide as of February 2025, by number of monthly active users. [Электронный ресурс] URL: https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users/ (дата обращения: 14.09.2025)

254. Number of internet users in Europe from 2014 to 2029. [Электронный ресурс] URL: https://www.statista.com/forecasts/1145081/internet-users-in-europe (дата обращения: 14.09.2025)

255. Semiconductor Manufacturing by Country 2025. [Электронный ресурс] URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/semiconductor-manufacturing-by-country (дата обращения: 14.09.2025)

256. Share of households with internet access in the European Union (EU) from 2010 to 2023. [Электронный ресурс] URL: https://www.statista.com/statistics/377585/household-internet-access-in-eu28/ (дата обращения: 14.09.2025)

## 4. Новостные, аналитические и иные публикации на русском и иностранных языках

257. Бизнес выступил против текущей редакции законопроекта о платформенной экономике [Электронный ресурс] URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/12/28/1084392-biznes-vistupil-protiv-tekuschei-redaktsii (дата обращения: 14.09.2025)

258. Больше половины россиян узнают новости через телевидение, показал опрос. [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20240227/novosti-1929858948.html (дата обращения: 14.09.2025)

259. Бунт в Wildberries: что делать партнерам маркетплейса [Электронный ресурс] URL: https://pravo.ru/story/245611/ (дата обращения: 14.09.2025)

260. В ЕАЭС началось переформатирование цифровой повестки [Электронный ресурс] URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-nachalos-pereformatirovanie-tsifrovoy-povestki-/ (дата обращения: 14.09.2025)

261. В ЕАЭС приступили к практической работе над соглашением об обороте данных. [Электронный ресурс] URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-pristupili-k-prakticheskoj-rabote-nad-soglasheniem-ob-oborote-dannyh-/ (дата обращения: 14.09.2025)

262. В Ozon в депутатском законопроекте увидели угрозу гибели всей бизнес-модели. [Электронный ресурс] URL: https://www.interfax.ru/russia/929575 (дата обращения: 14.09.2025)

263. Владельцы пунктов выдачи заказов требуют у Wildberries полмиллиарда через суд [Электронный ресурс] URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-04-14_vladeltsy_punktov_vydachi (дата обращения: 14.09.2025)

264. Власти раскритиковали законопроект о маркетплейсах [Электронный ресурс] URL: https://pravo.ru/news/252805/ (дата обращения: 14.09.2025)

265. Власти смягчили проект закона о платформенной экономике [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/11/2024/674304369a794701a6a05037 (дата обращения: 14.09.2025)

266. Депутаты Парламентского Собрания отмечают важность развития цифрового суверенитета Союзного государства. [Электронный ресурс] URL: https://belrus.ru/info/deputaty-parlamentskogo-sobraniya-otmechayut-vazhnost-razvitiya-cifrovogo-suvereniteta-soyuznogo-gosudarstva/ (дата обращения: 14.09.2025)

267. Доклад «Евразийский транспортный каркас», 2024 г. [Электронный ресурс] URL: https://eabr.org/upload/iblock/6ce/Evraziyskiy-transportnyy-karkas.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

268. ЕАЭС развивает евразийские транспортные коридоры. [Электронный ресурс] URL: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-razvivaet-evraziyskie-transportnye-koridory/ (дата обращения: 14.09.2025)

269. Маркетплейсы: как регулируется их работа в России [Электронный ресурс] URL: https://pravo.ru/story/239011/ (дата обращения: 14.09.2025)

270. Минэк учел замечания к поправкам о маркетплейсах и агрегаторах, [Электронный ресурс] URL: https://pravo.ru/news/255550/ (дата обращения: 14.09.2025)

271. Минэкономразвития России представило законопроект о платформенной экономике [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/news/1770071/ (дата обращения: 14.09.2025)

272. На международной выставке «Иннопром» в Екатеринбурге состоялось заседание Совета по промышленной политике ЕАЭС. [Электронный ресурс] URL: https://eec.eaeunion.org/news/na-mezhdunarodnoy-vystavke-innoprom-v-ekaterinburge-sostoyalos-zasedanie-soveta-po-promyshlennoy-pol/ (дата обращения: 14.09.2025)

273. Некрасова, Е. Штрафы вместо лайков: кому и какую рекламу запретили размещать в заблокированных соцсетях. [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/article/1845542/ (дата обращения: 14.09.2025)

274. Новости и россияне: откуда получают информацию наши граждане? [Электронный ресурс] URL: https://ruinformer.com/page/novosti-i-rossijane-otkuda-poluchajut-informaciju-nashi-grazhdane (дата обращения: 14.09.2025)

275. О фонде цифровых инициатив ЕАБР [Электронный ресурс] URL: https://fci.eabr.org/about/ (дата обращения: 14.09.2025)

276. Отчет о деятельности Фонда цифровых инициатив Евразийского банка развития в 2021 году. [Электронный ресурс] URL: https://fci.eabr.org/upload/report_fci_2021_19.01.2022.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

277. Проекты ФЦИ. [Электронный ресурс] URL: https://fci.eabr.org/projects/ (дата обращения: 14.09.2025)

278. Развитие цифровой экономики в регионах России. Потенциал и перспективы [Электронный ресурс] URL: https://forumspb.com/news/news/razvitie-tsifrovoj-ekonomiki-v-regionah-rossii-potentsial-i-perspektivy/ (дата обращения: 14.09.2025)

279. Реестр перспективных проектов ЕАБР. [Электронный ресурс] URL: https://fci.eabr.org/upload/reestr_perspective_project_160924.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

280. Реестр реализуемых проектов ЕАБР. [Электронный ресурс] URL: https://fci.eabr.org/upload/reestr_real_project_160924.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

281. Российские власти потратили на цифровизацию Евразийского экономического союза более полумиллиарда рублей. [Электронный ресурс] URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-01-13_rossijskie_vlasti_potratili (дата обращения: 14.09.2025)

282. Система поиска «Работа без границ». [Электронный ресурс] URL: https://trudvsem.ru/landing-rbg (дата обращения: 14.09.2025)

283. Страны ЕАЭС реализуют соглашение о применении навигационных пломб для отслеживания перевозок до 31 мая. [Электронный ресурс] URL: https://index1520.com/news/strany-eaes-realizuyut-soglashenie-o-primenenii-navigatsionnykh-plomb-dlya-otslezhivaniya-perevozok-/ (дата обращения: 14.09.2025)

284. Улиханова, М. 18 мая 1998 года был подан антимонопольный иск против Microsoft. В роли истца выступило Министерство юстиции США [Электронный ресурс] URL: https://digitalocean.ru/n/18-maya-1998-goda-byl-podan-antimonopolnyj-isk-protiv-microsoft (дата обращения: 06.04.2025)

285. ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», ООО «Платформа Третье Мнение» и ООО «Центр пространственных исследований» стали победителями Конкурса цифровых проектов Фонда цифровых инициатив Евразийского банка развития (ФЦИ ЕАБР). [Электронный ресурс] URL: https://fci.eabr.org/press/news/zdravookhranenie-

obrazovanie-i-prostranstvennye-dannye-opredeleny-pobediteli-konkursa-tsifrovykh-pro/ (дата обращения: 14.09.2025)

286. Фонд цифровых инициатив ЕАБР предоставил грантовое финансирование для создания национальной инфраструктуры. [Электронный ресурс] URL: https://fci.eabr.org/press/news/fond-tsifrovykh-initsiativ-eabr-predostavil-grantovoe-finansirovanie-dlya-sozdaniya-natsionalnoy-inf/ (дата обращения: 14.09.2025)

287. Фонд цифровых инициатив Евразийского банка развития (ФЦИ ЕАБР) предоставил грантовое финансирование для реализации международного проекта GovStack в странах СНГ. [Электронный ресурс] URL: https://fci.eabr.org/press/news/fond-tsifrovykh-initsiativ-eabr-vydelil-grant-na-razvitie-tsifrovogo-gosudarstvennogo-upravleniya-v-/ (дата обращения: 14.09.2025)

288. Цифровую повестку ЕАЭС 2.0 обсудят на ЕЭФ-22 [Электронный ресурс] URL: https://eec.eaeunion.org/news/tsifrovuyu-povestku-eaes-2-0-obsudyat-na-eef-22/ (дата обращения: 14.09.2025)

289. Четыре законодательные инициативы о маркетплейсах сошлись врукопашную [Электронный ресурс] URL: https://www.comnews.ru/content/234383/2024-07-19/2024-w29/1007/chetyre-zakonodatelnye-iniciativy-o-marketpleysakh-soshlis-vrukopashnuyu (дата обращения: 14.09.2025)

290. Agustsson, P. Top 10 E-commerce Online Marketplaces in Europe 2024. [Электронный ресурс] URL: https://gominga.com/top-marketplaces-in-europe/ (дата обращения: 14.09.2025)

291. Armenia. [Электронный ресурс] URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/armenia/ (дата обращения: 14.09.2025)

292. Armenia’s Uncertain Path to Europe. [Электронный ресурс] URL: https://www.zois-berlin.de/en/publications/zois-spotlight/armenias-uncertain-path-to-europe (дата обращения: 14.09.2025)

293. Australia’s mandatory merger control legislation introduced into Parliament. [Электронный ресурс] URL: https://www.whitecase.com/insight-alert/australias-mandatory-merger-control-legislation-introduced-parliament (дата обращения: 14.09.2025)

294. Barilyuk, E. Most popular marketplaces in Europe for 2024. [Электронный ресурс] URL: https://mulwi.com/blog/european-marketplaces/ (дата обращения: 14.09.2025)

295. Big Tech facing ex ante competition regime in Australia. [Электронный ресурс] URL: https://www.innovationaus.com/big-tech-facing-ex-ante-competition-regime-in-australia/ (дата обращения: 14.09.2025)

296. Brussels Effect Under Attack: Fatigue, Digital Fallacies, and Reinvention. [Электронный ресурс] URL: https://www.techpolicy.press/brussels-effect-under-attack-fatigue-digital-fallacies-and-reinvention/ (дата обращения: 14.09.2025)

297. China Clarifies Safe Harbor Rules for Price Resale Agreements – New Draft Amendment. [Электронный ресурс] URL: https://www.china-briefing.com/news/china-safe-harbor-rules-anti-monopoly-regulations/ (дата обращения: 14.09.2025)

298. Commission designates Booking as a gatekeeper and opens a market investigation into X*. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_2561 (дата обращения: 14.09.2025)

299. Commission opens non-compliance investigations against Alphabet, Apple and Meta under the Digital Markets Act. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_1689 (дата обращения: 14.09.2025)

300. Competition Regulation of Digital Platforms in China. [Электронный ресурс] URL: https://www.promarket.org/2025/04/01/competition-regulation-of-digital-platforms-in-china/ (дата обращения: 14.09.2025)

301. Deal on Digital Markets Act: EU rules to ensure fair competition and more choice for users. [Электронный ресурс] URL:

https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20220315IPR25504/deal-on-digital-markets-act-ensuring-fair-competition-and-more-choice-for-users (дата обращения: 14.09.2025)

302. Digital Competition Law. [Электронный ресурс] URL: https://prsindia.org/policy/report-summaries/digital-competition-law (дата обращения: 14.09.2025)

303. Digital Markets Act: rules for digital gatekeepers to ensure open markets enter into force. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_6423 (дата обращения: 14.09.2025)

304. Digital Services Act: The EDRi guide to 2,297 amendment proposals. [Электронный ресурс] URL: https://edri.org/wp-content/uploads/2021/10/EDRi-policy-paper-Digital-Services-Act-Nov-2021.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

305. Digital Transport Corridors Ecosystem. [Электронный ресурс] URL: https://dtce.ru/ (дата обращения: 14.09.2025)

306. Digitalisation trends and policy approach. [Электронный ресурс] URL: https://www.eurofi.net/wp-content/uploads/2023/07/the-eurofi-high-level-seminar_stockholm_digitalisation-trends-and-policy-approach_summary_april-2023.pdf (дата обращения: 14.09.2025)

307. European Board for Digital Services. [Электронный ресурс] URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/dsa-board (дата обращения: 14.09.2025)

308. High-Level Group for the Digital Markets Act agrees to coordinate efforts to ensure that AI development aligns with the DMA objectives. [Электронный ресурс] URL: https://digital-markets-act.ec.europa.eu/high-level-group-digital-markets-act-agrees-coordinate-efforts-ensure-ai-development-aligns-dma-2024-05-23_en (дата обращения: 14.09.2025)

309. How the Digital Services Act enhances transparency online. [Электронный ресурс] URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/dsa-brings-transparency (дата обращения: 14.09.2025)

310. Kazakh ambassador presents credentials to NATO Secretary General. [Электронный ресурс] URL: https://qazinform.com/news/kazakh-ambassador-presents-credentials-to-nato-secretary-general-212bf5 (дата обращения: 14.09.2025)

311. Kroet, C. Telegram still doesn't meet large platform requirements under DSA. [Электронный ресурс] URL: https://web.archive.org/web/20250605150647/https://www.euronews.com/next/2024/08/21/telegram-still-doesnt-meet-large-platform-requirements-under-dsa (дата обращения: 14.09.2025)

312. Latest updates on Digital Markets Act. [Электронный ресурс] URL: https://competition-cases.ec.europa.eu/latest-updates/InstrumentDMA (дата обращения: 14.09.2025)

313. List of Acquisitions. [Электронный ресурс] URL: https://digital-markets-act-cases.ec.europa.eu/acquisitions (дата обращения: 14.09.2025)

314. Media package: Select Committee on CCP Holds Hearing - "The Great Firewall and the CCP's Export of its Techno-Authoritarian Surveillance State". [Электронный ресурс] URL: https://selectcommitteeontheccp.house.gov/media/press-releases/media-package-select-committee-ccp-holds-hearing-great-firewall-and-ccps (дата обращения: 14.09.2025)

315. News: Japan Releases 'Mobile Software Competition Act Guidelines' Targeting Apple and Google. [Электронный ресурс] URL: https://fastspring.com/blog/news-japan-releases-mobile-software-competition-act-guidelines-targeting-apple-and-google/ (дата обращения: 14.09.2025)

316. Procedures in Article 102 Investigations. [Электронный ресурс] URL: https://competition-policy.ec.europa.eu/antitrust-and-cartels/procedures/article-102-investigations_en (дата обращения: 14.09.2025)

317. Relations with Armenia. [Электронный ресурс] URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_48893.htm (дата обращения: 14.09.2025)

318. Relations with Kazakhstan. [Электронный ресурс] URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49598.htm (дата обращения: 14.09.2025)

319. Strengthening Europe's Semiconductor Future. [Электронный ресурс] URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/strengthening-europes-semiconductor-future (дата обращения: 14.09.2025)

320. Supervision of the designated very large online platforms and search engines under DSA. [Электронный ресурс] URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/list-designated-vlops-and-vloses (дата обращения: 14.09.2025)

321. The Digital Services Act: Ensuring a safe and accountable online environment. [Электронный ресурс] URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-services-act_en (дата обращения: 14.09.2025)

322. The European Union and Kazakhstan. [Электронный ресурс] URL: https://www.eeas.europa.eu/kazakhstan/european-union-and-kazakhstan_en (дата обращения: 14.09.2025)

323. The Law on Online Platforms and Online Advertising. [Электронный ресурс] URL: https://vakhidovlaw.com/en/resources/news/the-law-on-online-platforms-and-online-advertising (дата обращения: 14.09.2025)

324. Trusted flaggers under the Digital Services Act (DSA). [Электронный ресурс] URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/trusted-flaggers-under-dsa (дата обращения: 14.09.2025)

325. Verbatim report of proceedings. Wednesday, 13 September 2023, Strasbourg. [Электронный ресурс] URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-9-2023-09-13-ITM-002_EN.html (дата обращения: 14.09.2025)

# ПРИЛОЖЕНИЕ

*Таблица 1. Экономические показатели производства полупроводников по странам*

| **Государство** | **Количество предприятий (данные на 2024 г.)** | **Доля от общемирового производства (прогноз на 2025 г.)** |
|---|---|---|
| Япония | 103 | 15% |
| США | 95 | 11% |
| Китай | 81 | 24% |
| Тайвань | 80 | 18% |
| Германия | 22 | До 5%, возм., около 1% |
| Южная Корея | 15 | 18% |

*Таблица 2. Различия между приостановлением и освобождением от статуса гейткипера*

| **Критерий сравнения** | **Приостановление** | **Освобождение** |
|---|---|---|
| **Инициатива** | По запросу гейткипера | По запросу гейткипера или по инициативе Еврокомиссии |
| **Мотивация** | Соблюдение обязательства в связи с объективными обстоятельствами поставит под угрозу экономическую жизнеспособность гейткипера в ЕС | Соблюдение обязательств невозможно по соображениям общественной безопасности или общественного здоровья |
| **Характер мер** | Полный или частичный | Полный или частичный |
| **Продолжительность мер** | Пока не исчезнет угроза экономической жизнеспособности | — |
| **Степень меры** | Зависит от характера угрозы экономической жизнеспособности | — |
| **Срок принятия решения** | Не позднее 3 месяцев после получения запроса | Не позднее 3 месяцев после получения запроса |
| **Процедура принятия решения** | В соответствии со ст. 50 DMA | В соответствии со ст. 50 DMA |
| **Пересмотр решения** | Каждый год или чаще | Каждый год |
| **Результат пересмотра** | Полная или частичная отмена решения о приостановлении или оставление его в силе | Полная или частичная отмена решения об освобождении или оставление его в силе |
| **Возможность применения меры до принятия окончательного решения** | В случае крайней необходимости | В случае крайней необходимости |

*Таблица 3. Таблица гейткиперов*

| **Цифровая корпорация** | **Сервис, в отношении которого корпорация признана гейткипером** |
|---|---|
| Alphabet | Google Shopping |
| | Google Play |
| | Google Maps |
| | Google Search |
| | YouTube |
| | AndroidOS |
| | Google Chrome |
| | а также рекламные онлайн-сервисы, включая Google Analytics и AdSense |
| Amazon | Amazon Marketplace |
| | Amazon Advertising |
| Apple | AppStore |
| | Apple iOS |
| | Safari |
| | iPadOS |
| ByteDance | TikTok |
| Meta[445] | Facebook |
| | Instagram |
| | Meta Ads |
| | WhatsApp |
| | Meta Messenger и Marketplace[446] |
| Microsoft | Операционные системы Microsoft для персональных компьютеров |
| | LinkedIn[447] |
| Booking[448] | Booking |

[445] Facebook, Instagram принадлежат компании Meta, которая признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ

[446] Messenger и Marketplace для нужд DMA формально выделены как отдельные сервисы из Facebook

[447] LinkedIn заблокирован в РФ в связи с нарушением законодательства о защите персональных данных

[448] Latest updates on Digital Markets Act. URL: https://competition-cases.ec.europa.eu/latest-updates/InstrumentDMA (дата обращения: 14.09.2025)

*Таблица 4. Таблица VLOPs и VLOSEs по состоянию на июль 2025 г.*

| **Компания (провайдер)** | **Сервис (платформа), который послужил поводом к внесению в перечень** | **Статус в соответствии с DSA** |
|---|---|---|
| AliExpress International (Netherlands) B.V. | AliExpress | VLOP |
| Amazon Services Europe S.à.r.l. | Amazon Store | VLOP |
| Apple Distribution International Limited | App Store | VLOP |
| Aylo Freesites Ltd | Pornhub | VLOP |
| Booking.com B.V. | Booking.com | VLOP |
| Google Ireland Ltd. | Google Search | VLOSE |
| | Google Play | VLOP |
| | Google Maps | VLOP |
| | Google Shopping | VLOP |
| | Youtube | VLOP |
| Infinite Styles Services Co, Ltd | Shein | VLOP |
| LinkedIn Ireland Unlimited Company[449] | LinkedIn | VLOP |
| Meta[450] Platforms Ireland Limited (MPIL) | Facebook | VLOP |
| | Instagram | VLOP |
| Microsoft Ireland Operations Limited | Bing | VLOSE |
| NKL Associates s.r.o | XNXX | VLOP |
| Pinterest Europe Ltd. | Pinterest | VLOP |
| Snap B.V. | Snapchat | VLOP[451] |
| Technius Ltd. | Stripchat | VLOP |
| TikTok Technology Limited | TikTok | VLOP |
| Twitter International Unlimited Company (TIUC) | X | VLOP |
| Whaleco Technology Limited | Temu | VLOP |
| WebGroup Czech Republic | XVideos | VLOP |
| Wikimedia Foundation Inc 3 | Wikipedia | VLOP |
| Zalando SE | Zalando | VLOP |

[449] LinkedIn заблокирован в РФ в связи с нарушением законодательства о защите персональных данных

[450] Facebook, Instagram принадлежат компании Meta, которая признана экстремистской организацией; деятельность Meta запрещена на территории РФ

[451] Статус снят с мая 2025 г. в связи с недостижением пороговых значений по числу пользователей

*Таблица 5. Предполагаемое проявление брюссельского эффекта Регламентов*

| Государство | Возможное влияние брюссельского эффекта от принятия DMA и DSA |
|---|---|
| **Бразилия** | Как считается, бразильский Общий закон о защите данных (General Data Protection Law) основывается на GDPR, а ряд законопроектов в сферах ИИ, цифровых рынков, защиты детей и подростков в онлайн-среде и др. вдохновлены законодательством ЕС[452] |
| **Австралия** | Готовится к принятию билль, ужесточающий условия слияния и поглощения. Билль, хотя и не направлен напрямую на регулирование деятельности цифровых платформ, затронет их[453]. Предположительно, эти новые нормы вдохновлены DMA и DSA[454] |
| **Китай** | Разрабатывается проект поправок в антимонопольное законодательство (Prohibition of Monopoly Agreements), который будет защищать небольшие компании от расследований антимонопольного органа и наложения штрафов[455]. Данные поправки слабо отсылают к DMA или DSA. Как утверждается, более близки к DMA и DSA руководящие принципы антимонопольного органа Китая, опубликованные в 2021 г.[456] |
| **Индия** | Подготовлен проект нового закона, регулирующего деятельность цифровых платформ. Предположительно, в достаточной степени вдохновлен DMA[457] |
| **Япония** | В 2024 г. принят эквивалент DMA — Smartphone Software Competition Promotion Act — однако он имеет более узкую сферу действия и касается только Google и Apple[458] |
| **Казахстан** | В 2023 г. был принят Закон об онлайн платформах и онлайн рекламе (On Online Platforms and Online Advertising), который регулирует деятельность онлайн-платформ на территории Казахстана, а также производство, размещение, распространение и хранение онлайн-рекламы на территории Казахстана. В части положений о модерации контента, возможно, вдохновлен DSA[459] |

[452] Brussels Effect Under Attack: Fatigue, Digital Fallacies, and Reinvention. URL: https://www.techpolicy.press/brussels-effect-under-attack-fatigue-digital-fallacies-and-reinvention/ (дата обращения: 14.09.2025)

[453] Australia's mandatory merger control legislation introduced into Parliament. URL: https://www.whitecase.com/insight-alert/australias-mandatory-merger-control-legislation-introduced-parliament (дата обращения: 14.09.2025)

[454] Big Tech facing ex ante competition regime in Australia. URL: https://www.innovationaus.com/big-tech-facing-ex-ante-competition-regime-in-australia/ (дата обращения: 14.09.2025)

[455] China Clarifies Safe Harbor Rules for Price Resale Agreements – New Draft Amendment. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-safe-harbor-rules-anti-monopoly-regulations/ (дата обращения: 14.09.2025)

[456] Competition Regulation of Digital Platforms in China. URL: https://www.promarket.org/2025/04/01/competition-regulation-of-digital-platforms-in-china/ (дата обращения: 14.09.2025)

[457] Digital Competition Law. URL: https://prsindia.org/policy/report-summaries/digital-competition-law (дата обращения: 14.09.2025)

[458] News: Japan Releases 'Mobile Software Competition Act Guidelines' Targeting Apple and Google. URL: https://fastspring.com/blog/news-japan-releases-mobile-software-competition-act-guidelines-targeting-apple-and-google/ (дата обращения: 14.09.2025)

[459] The Law on Online Platforms and Online Advertising. URL: https://vakhidovlaw.com/en/resources/news/the-law-on-online-platforms-and-online-advertising (дата обращения: 14.09.2025)

| | |
|---|---|
| **Великобритания** | Имеются параллели положений DMA и DSA с положениями Закона о безопасности в Интернете (Online Safety Act), принятого британским Парламентом в октябре 2023 г., и Закона о цифровых рынках, конкуренции и потребителях (Digital Markets, Competition and Consumers Bill), принятым в мае 2024 г.[460]. |
| **США** | Придерживается иных подходов к регулированию деятельности цифровых корпораций, в частности, из-за приверженности свободе слова |

[460] Niestadt, M., Reichert, J. Указ.соч. Pp. 7 – 9